№ 9
/ДЕКАБРЬ/ 2008

ИРКУТСКИЕ КУЛУАРЫ

ЖУРНАЛ СЕКРЕТОВ И ТАЙН... РАСКРЫТЫХ!

Кто следующий? Мэр.

Что такое кризис по-ангарски.

Проклятые 90-е... Как я вас люблю!

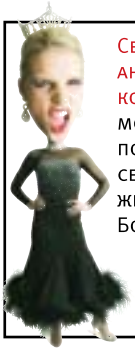
Заметки на обочине.

Зверский случай.

Одинокие отцы: лохи или герои?

содержание:

От Кощея к Лебедю и обратно. Почти каждая женщина в своей жизни претерпевает фамильные метаморфозы – в прямом смысле фамильные. Иногда вместе с фамилией меняет саму жизнь. Нашей героине повезло... стр. 5



Секвестр бриллиантов с гульфиков. На кризис можно смотреть по-разному. Мы сегодня даем женский взгляд! Бойтесь. стр. 7

Не спешите выбрасывать телевизор! А это ангарский взгляд на кризис. Бойтесь. Не кризиса – ангарчан! стр. 9

Женщина в шапке, с ружьишком, с мечтой. Так выглядит собирательный портрет сибиряка (именно сибиряка – не сибирячки) с точки зрения калининградских социологов. Однако! стр. 12

Я люблю вас, «проклятые девяностые»! Ну, вот, заностальгировали по 90-ым. Так и до 30-ых дойдёт. Во всяком случае, музей Сталина в Иркутске уже открыли... Вот бы выходцам из 90-х немножко Сталина – чтоб не зазнавались! стр. 16

Конкуренция с эпитетом «цивилизованная», директор с должностью «коммерческий». Светлана Димова, «Байкалвестком». стр. 20

Проездом. В мире проживает почти 6 миллиардов человек. И добрая часть из них бывала в Иркутске хотя бы проездом. И теперь имеет о нашем городе своё мнение. Иногда совсем не доброе. стр. 24

Заметки на обочине. «Концепция развития городского пассажирского транспорта общего пользования в г. Иркутске», страница 39, не даёт покоя пассажирам. Вот они и пишут где попало свои заметки. Часто – прямо на обочинах. стр. 28

Мифы об Иркутске. Это – самый некрасивый город, в котором живут самые уродливые жители, которым на судьбу своей родины наплевать. Или не так? стр. 32

Кто на мэра? Высший пост в публичной политике применительно к столице Восточной Сибири... Кто претендует на то, чтобы занять его? Новый политический сезон, по сути, начался. стр. 38

стр. 42 Инаугурация... Как много в этом звуке!

Взлетим? Презентация... Как много разных звуков из альбома «Взлетим?» – в галерее «Планетарий»! Впрочем, не только звуков. Картинок – тоже. стр. 45

Сколько у нас «измов». Иркутск – толерантный город. Здесь безболезненно уживаются красные, белые, желтые и зеленые. И даже анархисты не разрушают, а строят. По мнению автора. стр. 50

Что за комиссия, создатель? Комиссия-то обыкновенная – областная избирательная. Да вот чего она и для чего делает, если сама никого не избирает? стр. 55

Дерево камень. Где тут дерево, и кто – камень, непонятно: тот, кто уничтожает реальные памятники архитектуры, или тот, кто призывает в ранг памятников возводить бараки? стр. 58

Из каторжников – в премьеры!
Новую рубрику имени своего имени открывает профессор Зоркин. И рассказ его – о простом парне, нашем земляке, достигшем властных высот. Зорко подмечено!

стр. 64

Одинокие отцы – лохи или орлы?
Развёрнутое научно-популярное исследование с привлечением психологов, феминисток и собственно отцов.

стр. 70

Счастье – быть вечным. Оказывается, в этом мире есть люди, которые знают, что такое счастье. Мало того, они представляют, как его достичь. Причём без помощи алкоголя. Невероятно, но факт!

стр. 75

Зверский случай.
Иногда домашние животные бывают понятливее хозяев. Или, по крайней мере, безобиднее. Они, если расстроятся, могут облаять или укусить. Всего-то, как показывает этот случай.

стр. 80

стр. 82

Сказка про сестёр. Так длится испокон веков: зачем-то нас объединяет Бог в одной семье.

Про «Эйфорию» и свинарок, о болтах в томате и настоящем кино. Владимир Иванович Самойличенко вернулся со съезда. Со скандального VII съезда кинематографистов России. Но пишет не о скандалах, а о настоящем кино. Вчерашнем и сегодняшнем.

стр. 83

Из стола. Бумаги иногда нужно перебирать. Среди них может обнаружиться что-то ценное. Пять рублей, например. Или стихи – такие, за которые не совсем стыдно. Или даже совсем не стыдно, а радостно, что записал и не выбросил.

стр. 90

Виталий Семенов. Человек настроения. Настроение нужно кому для чего. Кому для того, чтобы просто быть милым. Кому – чтобы стать душой компании. Фотографу Семенову настроение надобно, чтоб уйти в себя. И без стука к нему не входить!

стр. 92

Это просто анекдот!
Анекдот-трансформер. Его можно сделать тостом, можно – с умным видом – притчей. А можно просто посмеяться и гостей посмешить. Иными словами, это наш подарок к Новогоднему столу!

стр. 96

«Иркутские Кулуары»

№ 9, 2008

Издатель
ООО «Продюсерский центр «Город»

Главный редактор
Андрей Фомин

Директор
Светлана Переломова

Коммерческий директор
Сергей Беспалов

Над выпуском работали:
Артём Световостоков, Инна Максименко, Роман Миролюбов, Надежда Зайцева, Владимир Хмыльников, Анна Иоффе, Андрей Москвин, Дмитрий Таевский, Виталий Зоркин, Андрей Исаев, Эдуард Мельников, Вячеслав Шляхов и другие.

Имиджевое фото
Дом Фотографа, г. Иркутск,
Тел.: 658-968

Дизайн
Александр Пинкин

Фото
Александр Новиков, Олег Малышев

Вёрстка
Жанна Измайлова

Обложка
Картина фотохудожника
Виталия Семёнова

Юридическое сопровождение:
Консалтинговое агентство «Большой Иркутск», Тел.: (3952) 27-18-62 (www.bigirk.ru)

Интернет-поддержка
сайт «Бабр.ру» (www. babr.ru)

Адрес нашей странички:
http://babr.ru/kuluar

Адрес:
Тел.: (3952) 651-900
e-mail: irk-kuluary@ya.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 38-0284Р от 28 апреля 2008 года выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охране культурного наследия по Иркутской области и Усть-Ордынскому Бурятскому автономному округу

Тираж 5000 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Принт Лайн»

Перепечатка текстов допускается только по согласованию с редакцией. Редакция не несёт ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях, а также информации о мероприятиях, предоставленной их организаторами. Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

от редактора

Здравствуйте!

Вот это жизнь! Вот это драйв!! Вот это... Что бы такого еще сказать? Вот это жители Иркутска!!! И, конечно, Иркутской области.

Что мы можем противопоставить этому дурацкому кризису? Что? А – все! Мы можем, например, повысить цены на автомойках – с 250 до 350 рублей! Влет, в течение суток. Пусть эти сволочи в Америке мучаются, пусть засунут себе свой кризис кое-куда и потом страдают! Глядя вдобавок, как мы им плюем в лицо.

А еще мы можем на все повысить цены, на все. На говядину? Да легко. На майонез собственного иркутского производства? Да уже. Так же, как на консервы, молоко, хлеб. И на шампуни тоже можем. И на мыло. А на фрукты и овощи можем цены не снижать, даже если они будут гнить на складах. Пусть. А мы снижать не будем. НЕТ! НИ ЗА ЧТО!!!

И пусть нам самим противно будет ходить по магазинам и рынкам, и смотреть, как мы же сами поднимаем цены на все, но мы будем морщиться и упрямо ходить. А вдруг надо еще маненько повысить? А потом поматериться?

А еще мы будем ругать любую власть – от Мирового правительства до нашего – и любых политиков – от кружка педерастов до парламентских партий – за случившееся с нами.

Потому что мы, что бы мы ни делали: воровали, обманывали, обирали, – мы делаем по справедливости, по правде. Ой, по правде!

Да, прибыль от продажи бензина у подавляющего большинства бензиноторговцев в регионе составляет больше 100%, то есть потребитель бензина оплачивает бензиноторговцам не только бензин, аренду помещений под АЗС, труд девушек у касс и прочее, он еще оплачивает и Мальдивы, где отдыхают владельцы этих АЗС, и их конкретные швейцарские часы и их тупеньких любовниц из числа несостоявшихся моделек.

Но бензиноторговцы обирают потребителей по справедливости! Они же не виноваты. Виноваты эти сволочи в Америке и, быть может, даже в Западной Европе. Или, допустим, в Гондурасе. И точно в Москве.

Так же, как не виноваты иркутские продавцы продуктов питания, многих услуг и предметов обихода. Им выжить надо! Шибко. А если надо, топчи тогда всех, кто поблизости – виноват будет все равно тот, кто далеко!

А нам – выжить. И только нам. Поодиночке. Всем месте тоже можно – было бы

Вот энергетики недавно собирали пожертвования в пользу детишек из Слюдянки – там, утверждают, хреново как-то особенно в одном детском доме. Ангарчане и усольчане собрали всего-то 25 тысяч рублей, лохи, а иркутяне-молодцы – аж 15 тысяч! Иркутяне, за исключением тех, конечно, кто все-таки что-то дал на ребятишек – славные ребята, знают, что в кризис надо топтать, а не спасать! Кто выживет, тот и будет прав. А заодно потом назначит и героев – нарисует, кто на самом деле дал детдомовцам больше. Даже если дал меньше...

А нам, работающим в журнале «Иркутские Кулуары», такая жизнь как раз и не нравится. Мы постараемся остаться самими собой. Любить исключительно и включительно себя и жить исключительно и включительно для себя – неправильно, пошло. Да и неумно. И даже не прагматично, в конце концов. Если каждый будет любить только себя, жизнь закончится. Разве нет?

С Новым Годом, с новым счастьем!

Фото: Дом Фотографа, г. Иркутск

От Кощея к Лебедю и обратно

– Так, сегодня я на машине, поэтому чай пить поедем в кафе, – твёрдо сказала мне Таня. И мы поехали.

– Ты видишь ту машину, справа? – разволновалась я по дороге.

– Да, вижу, мы едем по правилам, – Таня излучала уверенность, **– но почему они нам сигналят?**

– Может, это они так приветствуют? – не к месту пошутила я, но всё обошлось. Мы вырулили!

– Нельзя женщине за рулём разговаривать, – философствует Таня, не отрываясь от дороги, **– мужским делом занимаешься – делай его, как мужчина, молча. Мужчины же не умеют сразу два дела делать.**

Мужчины-то, может, и не умеют, а вот такие женщины, как Таня, по-моему, могут всё. Ну, или почти всё. Могут, например, руководить коллективом – Татьяна Викторовна возглавляет редакцию «Видеоканала». Могут воспитывать детей – у неё два сына, Степан и Арсений. Могут любить Жюля Верна и всерьёз собираться путешествовать по загадочной Чили (уж очень название нравится). Хотя что в этом удивительного: в Тане с детства уживались противоположные люди – физик и лирик. Точнее, математик и гуманитарий.

– Нет, любовь к литературе появилась у меня не сразу, где-то классе в седьмом, когда к нам пришла молодая, влюблённая в своё дело учительница, Тамара Юрьевна Климова. Как она рассказывала! За любым произведением из программы она видела человека, который это написал. Например, «Капитанская дочка» была не только повестью о русском бунте. Мы слушали историю про Пушкина, который поехал собирать материал по деревням, записывал рассказы людей, видевших своими глазами пугачевскую войну и самого Емельяна. И у нас, школьников, создавалось ощущение, что мы изучаем не какую-то там классическую литературу, а всё это связано с русской историей, то есть, по сути, с каждым из нас. Вот это я называю магией рассказчика. И, хоть сама, как мне кажется, не владею приёмами этой магии, с тех самых пор мечтаю быть преподавателем.

И, надо сказать, определённые шаги к осуществлению своей мечты Татьяна предпринимает. Она, невзирая на природную склонность к точным наукам, поступила в своё время на филологический факультет Иркутского госуниверситета, защитила диплом, студенткой работала с детьми в

педотряде. И пусть нынешняя её деятельность больше связана с журналистикой, но будущая – возможно и с преподаванием.

– Для меня преподавательская работа – это загадка. Владимир Фадеевич Мейеров, который был руководителем моей дипломной работы, обучал нас жёстко, не миндальничал со студентами, не хотел нам понравиться. А сейчас – хоть иди и преподавай по тем тетрадям, которые мы исписывали на его занятиях – они нисколько не устарели. Он мозги нам, конечно, поставил на место. Оценка, отбор материала, его систематизация. В русском языке легко ведь потеряться, но если тебе дали методологию, систему – он становится так же понятен, как математическая формула!

Кстати, именно Владимир Фадеевич помог Тане Кощеевой примириться с её фамилией.

Это именно он, любимый Танин преподаватель, первый сказал: «Татьяна, фамилия-то у вас сказочная!»

– Не знаю, может, он меня так утешал! Но в любом случае, филфак дал мне оценку того, что моя фамилия не столько обзывательная, сколько необычно-сказочная, фольклорная. В школе были только издёвки одноклассников. Фамилия-то и правда злая. Кощей Бессмертный – он ведь негативный персонаж.

Ну, да, в сказках Кощей – это костлявый и злой старик, обладатель огромного богатства, которое он никому не даёт. Слово «кощей» встречается ещё в «Слове о полку Игореве». Исследователи возводят его к многозначному тюркскому слову «кошчы» (qos + cy – аффикс деятеля), имеющему значения: пахарь; гуртовщик, ухаживающий за лошадьми при перекочёвке; раб. Академик Теодор Шумовский считает, что «кощей» и «кощунство» происходят от кушчи (жрец культа сокола). По его версии борьба православия с древними культами привела к тому, что все слова типа «поганый» (последователи культа огня), худой (не знаю, какого культа приверженцы), кощунство стали принудительно, в том числе, через сказки, очень плохими по смыслу.

– А как тебя в школе обзывали? – приятно всё же выяснять, что не тебе одной приходилось из-за своей фамилии выслушивать в детстве всякую чушь.

– «Кощейка» – это самое ласковое, чем награждали меня одноклассники. А ещё – Кощеиха. Так, кстати, называли мою бабушку, Галину Ильиничну, на которую я похожа и которую очень уважаю. Она вышла замуж за моего деда и превратилась из Журавлёвой в Кощееву. И я всё своё девичество мечтала об этой бабушкиной девичьей фамилии, думала, буду паспорт менять – и фамилию поменяю тоже. Фамилию сменить не удалось, но с процедурой переименования я познакомилась. И это мне впоследствии пригодилось.

Дальше всё закручивается, как в интеллектуальном детективе. Пришло время, Таня вышла замуж за человека по фамилии Шестаков. Так и жили бы они семьёй Шестаковых. И в дипломе университетском и в других важных документах у неё значилась бы эта фамилия. И дети у них тоже были бы Шестаковы. Но... тут Танин муж Серёжа неожиданно, но настолько всерьёз ссорится со своим отцом, что решает сменить фамилию. Себе, своей жене и будущим детям – тоже! Сменить фамилию своего отца на фамилию мамы. Благо, с мамой конфликта не было. И фамилия у неё оказалась почти по заказу, пусть не Журавлёва, но Лебедева. Так что мечты – пусть не дословно, не добуквенно, но сбываются.

– Ну а теперь влияние какой фамилии ты чувствуешь больше?

– Есть, конечно, и от той, и от другой. От Кощеевой – скрупулезность, стремление поддержать и сохранить традиции. Это касается всего – семьи, работы, друзей. Экономность – продукты, например, я вообще не умею выбрасывать. Хлеб засохший птицам лучше скормлю, чем в ведро выброшу, желание сделать что-то значимое, полезное сразу для всех. А Лебедева – это, наверное, крылья, а точнее, перо. Сын маленький говорил, когда видел меня на кухне за чтением рукописей: «Мама у нас писательница!» (Хотя я, конечно, больше читательница.) Еще это стремление к прекрасному – обожаю музеи, выставки, театр, занималась фотографией. Наш системщик, создавая мой e-mail, написал: ledeDeva, т.е. подчеркнул слово «Дева» в моей фамилии. Ну, то есть, женственность, мягкость, наверное, что-то такое есть или даже появилось в моём характере именно после перемены фамилии.

– А твой развод как-то на фамилию повлиял?

– Ну, нет, конечно. Лебедевой я и осталась – все вокруг к ней уже привыкли, дети с этой фамилией растут. Тут даже вопросов не возникало. Хотя скажу тебе по секрету, моя родная фамилия, несмотря ни на что, нравится мне больше.

Да, тут я с Таней солидарна: мужья приходят и уходят, а фамилия, с которой ты родилась, остаётся с тобой на всю жизнь.

Светлана Переломова

Секвестр бриллиантов с гульфиков

Дамские думы по поводу кризиса

«Разруха не в клозетах, а в головах» – эта фраза профессора Преображенского из «Собачьего сердца» Булгакова стала диагнозом на все времена. Меняйте первое слово на злобу дня, и суть останется неизменной. Как дураки и дороги. Гоголь ведь тоже написал, как мы убедились, на все времена.

Но вернемся к клозетам. И совсем не по надобности. Нет, конечно, по надобности, но другой – ассоциативной. Если не готовы, то заткните нос, ведь аромат этой темы отнюдь не французский, хотя сейчас даже представить трудно, что именно дух Парижа заставил великого Да Винчи, да-да, Леонардо, придумать сливной бачок. Только представьте: маркизы, бароны, кареты, и над золоченым Версалем, да что там – Лувром! – зловонный дух... Вопрос, конечно, интересный. Исторически и символически. Лично я смотрела передачу на канале «Культура» про историю клозетов, можно сказать, затаив дух, чтобы не надышаться амбре параллелей и ассоциаций, которые воображение – да уймись ты, противное – щедро множило, как лазерный принт. А от них, вы знаете, тоже несло, и совсем неутонченно.

Погружаясь в эту очень важную для развития цивилизации тему, я уследила отчетливую закономерность. Как только великий город Рим-Лондон-Париж переполняли мутные потоки человеческой грязи – в прямом и переносном смысле тоже, – возникал жесточайший кризис в виде мора и эпидемий, неутолимой жажды чистой воды и других ужасов, а затем неотвратимый переход на новый виток развития. В истории даже значится День Великого Зловония, когда задохнувшиеся в смраде Темзы члены английского парламента вынуждены были прервать заседание и разбежаться по домам, чтобы, наконец, принять решение о строительстве канализации. Так и хочется поинтересоваться, когда же наконец и наш парламент задохнется от смрада коррупции, чтобы, наконец... Но, судя и по последним его решениям отодвинуть принятие пакета антикоррупционных мер, ждать придется мучительно, как в Великий пост до первой звезды. Между тем звезда, как основное украшенье новогодней елки, уже зажглась – яркая, кризисная.

Слушая теперь наперебой экономистов-экспертов, скованных узами власти и свободных от оков ее, понимаешь, что ситуация нынче, как в знакомой с детства сказке: пойди туда, не знаю куда, сделай то, не знаю что! Это сколько ж надо было всего наворотить, чтобы такую сказку сделать былью?

Такого кризиса еще не было – утверждают специалисты, – он ни на какой другой не похож. А вот реакция на кризис – такая – уже была.

Не успели слово «кризис» произнести в телевизоре, как на следующий день подорожала колбаса. Да ладно бы привозная, а то ведь своя, иркутская. Нашлось уже очень немало желающих, готовых и этот кризис привычным образом пережить за наш счет. Только как можно, обнаружив у себя болезнь, заставить страдать ею другого и – исцелиться?

Мы попали на тот самый банкет, где танцуют – все! В самом первом ряду – олигархи. Они стали законодателями мод и вершителями наших судеб. Обогащение ради обогащения стало символом жизни, ее философией, идеологией, в общем, и содержанием и формой. Кто не имеет миллиарда, тот г-но! – самозабвенно изобличал один. За деньги я могу купить всех и все – приватно утверждала крутая дама. И все равно пришел тот день, когда случился облом... И разразился тот кризис, который не решается только деньгами. Мы уже в этом убедились – в его самые первые дни, потому как миллиарды в спасение утопающих утекли по привычным щелям, и это дело рук самих утопающих.

Теоретики так и называют красиво все это «кризисом модели жизни». Кто будет создавать новую модель? Мы? Кто не имеет миллиарда и потому сами знаете кто?

А правда, кто мы?

Я, к примеру, шла платить за квартиру как Зайцева, а рассчиталась, оказалось, как Кошкина. Потом мне позвонили вслед и долго смеялись в трубку – ну, ошибка вышла. Почти как по Чехову, правда там лошадиная фамилия была. Наверное, это свойство человеческого восприятия, когда ты попадаешь в категорию, к примеру, плательщика, тебя запоминают, как что-то там средне-размерное, а кошки это или зайцы, какая разница? А если расширить границы, то есть сделать рефрейминг, как принято в НЛП, то можно попасть в категорию абориген или электорат, и вот тогда... Мы все время попадаем в ситуацию выбора – что купить, за кого голосовать. И это в эпоху тотального террора консультантов, пиарщиков, советчиков, менеджеров продаж. Загляните в «Эльдорадо», и вы узнаете, как надо развести так, что человек с трудом различит, где дурь, а где дар. Хотя ведь знаем с детства – даром только сыр в мышеловке. Но вспоминаем об этом лишь тогда, когда она захлопывается в виде драконовских комиссий по кредитной карте: мало ежемесячных, еще и годовые, это к процентам в придачу. Тут и начинаешь соображать, что Альфа-банк, конечно, для успешных людей, но исключительно для тех, кто в нем работает и где-то там, наверху...

А вообще, что по-нынешнему успех? Это много-много халявных денег, за которые можно купить даже рейтинг в «Форбс», крутые связи, желательно по службе в органах, учебе в Питере, соседству по даче, и сплошной, беспросветный гламур...

Я, к примеру, не понимаю, почему я, – процитирую Ахматову, – такая нежная, сидя у собственного телевизора, должна заглядывать в штаны Александра Гордона, не испытав при этом отвращения, только лишь потому, что звезда гламура Ксюша Собчак приперла его к стенке вопросом – не мастурбирует ли он? И он стал публично вспоминать, когда последний раз это делал... Лично мне неинтересен его интим, с этим надо на прием к урологу, а здесь при нем, ведь он это заявил, я Гордон-Кихот! – вроде должны быть и романтизм и духовность. Но Ксюша Собчак сильна, и Гордона, да и Кихота вместе с ним, легко поместила ниже плинтуса. Но разве это не та средневековая грязь, когда дама на балу, задрав ножку, мочилась на колонну и вновь отправлялась танцевать? Про которую Вольтер беспощадно писал: «Историю этого времени необходимо знать лишь для того, чтобы ее презирать». Интересно, чтоб он изрек, наблюдая кружащиеся, как в вихре Куршавель, шато, авто, бриллианты на гульфиках и лифчиках, распилы, накаты, откаты и продажу должностей, как стульев... Их, как помнится, должно быть 12. И, видимо, кто-то там наверху, на вечере, возможно даже, на тайной, на этих стульях позаседал и решил: хватит кричать, что у кого нет миллиарда, тот, извините, г-но, и гордиться тем, что присвоено звание типа «гламурный подонок». Это как-то сильно по дну, на дне и, как там еще у Горького есть строчка? Ах, да – пусть сильнее грянет. Кризис! Для того чтобы через него пройти, от всех нас души и ума потребуется палата. Главное, чтобы не было повода считать, что ее номер – шесть.

Надежда **Зайцева**

Не спешите выбрасывать телевизор!

1 декабря владельцы всех ангарских кабельных телесетей, словно сговорившись, дружно подняли абонентскую плату за свои услуги. Не поскупились – теперь за удовольствие пользоваться «Астрой» ежемесячно необходимо выкладывать 180 рублей вместо 64, у ATV расценки подскочили с 50 до 180 рублей, а «Завод РТА» известил о новом ценнике в 120 рублей (было 48). После сюрприза, преподнесенного сетью проводного радиовещания, новация всерьез заставила задуматься: а оно нам надо? Народ настроился отказываться от вздорожавших услуг, а самые продвинутые навострились строчить жалобы в областной антимонопольный комитет.

Ты не пират? Тогда плати!

Люди смутно подозревают, что прежде спутниковые сигналы, похоже, тырились без всяких договоров. Разумеется, «телесетевики» уверяют, что это не так. Свои действия кабельщики объясняют тем, что в нынешних экономических условиях каждый телеканал очень ревниво относится к трансляции своих программ в эфире. Так, директор «Завода РТА» Владимир Гушпит сказал:

– Согласно Федеральному закону «О связи», ретрансляция телеканалов в кабельной сети оператора связи, которым является ОАО «Завод РТА», возможна только при наличии договоров с лицензиатами – вещателями. Сегодня практически все вещатели за право ретрансляции своего телеканала, согласно заключенным договорам, требуют оплату своих услуг. Цена услуги – от 7 до 15 центов США в месяц с одного абонента. В среднем это около трех рублей в месяц за одну телепрограмму с каждого абонента кабельных сетей. Более четырех лет нам удавалось путем переговоров с вещателями сдерживать абонентскую плату, но теперь эти возможности исчерпаны. Заниматься эфирным пиратством и тем самым нарушать закон мы не имеем права.

Получается, что если предлагаемый пакет состоит из трех десятков программ, только в Первопрестольную придётся отправлять 90 рублей, при этом самим кабельщикам никаких средств не останется. Своя правда в этих словах есть. В соседних городах стоимость услуг кабельного телевидения уже несколько лет невыгодно отличается от ангарской: в Иркутске следует платить от 140 до 240 рублей, в соседнем Усолье – 150, в Улан-Удэ – 190 рублей. Поэтому новые цены не выходят за региональные рамки. Но рядовому ангарскому зрителю от таких сведений не легче. Читатели, звонившие в редакцию, недоумевают:

ладно, услуга подорожала, но почему у всех сразу и почти на 300 процентов?! Печальная практика показывает: попытки сдерживать цены даже из самых благих побуждений заканчиваются резким ростом стоимости услуг или товаров. Поэтому 1 декабря стало для телезрителей шоком.

– **Нас что, хотят оставить без радио и телевидения?** – вопрошают ангарчане. Некоторые увидели в свершившемся все признаки заговора информационных монополистов. Одновременно люди ломают головы над тем, как не остаться накануне Нового года без главного украшения праздничного стола. Руководство всех кабельных телесистем поспешило успокоить: никаких массовых отключений в декабре не планируется. Более того, если абонент внес предоплату в начале года или полугодия, то никто с ножом у горла с него разницу не потребует. Условия льготной оплаты прежние: одиноко проживающие пенсионеры будут платить половину стоимости, а та же категория ветеранов-фронтовиков пользуется кабельным телевидением бесплатно. Расходы по обслуживанию стариков телесети возьмут на себя. Однако теперь даже льготная оплата составит от 60 до 90 рублей в месяц – немаленькая сумма для пенсионера.

Забудьте об антеннах

В такой ситуации смекалистый народ тут же начинает думать над тем, как бы сэкономить. Понятно, на фоне пугалок о неизбежном кризисе в каждой семье изыскивают свои пути оптимизации расходов, и плата за кабельное телевидение имеет все шансы попасть под сокращение.

Не исключено, что народ попытается вернуться к эфирному телевидению. В городе есть свой телеретранслятор – его мачта красуется напротив рынка «Сатурн». Кажется, поставил антенну – и принимай всё, что поймаешь! Но такой подход чреват следующими неприятностями. Это в Иркутске сигнал можно принимать даже на гвоздь, воткнутый в антенное гнездо телевизора. А в Ангарске – свои заморочки. Во-первых, массовый выход народа на крыши пустит насмарку все старания жилищников по кровельному ремонту. Во-вторых, эфирное телевещание для Ангарска не подходит. Наш город находится на грани уверенного приема 1-й и 2-й программ ЦТ, которые транслируются из Иркутска. Кроме того, местный телеэфир сильно засорен сигналами несанкционированных абонентов, да и нынешняя электромагнитная обстановка не из лучших. Поэтому хорошая картинка на экране вряд ли появится. В чем причина? В декабре 2003 года городские жилищные компании заключили с ATV годичный договор на обслуживание антенного хозяйства. После истечения этого срока за антеннами никто не следил. А народ, привлеченный мягкими ценами, широким спектром программ кабельных телесетей, дружно перешёл на приём сигнала по проводам, и коллективные телеантенны оказались не нужны. О них просто забыли, пока не грянуло 1 декабря нынешнего года.

“ Почти 2000 абонентов «Астры» уже перешли на соцпакет

Попытка возродить прием телесигнала на коллективные антенны тоже обречена на провал: антенного хозяйства в городе попросту не существует, большинство старых конструкций в настоящее время выполняют разве что роль насеста для ворон и голубей. Массовый переход на прием сигнала по спутниковым антеннам тоже хорошего не сулит. Установка качественной «тарелочки» обойдется примерно в 10-12 тысяч рублей, а теперь представьте, как эти архитектурные

излишества украсят стены наших домов! Никакая фасадная программа не поможет! Стоит напомнить, что восстановление кровель будет оплачиваться опять-таки из кармана жильцов. Поэтому карабкаться ближе к небесам не следует.

Выход всегда есть

Своим мнением по ситуации с ангарским телевещанием с нами поделился депутат Государственной думы Константин Зайцев:

– **Сильная городская власть должна активно вмешаться в эту ситуацию, помочь и кабельщикам, и горожанам. Тем, кто не хочет или не может платить по новым тарифам, должен быть предоставлен «социальный телепакет». Я согласен с тем, что массовая установка антенн на кровле и фасадах испортит лицо города.**

Геннадий Прокопенко, директор ATV, видит такой путь решения проблемы:

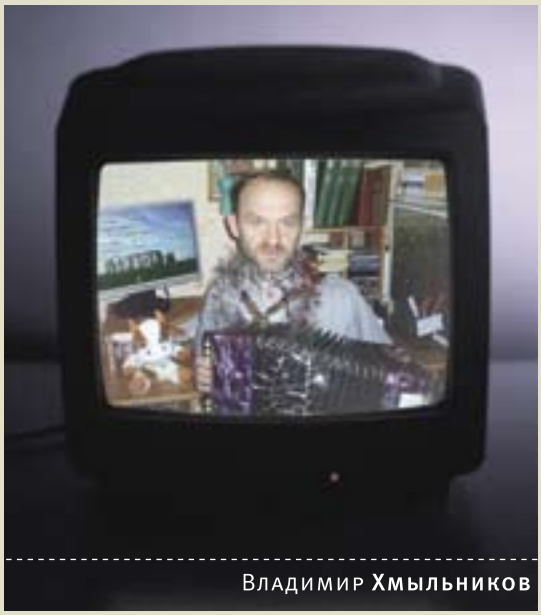
– **Если городские власти заинтересованы в информированности населения, то им необходимо определиться с социальным пакетом телепрограмм, заложить определенные средства в бюджет и провести тендер среди владельцев кабельных сетей. Кто предложит самый лучший и экономичный вариант, тот и будет обеспечивать ангарчан телевещанием.**

У Владимира Гушпита немного другая точка зрения:

– **Что касается социального пакета, считаю, что он обязан быть. И здесь нам необходимы поддержка и понимание этого вопроса администрацией города и руководством жилищных компаний. Думаю, разумно будет закупить так называемые фильтры, обеспечивающие вещание минимального пакета телепрограмм, и установить для желающих на существующих кабельных сетях. Так люди и без телевидения не останутся, и деньги сберегут.**

Схожее предложение у руководства «Астры»: если их абонент не желает получать сигнал 40 каналов, то вопрос легко решается путём установки таких же «ограничивающих» фильтров. Эта услуга действует уже пару лет, но пока особой популярностью не пользовалась. Теперь она может прийтись весьма кстати. Никакой дополнительной платы за своё благодеяние «астровцы» не требуют. Достаточно подать заявку – и, пожалуйста, смотрите пять телепрограмм: ОРТ, РТР, «Культура», Ren-TV («АКТИС») и молодежный канал Ru.TV. По мнению руководства телесистемы, такой набор удовлетворяет минимальные запросы всех возрастных категорий зрителей. Стоит это удовольствие всего 20 рублей в месяц.

Внезапное обострение ситуации с кабельным телевидением не прошло мимо внимания городских властей. Глава Ангарска Леонид Михайлов направил в адрес руководства городских кабельных телесистем письмо с требованием не навязывать горожанам свои услуги, а обеспечить всем желающим доступ к двум федеральным каналам – ОРТ и РТР. Любопытно, что законодательного понятия «социальный пакет телепрограмм» не существует. Ещё в 1998 году городская дума выдала рекомендацию о том, что должно включать это понятие: 1-я и 2-я программы Центрального телевидения, плюс местные 12-й и 22-й каналы. Однако рекомендация законом не является. Например, в конце XVIII века император Павел I рекомендовал помещикам ограничить барщину тремя днями в неделю. Однако дворяне плевать хотели на предложение государя, и крепостные вкалывали на господской запашке по пять-шесть дней. В начале XXI века ангарские владельцы кабельных телесетей гибко подошли к запросам и возможностям горожан. Если у тебя есть желание и возможности – купайся в телеэфире, но и плати по полной программе. Желаешь быть скромным и экономным – пожалуйста, и такая возможность имеется. У ангарчан есть большая надежда на то, что местные сети кабельного телевидения смогут адекватно подойти к платёжным возможностям своих абонентов и предложить им разнообразные пакеты телепрограмм, сочетающих пристрастия и финансовые возможности конкретных групп населения. Поэтому выбрасывать телевизор пока вряд ли стоит!



Владимир **Хмыльников**

Женщина в шапке, с ружьишком, с мечтой

В общем, все просто: власти думают о нас! А чтобы знать, что мы думаем о власти, нанимают социологов. Из ВЦИОМ – Всероссийского центра изучения общественного мнения. А ВЦИОМ нанимает нашего сегодняшнего героя для того, чтобы знать, что думают иркутяне. Вообще. Обо всем. Не запутались? Тогда слушайте Алексея Высоцкого – он расскажет нам о нас. Точнее – то, что о нас знают все, кроме нас. Мы с Алексеем старые друзья, поэтому будем на «ты». Ничего?

Ты говорил, что раньше Иркутская область не исследовалась крупными социологическими компаниями, почему?

– Да, ваша область выпадала из различных исследований. Во-первых, это связано с размерами рынка – здесь он не очень большой. Во-вторых, если глядеть из Москвы или Питера, то Иркутская область едина, хотя Бодайбо, Байкальск или Иркутск – это, несомненно, совершенно разные населенные пункты с точки зрения социологии. И настолько дорого исследовать область, что этим никто не занимался. Когда я первый раз сюда приехал, меня удивило то, что заказать исследование некому – подрядчиков просто нет. Потому что дорого, и везде по-разному – Братск это Братск, Ангарск это Ангарск, про севера я уже вообще молчу.

То есть ты «первокопатель» Иркутской области?

– Нет, в Иркутске есть сильная социологическая школа, но это вещь в себе, то есть здесь очень много работают в режиме самоиндукции. Есть темы Байкальской Сибири, исследуются межконфессиональные отношения, но мне представляется, что центральной проблемой иркутских социологов является тот факт, что им не с чем сравнивать – они все изучают внутри себя. И получается социология «исторического типа». Вот есть объект, замкнутый сам на себя, и мы его изучаем вдоль и поперек, при этом не рассматривая, как он движется внутри системы.

Какие же мы с точки зрения человека из Калининграда? Кто мы, богоизбранные иркутяне?

– А вот ты сам и ответил на свой вопрос. Я еще ни разу не встречал людей, которые определяли бы себя термином «богоизбранный». Смотри – есть Иркутск, и если не брать людей работающих, людей лечащих, учащих и так далее, то это в первую очередь – понты. Причем понты кладбищенского свойства. «У нас очень печально, – говорят иркутяне, – зато очень спокойно и мы очень особенные люди». Здесь я отойду от социологии и войду в культурологию. Что меня поражает в Иркутске, это какая-то маниакальная любовь, например, к Италии и вообще к Европе.

Вот вынь да положи – туда надо обязательно съездить. Что они там делают, что они там смотрят, а главное, что они назад привозят – я не могу понять. В смысле – то ли они там плачут, то ли они здесь плачут, когда приезжают и понимают что здесь по-другому. Это первая вещь, которая очевидна.

Погоди, я попробую развить мысль. Я всегда думал, что мы движемся в Азию, количество чартеров в Таиланд…

– АААААА, погоди, чартеры это чартеры, это от бедности, а не от богатства, если бы оно было,

СПРАВКА

Факты об иркутянах (из различных соцопросов):
71% иркутян сталкивались с трудностями при устройстве ребенка в детский сад.
33% иркутян будут соблюдать правила дорожного движения, только если все их будут соблюдать или если это не будет создавать опасности движению.
3% время от времени ездят на красный свет.
16% иркутян покупают пиво 2-3 раза в неделю или чаще.

то чартеры летали бы и на Кубу, и в Латинскую Америку. Вопрос не в этом. Иркутск с бешеной силой в своих внутренних позывах тянется к европейскости. И отсюда этот лифт, который на самом деле и не лифт, связанный с Москвой. Лет пять назад он еще был лифтом в смысле карьеры, а последняя волна миграции – это что-то, организованное по принципу: хоть я буду улицы мести, но непременно надо попасть именно в Москву. Это не лифт, это, блин, мазохизм какой-то. Страдальческое европейчество – это отличие Иркутска от других городов.

Это у всех иркутян проявляется, что ли?

– Конечно, нет. Это вот ваша так называемая элита.

А у нас есть элита?

– Ну, как носители регионального контекста – да. Я элиту определяю для себя как носителей образов будущего – планов, мечты, содержания. Это люди, которые живут как в проекте. Они что-то проектируют, что-то созидают, и в этом смысле идеальным всегда является сочетание политической, научной, бизнес-элиты, творческой и еще какой угодно элиты. Хорошо, когда все эти люди отвечают за некое развитие. В этом разрезе у вас по раздельности элиты существуют, но внутри себя они живут как архипелаги – все порознь, хоть и очень близко. И у ваших элит нет даже сил друг с другом ругаться. Потому что, если бы они ругались – у них бы чего-то да получалось.

То, что было с Тишаниным, это еще не ругачка?

– Нет, не надо путать Божий дар с яичницей. Потому что очень частные и очень узкие интересы групп людей не могут подменяться неким элитарным содержанием. У вас вообще отсутствует хоть какой-то диалог. Нет пространства, в котором можно хотя бы поговорить о будущем области. У ваших элит нет приемников. Передатчики есть – а приемников нет. Причем вещание идет на максимальной мощности. И глушит все вокруг. Вот пример. Мы проводим массу экспертных опросов, но только не в Иркутской области. Ваши эксперты будут обещать, но никогда не встретятся – как бы чего не вышло. Везде это самая простая часть работы, а здесь это гигантская проблема.

Это страх.

– Бердяев сказал, что отличие русского человека от европейского в том, что европейский человек сугубо предусмотрительный. А русский – осмотрительный. А иркутяне осмотрительны более, чем кто-нибудь в стране.

Значит, иркутяне – это те партизаны, которые еще сорок лет после войны поезда взрывают, так как из лесу не вышли?

– Не надо себя хвалить. Никакие вы не партизаны. Вы обычные советские люди, привезенные сюда в рамках советской программы расселения народов. Кроме Иркутска, конечно. И теперь считать, что тут возникло что-то неожиданное – неверно. Иркутск – в силу исторических причин другой. Но вся остальная область – нет.

То есть Иркутск от области отличается?

– Очень. Катастрофически.

А в чем различие? Если выразить эту мысль в простых словах.

– Иркутяне образованные. Очень часто даже на фоне страны. Статус образовательного центра дает о себе знать. Я это вижу по способности даже простых иркутян судить о самых сложных вещах. А в области – чтобы судить о вещах, достаточно первого канала нашего телевидения.

Вторая очевидная вещь – в Иркутской области нет единого информационного пространства. Существует только информационное пространство областного центра и нечто находящееся на стадии полураспада на всех остальных территориях. И если Иркутск управляется сам из себя, то во все остальные точки информационное содержание приносится исключительно с федерального уровня. Те издания, которые позиционируются как областные, на самом деле и контент, и производство, и распространение у них полностью местное – иркутское.

СПРАВКА

Среди респондентов женского пола максимальная частота покупок водки приходится на возрастной интервал – 18-29 лет.

2% иркутян посещают Байкал чаще 20 раз в год.
42% иркутян вообще не посещают Байкал.

58% иркутян наряжают искусственную елку.
22% – натуральную.

Местные элиты постоянно опасаются варяжества. Это что?

– У меня есть теория, что из-за отсутствия элитарности в области отсутствует всякая способность ассимилировать варягов.

То есть в нашу действительность не может вписаться ни один варяг?

– Дело не в этом. Он может и хочет вписаться. И не надо считать, будто в России где-то что-то по-другому обстоит в смысле варягов. Везде прислали варягов – если рассматривать должность губернаторов. Но практически везде главы регионов становились местными. Они быстро набирались того содержания, которое и до них уже в местных элитах было. В этом смысле Иркутская область, которая внутри себя не может выработать ничего, не имеет возможности ассимилировать эти фигуры. Проблема Есиповского не в том, что он варяг, а в том, что ему некого слушать здесь. Что он может услышать от тех людей, которые здесь живут в 25-м поколении и очень этим гордятся? Сохранение деревянного фонда Иркутска? Ну, сохранение озера Байкал – а чего носиться с Байкалом как с писаной торбой? Есть механизмы регулирования – надо брать и регулировать. А чего носиться с этим? В этом смысле ни одному новому губернатору и слушать-то нечего.

Что это мы все время говорим об элитах? А кто у нас те люди, которых принято называть простыми иркутянами?

– Есть одно очень правильное слово – нет иркутян, есть сибиряки. Конечно, если житель Иркутска приедет в Москву – он иркутянин. Но по способу самоидентификации местные жители – это, в первую очередь, сибиряки. Просто житель области – это 100 процентов сибиряк, а элита, как мне кажется, уже потеряла этот способ самоидентификации. Они уже не сибиряки.

А кто?

– А вот я не знаю. Нет идентификации местных элит.

А есть портрет сибиряка?

– Это женщина, сидящая в помещениях в шапке...

Хорошо, чем простой житель Кенигсберга отличается от простого сибиряка?

– Основное различие – у вас здесь очень принято отвечать за свои слова.

СТОП! А шеф-повар крутейшего ресторана «Стрижи» утверждает, что здесь много говорят и мало делают, что иркутские как флоридские.

– Я читал это интервью и со многим не согласен. Подчеркну еще раз важную вещь – здесь действительно намного медленнее и меньше говорят, но намного более ответственно относятся к своим словам. На западе России люди очень творчески относятся к своим обязательствам. Здесь тип проблематизации другой. Не сделаешь – можешь и умереть.

Здесь, безусловно, выше ценность коллективного, в отличие от ценности индивидуального на западе страны. Здесь люди, не состоящие ни в каких родственных связях, пытаются скучковаться за счет разных типов коллективного взаимодействия. Здесь принято при разговоре стоять к человеку на расстоянии 50 сантиметров. На западе стоят друг от друга на расстоянии 2 метров. Здесь другое ощущение личного пространства – его намного меньше.

А вообще здесь, конечно, Россия. Местные люди не чувствуют себя чужими по приезде ни в какое другое место. А приезжая сюда, любому другому россиянину всего-навсего надо выучить только слово «маленько», и все, свой.

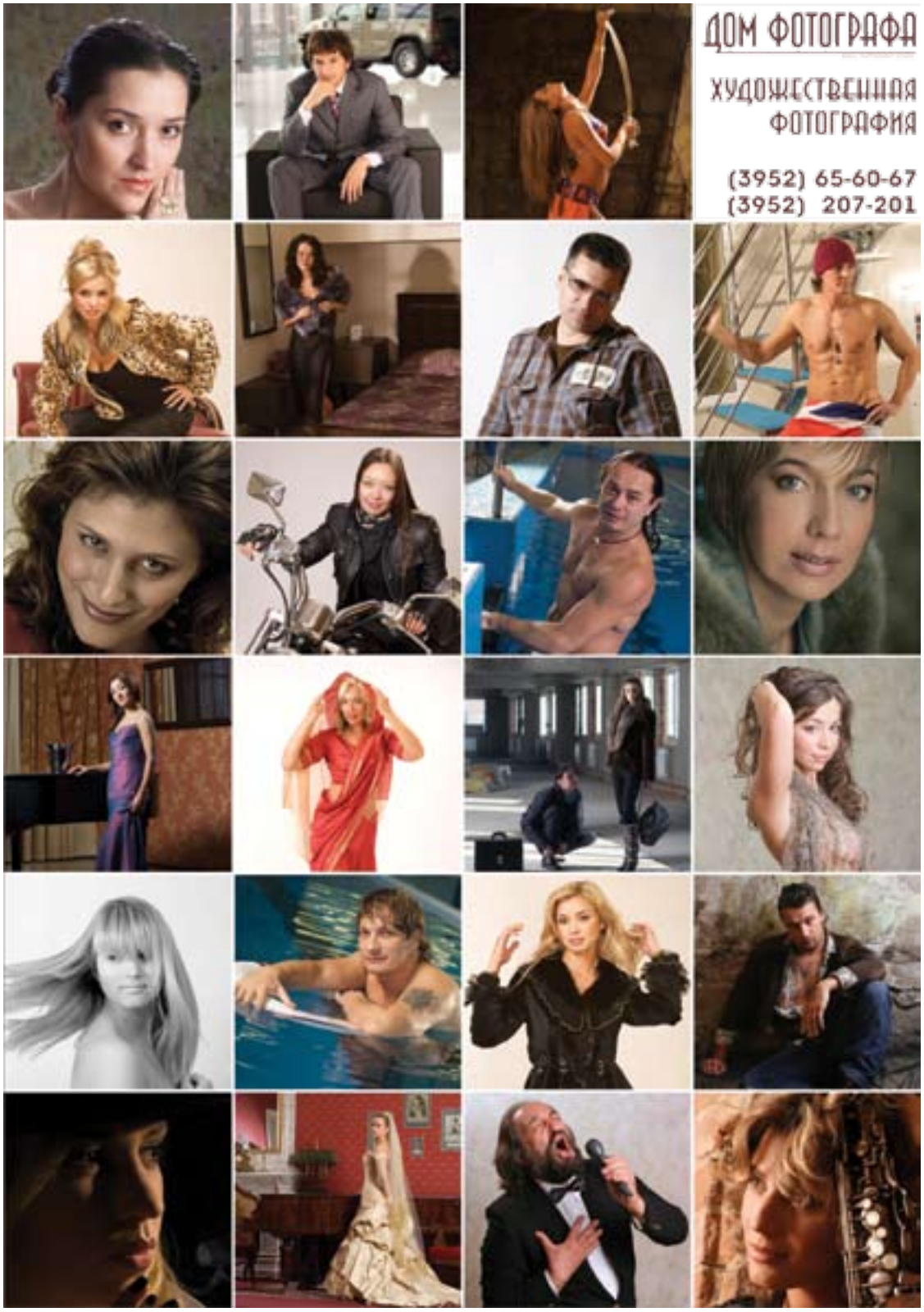
А это наше слово?

– Маленько, малехо, помаленьку – эти слова я слышал только в Сибири. А! Есть еще одно отличие. Принимая решение по взаимодействию с другими людьми, сибиряк запросто может взять ружье и выстрелить. Это крайне нетипично для всей остальной страны.

Что, сибиряки более склонны к насилию?

– Нет. Просто вы допускаете такие управленческие решения во взаимодействии с другими людьми, которые везде просто недопустимы. Это не агрессия. Вы позволяете себе то, чего другие не могут себе позволить.

Разузнавал о себе и себе подобных
Сергей **Беспалов**


ДОМ ФОТОГРАФА
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФОТОГРАФИЯ
(3952) 65-60-67
(3952) 207-201

Давайте посмотрим правде в глаза: нам не привыкать. К кризисам не привыкать, шить своими руками и обедать дома не привыкать. Отдыхать на даче и там же выращивать еду мы, прямо скажем, и отвыкнуть не успели. Наверное, это всенародный талант такой – от кризиса к кризису только крепчать. Правда, поколение 90-х, к которому относится автор следующей ниже статьи, считает умение противостоять невзгодам способностью исключительно своего поколения. Смешно, да? А ничего не поделаешь – каждый имеет право на свою точку зрения. Даже на спорную.

Я люблю вас, «проклятые девяностые»!

Поколениям 1960-1980 годов, потерявшим свою страну и поколению 00, обанкротившему свою, от поколения 90, сделавшим все, что есть в России, посвящаю.

Владимир Путин сказал, что распад СССР был «величайшей трагедией двадцатого века». А еще он сказал, что 90-е были «ужасными годами». Я понимаю его. В девяностые именно такие люди, как он, потеряли все. Он потерял любимую работу, и из офицера престижного управления КГБ превратился в клерка провинциального университета. А чуть позже ему довелось испытать унижение от проигрыша на выборах – и он второй раз за несколько лет был выброшен из той среды, в которой к тому времени прекрасно себя чувствовал. Понимая логику мыслей нашего премьера, я, тем не менее, не могу с ней согласиться. Не могу хотя бы потому, что, в отличие от Путина, я принадлежу к тому поколению людей, которое только начало жить в девяностые. И у нас не было своей страны, распад которой мы могли бы оплакивать.

Я стал взрослым в 91-м, когда поступил в институт. Веселое было время. Пять лет я носил одну пару штанов, два года ел только быстрорастворимую лапшу, четыре года прожил в общежитии, где на двадцать парней приходилось двести девушек, год пил только спирт «Рояль». Я жил так, а не иначе, только лишь потому, что у меня не было другого времени для жизни.

Старшие товарищи или оплакивали свое «светлое прошлое», или собирали чемоданы и уезжали из страны. Младших

просто не существовало. А мы делали все, чего тогда не было в России. Мы торговали водкой и ваучерами, китайскими пуховиками и сигаретами, а чуть позже начали строить свою страну.

Прекрасно помню, как почти все выпускники Иркутского нархоза 93 года пошли работать в налоговые инспекции, которых до этого практически не существовало, 94-го – ушли работать в банки, которых до этого было раз-два и обчелся, а 95 года (по крайней мере, весь мой факультет) – проснулись в инвестиционных компаниях.

У нас, в общем-то, не было выбора. Мы тупо шли туда, где не было ничего, и делали все. Некоторым из нас повезло меньше. Кто-то помнит, как именно звучит выстрел из автомата у тебя над ухом в лесу, когда ты стоишь привязанным к дереву. Рэкет – это ведь было наше явление. Точнее, наше, и для нас.

Кто-то разбился, перегоняя редкие тогда иномарки – там, где сейчас проходит грунтовая федеральная трасса «Амур». Кто-то вовсе стал жертвой банального ограбления на улице. Но основная масса «однопоколенцев» жила и работала так, как понимала жизнь и работу, ведь научить и подсказать было некому. Ну, некому было! Не родителям же, в большинстве своем растерявшимся по и от жизни, которую они не видели никогда и уже поэтому видеть не желали!

Удивительная штука: сравнивая наших родителей и нас, фиксирую, что у нас почему-то больше детей в семьях. Как правило. И, значит, должно быть правило, которое объяснит это. Должна быть, словом, причина. И, на мой взгляд, причина эта в том, что мы, в отличие от наших родителей, не боимся жить – жить в принципе, вообще.

Мой приятель любит рассказывать, что мать и отец регулярно спрашивают его, когда же он устроится на нормальную работу? И хотя мой приятель считается состоявшимся человеком, имеет собственную фирму и, кроме большой квартиры, машины и прочего, так называемое уважение в обществе, его родители мечтают, чтобы он устроился куда-нибудь, где нужно ходить на работу с 9 до 17. Или, на худой конец, с 10 до 18. Они до сих пор боятся, что жизнь его раздавит. Но жизнь вряд ли раздавит его и всех нас. Чего нам бояться – если по большому счету спрашивать? Чего мы не видели такого, что видели в 90-е, и что нас не раздавило?

А чуть позже нас начали «учить жить» так, как это понимало поколение 00. Езжай в Москву, работай на крупный бизнес, почитай власть в стране, а еще лучше стань ее частью. Элементарная схема. Только бестолковая. При первом же более-менее устойчивом падении цены на нефть наша гламурная экономика обнаружила, что ее позолота – это ржавчина. И где теперь – при свете этой ржавчины – все «Наши», «Ваши» и «Идущие вместе», певшие осанну и этой экономике и ее идеологам? Хунвейбины и цзаофани, ау? Вам забыли дать «сникерс» и не удосужились рассказать, что происходит на самом деле? А любить и поддерживать исключительно за идею – слабо? Мы, помнится, за Ельцина в июле 1996-го голосовали бесплатно. Хотя от старших товарищей за это можно было и в глаз получить...

Нам, конечно, еще далеко до состояния 90-х годов. Но почему никто мне не может ответить на вопрос, как жить дальше? Что покупать, что строить? И главное: кто поведет страну вперед? «60-80-е» – это навряд ли. Стары они для подобных подвигов, сухожилия у них не выдержат. «Нулевики» – слишком привыкли жить на халяву. Скорее, запьют от тоски, что все само к ним не идет – почему-то.

Так что снова придется нам! Только-только жирком обросли, и снова придется его сбрасывать. А с другой стороны, нам же всего-то по 33-37, да мы еще...

Правда, тут надо меру знать и не распаляться. Нас, как и в 1991 году, поставили перед фактом. А это сродни тому, что на плечи сидящего у телевизора и беззаботно смотрящего футбола парня откуда-то сверху сбросили мешок с картошкой – мол, на-ка отнеси в подвал. Сначала мешок точно придавит. И точно заставит чихать от пыли. И, вероятно, вынудит сказать несколько слов – громких и не очень цензурных. Однако потом мы встанем и отнесем этот мешок с картошкой... А куда, блин, деваться?

Одно радует при этом: наши дети уже почти взрослые. А от волков ведь родятся волки, а не овцы, верно? И быстрее бы наши волчата подросли и начали рвать эту жизнь зубами! Тошно думать о том, что будущее страны может оказаться в руках «гламурных овец». Не для того мы кровью и потом «поколения 90-х» превращали чеченских пацанов в российских олимпийских чемпионов по борьбе, чтобы и это начинать сначала.

А где же тут «любовь к 90-м», вынесенная в заголовок, спросите вы? Проклятые есть, а любви не прослеживается? Что ж – не исключено, что и не прослеживается. А что – автор не может позволить себе легкое преувеличение? В конце концов, я же не сказал, что обожаю их...

Ностальгировал Сергей **Беспалов**

Вы считаете, что утверждение
«Книга – лучший подарок»
потеряло свою актуальность?

Книги, выбранные в отделах подарочной литературы Книготорговой группы

ПродаЛитЪ

будут

интересным, красивым, изысканным и дорогим подарком!

Ждем вас в наших магазинах:

Книга Маркет ПродаЛитЪ
ул. Улан-Баторская, 2
тел. 52-62-91,
Иркутская книга Труд
ул. К. Маркса 12 (стадион Труд)
тел. 201-911,
Мир Книг
ул. Урицкого 9 (Фурье 8)
тел. 24-05-98

Книготорговая группа

ПродаЛитЪ

С Днем рождения!

Олег Анатольевич Геевский, депутат Думы г.Иркутска!

В декабре у нас морозы.
Стынут в магазинах розы –
Не хватает им тепла.
Над дорогами – туманы,

Чашка чаю спозаранку -
И дела, дела, дела.
То, что розам не хватает,
Вас с лихвой переполняет,

Бьет энергия ключом.
Встречи. Лица. Разговоры.
Текст письма на мониторе.
А морозы – ни при чем.

Как всё это ни банально –
Постулат есть гениальный:
Нет погод у нас плохих.
Если солнце в сердце светит,

То тепло на белом свете.
...Так о чем же этот стих?
О погоде?.. О работе?..
О еще одной заботе?..

Иль почем цемент сейчас?..
Нет, о цельном человеке
В двадцать первом –
сложном – веке
Очень маленький рассказ.

Где сплетается с делами
Перезвон под куполами,
Стук копыт, собачий лай,
Ветер встречный
и попутный,

Суетливый бег минутный
И упорства – через край.
ЧЕРЕЗ КРАЙ –
пусть так и будет,
Пусть здоровья не убудет;

Чашка чаю на заре...
А за окнами – цветенье
Незабудок, роз, сирени –
Даже в стылом декабре.

Конкуренция с эпитетом «цивилизованная», директор с должностью «коммерческий»

Вам хочется чуточку больше узнать о так называемых «капитанах бизнеса» нашего региона? Нам – очень. Особенно сейчас, когда, кажется, все стонут, а если не стонут, то грустят. А Светлана Димова впечатление грустящего человека явно не производит. Улыбчивая, хорошенькая женщина, которая умеет принимать серьезные решения улыбаясь. Разговор с коммерческим директором ЗАО «Байкалвестком» начался нестандартно – с восклицания Светланы: «О, не девушка?!»

Да, честно говоря, не девушка, и это уже вряд ли исправить. А почему вы удивились?

– Просто привыкла, что у иркутской журналистики немужское лицо.

Расстроены?

– Нет, в каком-то смысле даже обрадована: мне с мужчинами проще иметь дело. С ними интереснее разговаривать о жизни.

Что ж, давайте тогда о жизни и поговорим… Как вы к ней относитесь?

– Я ей радуюсь. Ну, и надеюсь, что она мне тоже.

А что еще вас может обрадовать?

– Знаете, накопив определенный багаж опыта, я сделала вывод: радоваться надо всему. Безоблачному рассвету или дождливому утру, лету или зиме, находкам или потерям.

И кризису?

– Провокационный вопрос? (смеется) Я бы сказала так: нет худа без добра. Экономический кризис идет по тем же законам, что и личный: вначале нам кажется, что все пропало, что выхода нет. Но когда проходит приступ отчаяния, мы берем себя в руки и понимаем: нет, надо что-то делать – с собой, с окружающим миром... Помните историю про ту лягушки из известной сказки, которая умудрилась сбить сметану в масло? Мы часто не представляем, на что способны. И я верю, что из этого кризиса мы с вами выйдем обновленными – именно в плане понимания собственных

возможностей и того, где их лучше реализовать. Хотя, конечно, пояс потуже затянуть придется.

К вопросу о возможностях: а чем вы себя еще можете удивить? Есть что-то непознанное, так сказать?

– Думаю, я удивлю себя тем, что научусь играть в преферанс. Очень хочется. И в бильярд тоже. А хотите, теперь удивлю вас?

Буквально в нетерпении…

– Еще подумываю о том, чтобы научиться стрип-дэнсу.

???

– Можно назвать это прихотью. Иррациональное желание. Просто чтоб знать: я это умею.

Может быть, вы и в БВК на спор устроились?

– Нет, выбор был осознанным, но непростым. Я закончила Лингвистическую академию, поступила в аспирантуру и одновременно преподавала в той же академии два достаточно сложных предмета: страноведение и стилистику интерпретации текста. И поскольку «Байкалвестком» был совместным российско-американским предприятием, ему требовался переводчик – одних переговоров сколько проходило! Документации – море! Все сложно было, так как я не знала и на русском-то языке, что такое «аму», «афу», «базовая станция», «фидеры», «контур заземления»... Многие специалисты в компании на тот момент были иностранцами, причем, из разных уголков планеты. Технический надзор осуществлял, например, пакистанец Фуркан

Моххамед, финансы курировали американцы. Какое-то время я пребыла в двух ипостасях: преподавателя и переводчика. Но, в конце концов, получила предложение из серии «выбирай себе, дружок, один какой-нибудь кружок».

Вот так 10 лет назад вы оказались в БВК… Из-за зарплаты?

– В том числе, конечно. Но не только. Да, деньги важны, однако не они определяют жизненные ориентиры. Помните, как в фильме «Старый Новый год» герой Евстигнеева на вопрос «Сколько тебе надо для счастья?» отвечает: «А сколько есть!» Я могла бы закончить аспирантуру, получить докторскую, но не испытывала глобального интереса к научной работе.

Едва ли вы в юности мечтали о работе в компании мобильной связи. Не поверю ни за что!

– Зато я мечтала о работе с языком, и в «БВК» ее оказалось предостаточно. Я поработала и в штате американской компании USWest и получила замечательный опыт. Вообще, если говорить о мечтах, всегда хотелось жить так, чтобы каждое утро, просыпаясь, чувствовать, что не просто хочется жить – хочется взлететь! И сейчас так же. Если это исчезнет, если станет скучно, то я уйду.

А что же нескучного на предприятии, где всякие провода, радиоволны?

– У меня не волны и не провода. У меня, как у коммерческого директора, – абоненты, и всё, что с ними связано: реклама, продвижение, обслуживание, продажа, телефоны, сим-карты, офисы. Безумно увлекательно! И вообще, я тот случай, когда человек получает от работы и моральное, и материальное удовлетворение.

Может, вы просто по характеру холерик, эмоциональная личность?

– Холерик. Но к работе это вряд ли имеет отношение. Работа – это социальное поле, где эмоций нужно меньше, и там у меня их столько, сколько надо.

Куда же вы их тратите?

– Например, на увлечения: горные лыжи, коньки, ролики.

Никогда не понимал, как серьезному человеку это может нравиться…

– А я с детства занималась конькобежным спортом, с пятого класса встала на ролики. Люблю фитнес, йогу, калланетику. Прогуляться с рюкзачком к Байкалу – просто отличное времяпрепровождение! Правда, сейчас редко. А так мы с однокурсниками практиковали пятидневные марш-броски от Подкаменной до Иркутска.

А вот кем вы себя в жизни ощущаете? Концептуально, что

называется? Бизнесменом, туристом, творческой личностью или, по-западному, менеджером… Ловили себя на мысли, дескать, а кто я, собственно?

– Ловила. Но не выловила. Работа точно занимает основную часть жизни. Но в какой-то момент я решила, что выходные должны быть именно выходными. Когда БВК на ноги поднимался, в те времена выйти поработать в субботу – это ж святое дело было. Не задумывались даже, выходной это или нет. Но в какой-то момент я поняла, что, если ты не заканчиваешь работу вовремя, значит, плохо потрудился, не сумел организовать ни себя, ни других людей. Теперь в выходные я работаю чрезвычайно редко, только если форс-мажор.

То есть БВК встал на ноги?

– Странно, что у кого-то вообще возникает такой вопрос.

Мы же журнал тайн и секретов…

– Я помню, помню – раскрытых. Так пишете на обложке.

Вот и раскройте какой-нибудь фирменный секрет? Скажем, чем вы действительно гордитесь? Титул крупнейшего оператора, конечно, штука почетная, но вы же понимаете, что всех абонентов не завлечь?

– Понимаем. Но «крупностью» своей действительно гордимся. Ведь кроме количества абонентов и доли рынка в понятие «крупнейший» входит и территория, на которой мы работаем, количество базовых станций и офисов, сервисов и дополнительных услуг. На сегодняшний день в Иркутской области мы лидируем по всем позициям. Скажем, есть показатель, очень любимый сотовиками, называется «неголосовые услуги». У «МегаФона» – а он из «федералов» самый продвинутый в этом плане – подобные услуги в общей выручке составляют около 18%. Коллеги очень этим гордятся... А у нас в БВК по статистике – от 20 до 23%.

Почему тогда от лидера уходят сотрудники?

– Потому что у людей есть свобода выбора. Правда, численность коллектива у нас при этом приближается к тысяче человек. Вообще, как правило, те, кто ушел, делают это с целью смены места жительства – от Новосибирска, Москвы и Питера до США. Но это естественный процесс, дающий нам опять же повод гордиться: люди идут на «повышение». Тех, кто от нас ушел и при этом остался в Иркутске, единицы.

К конкурентам уходят?

– Как правило. Но у нас с ними замечательные отношения. В МТС вообще немало тех, кто когда-то прошел «университеты» в БВК: Геннадий Рыжков, например, был у нас техническим директором. А в московском МТС работает моя подруга и однокурсница Оксана Явербаум. Конкуренцию, конечно, никто не отменял, но только вкупе с эпитетом «цивилизованная».

Генеральный директор ЗАО «Байкалвестком» Владимир

Шаповалов как-то в беседе со мной признался, что часто уезжает из Иркутска и не боится оставить коллектив «без первого руководителя». Не преувеличивал?

– Один наш коллега как-то сделал Владимиру Николаевичу комплимент: «У тебя дистанционное руководство компанией». Это правда. И в том талант и заслуга руководителя: он смог подобрать людей и организовать их соответствующим образом. Это Команда, и я считаю ее великолепной.

А какими качествами должен обладать «всяк в нее входящий»?

– Очень, очень-очень ценю в людях ответственность – во всём, умение отвечать за себя и за свои поступки. Конечно, люблю умных людей. И – остроумных. У нас на планёрках обычно хохот стоит, как в творческой мастерской; посмеяться над собой – хлебом не корми, а над другими – тем более. Например, Саша Цветков, начальник отдела маркетинга, – это просто кладезь псевдопессимистического юмора и самоиронии.

Еще люблю эмоциональных и естественных, а еще – терпимых, с пониманием относящихся к чужим недочетам и ошибкам. Вот такой совершенно нормальный набор человеческих качеств!

И много у вас в коллективе людей с этим набором?

– Процентов восемьдесят. Мне по жизни вообще везет на таких людей.

Но ведь есть, наверное, то, что вы не приемлете?

- Трудно сказать. Я стараюсь быть открытой всему и ничего не бояться, в том числе обмана, разочарования. Разве что табу для меня – телевизионные передачи, связанные с насилием. Их много сейчас, но я всегда переключаю канал, тут же. Совсем недавно я поймала себя на мысли, почему. Потому что у меня родился сын Кирилл, и в душе что-то переключилось: чужая боль воспринимается теперь куда острее.

Даже телевизор, стало быть, смотреть успеваете… А читать?

– Вы еще спросите, дышу ли я? У меня семья вообще читающая: и папа, и мама, и муж, и ребенок – ему уже 7 лет.

А что читаете, Светлана Васильевна?

– Недавно с удовольствием прочла те вещи, которые пролетели мимо меня в школе: «Войну и мир», «Гиперболоид инженера Гарина» и другие. До страсти люблю Гоголя – как и мой муж. Мы можем читать его вслух и хохотать. Года 3 назад я прочитала гашековского «Швейка». В активе – Коэльо, Лукьяненко («Дозоры», и они мне, кстати, понравились больше, чем кино), Пелевин. Словом, много и разное. Книги – это же другой мир!

Другой мир вообще начинается на соседней улице. Никогда не хотелось сделать «другой мир» своим? Иные города, иные страны…

– У меня была возможность остаться в другом месте, в Штатах, например. Если захочется, можно и сейчас уехать из Иркутска... Знаете, когда я бываю в Красноярске, возникают совершенно иные эмоции в отношении города. Красноярск, Новосибирск, Нижний Новгород – они как будто развиваются, а Иркутск – нет. Но Иркутск же мой город! Ну вот, допустим, Набережную мы убирали года три подряд, после того как однажды, гуляя с сыном, я поняла, до какой степени город... загажен! Мы учредили специальную стипендию, контролировали всё, вступали в конфликты с городскими чиновниками, которые не волновались «по таким мелочам». Потом мы совместно с Горзеленхозом немного причесали ЦПКиО, пусть не в том масштабе, как надо бы, – но бюджет у нашего предприятия все-таки не тот и не для того. Потом нерпинарием занимались. Сейчас в перспективе проект «Город под солнцем», в котором «Байкалвестком» участвует с некоторыми другими предприятиями. Да, это не наша задача, но мы же иркутяне. То же самое и в бизнесе: у БВК 1 миллион 900 тысяч абонентов. И все, что мы делаем, все инновации, которые мы внедряем, все полезные сервисы, которые мы придумываем, – для них. Потому что мы сами здесь живем. И хотим делать то, чем занимаемся, хорошо.

Антон (без эпитетов) **Закорецкий**

Многие в Иркутске бывают только проездом. Едут, идут, летят по своей жизни и видят наш город кто из вагонного окна, кто из иллюминатора самолёта, кто-то задерживается здесь на подольше, но всё равно смотрит на Иркутск и его жителей из своей точки отсчёта, со стороны. А ведь взгляд со стороны – это ого-го какой взгляд! Иногда совершенно неожиданный.

Бременский мотоциклист

Решиться бросить устоявшуюся жизнь, всё, что с этим связано, — и отправиться в кругосветное путешествие. Наверное, у каждого появлялись хоть раз подобные мысли. Но завтра ведь на работу! И мечты о путешествии сразу же исчезают. Но совершенно непередаваемые ощущения испытываешь после встречи с человеком, который реализовал твои тайные мечты!

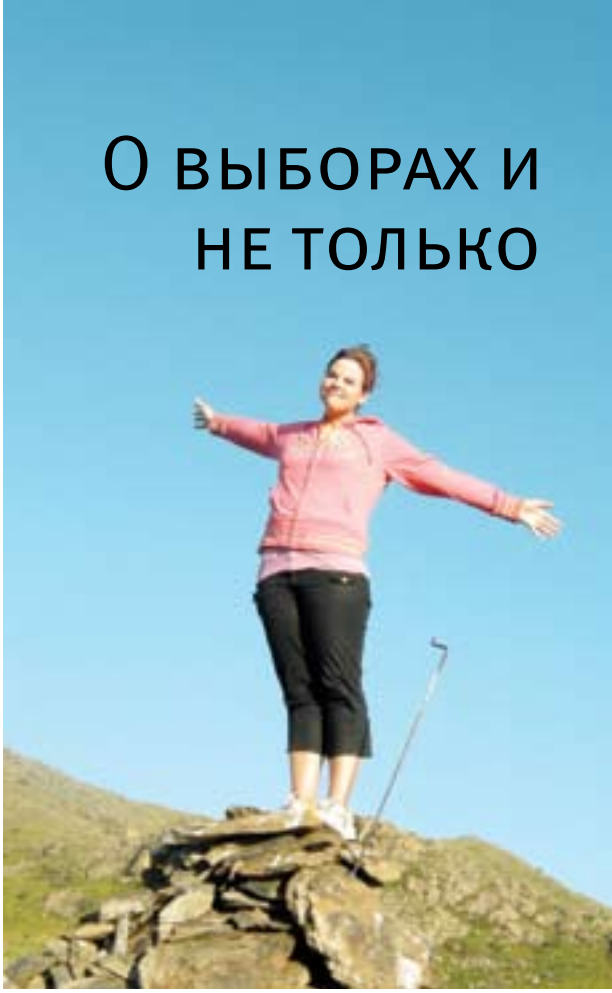
Рик – это такой современный рыцарь, вместо коня – легкий мотоцикл БМВ, такой лучше всего подходит для пустынь Африки, вместо доспехов – особая униформа, высоченные ботинки, куча накладок по всему телу, которые не снимаются ни в какую погоду, ни в дождь, ни в снег, ни в жару, ни в холод. В прошлой жизни Рик был обычным бременским бюргером, Фредериком Феллерхофом, простым компьютерщиком. И как-то задумавшись о своём путешествии, он решился, спланировал маршрут (36 стран), рассчитал время (его путешествие продлится 2 года), и как человек с техническим складом ума сбросил 20 кг, чтобы сэкономить на бензине, после этого продал дом - и путешествие началось. А немецкие бюргеры так и продолжают ими оставаться, чтобы как-то рационализировать своё существование, они считают Рика городским сумасшедшим. Мы долго обсуждали эту установку жертв глобализации, совершающих кругосветные путешествия, не выходя из сети. По мнению Рика, причиной неспособности стать собой, услышать свой внутренний голос и последовать за ним является страх. Люди боятся самостоятельных решений, неизвестности, но прежде всего – самих себя, боятся увидеть себя настоящих и поэтому бегут, бегут от свободы в неинтересную работу и в быт.

После знакомства с Риком мне сразу стало интересно посмотреть на наш город и на нас

самих искушённым взглядом человека, видевшего практически всё! Его пугали Россией: алчными гаишниками, преступностью, плохими дорогами. Но, как оказалось, Россия намного лучше, чем о ней говорят за рубежом. Люди гостеприимные и открытые, гаишники останавливали только однажды, да и то для того только, чтобы пожелать счастливого пути. Дорогами Рик тоже остался доволен, считает их намного лучше многих европейских, хотя нам самим в это и не верится. От Тайшета до Иркутска он доехал с трудом, шёл дождь, было очень грязно, но на последних 200 километрах, к счастью, снова появился асфальт и ехать стало проще. Иркутск встретил мотокочевника улицами, напоминающими реки (так он сам это описал), и произвёл впечатление своей эклектичностью, соединением старого и нового, особенно в центре. Высокий уровень солидарности иркутских байкеров помог Рику найти жильё, так как во всех недорогих отелях не было свободных мест. И все три дня, что Рик провёл в нашем городе, шёл дождь, от которого он успешно прятался в ресторанах и кафе, знакомясь с особенностями нашей кухни, которая пришлась ему по вкусу, и местными жителями. Иркутяне оказались очень дружелюбными, правда, это не относится к охранникам, хорошо говорили по-английски, хорошо выглядели и казались очень преуспевающими, хотя это и не помешало кому-то украсть из куртки Рика все деньги, сотовый и камеру. После Иркутска он поехал на Ольхон, там мы и познакомились. Этот остров стал самым расслабляющим и вдохновляющим местом во всём его путешествии, несколько дней Рик провёл на пляже, размышляя, выпивая, разговаривая. Наверняка, отправляясь в такое путешествие, он хотел найти что-то особенное, чего не мог себе даже представить, и может быть самым главным, тем, ради чего всё это затевалось, как раз и стали несколько дней, проведённых на ольхонском пляже.

После Ольхона Рик проехал через Юго-Восточную Азию, избегая Китай и Камбоджу (в этих странах не очень любят байкеров), на самолёте пересёк океан и спускается по западному побережью из Канады в Южную Америку, сейчас он где-то в Мексике. За его путешествием можно следить на сайте motornomadsworldtour.de. Его философия проста: если что-то может произойти – это произойдёт. Действительно, каждый может продать дом и отправиться в своё кругосветное путешествие, это ведь проще простого!

О выборах и не только



Териса Сакса – иркутская американка. Из Блюмингтона, штат Индиана, она приехала в наш город и настолько его полюбила, что решила остаться здесь навсегда. Териса работает преподавателем в школе и познаёт Иркутск изнутри. Как гражданин Штатов, для которого состояние выборов является постоянным и естественным, и как волонтёр во время предвыборных кампаний, Териса рассказала нам о своих впечатлениях от недавних выборов, наших и не наших, и сравнила традиции выбирать.

Американцы поразили весь мир, избрав афроамериканца президентом. Как такое могло произойти в стране, где последние расовые законы были отменены только в 90-х годах прошлого века? Где традиция выбирать WASPа, белого англосакса-протестанта, нарушилась только при католике Кеннеди. Можешь ли ты представить, что в России президентом могут выбрать представителя национального меньшинства?

– Сами американцы поражены не меньше, ведь у нас ещё много проблем с расизмом, особенно на Юге, например, на окраинах моего города до сих пор часто можно увидеть акции ку-клукс-клана.

Путешествие из Магадана в Далянь. Через Иркутск

Обама победил благодаря молодёжи: абсолютное большинство в возрасте от 18 до 28 лет голосовало за него, эти люди выросли в другой стране и не помнят расистского прошлого, они выбирали его программу. И конечно, помогла республиканская партия, за последние годы запугавшая наших граждан. Мы выбрали Обаму, но мало кто понимает, что произошло на самом деле. Обама воплощает мечты Мартина Лютера Кинга, теперь все жители США поняли, что чёрный ты или белый - не имеет никакого значения, но к женщине-президенту мы совершенно точно ещё не готовы. Всю нашу историю мы шаг за шагом двигались к этим выборам, процесс был очень сложным и медленным, постепенно появлялись чёрные мэры, губернаторы, госсекретарь, представительство меньшинств в политике стало расти, благодаря этому появление президента ВААРа (чёрный афроамериканец, протестант) стало возможным. Я не думаю, что Россия готова сейчас к президенту из меньшинства, здесь нет необходимого уровня терпимости, и я не вижу шагов, которые бы объединяли нацию.

На днях у нас появился новый губернатор. Правда, его не выбирали. У нас отменили губернаторские выборы после теракта в бесланской школе, туманно объяснив, что это укрепит государство и повысит всеобщую безопасность. Как ты думаешь, почему после 11 сентября в Америке не произошло то же самое?

– Россия – особая страна, со своей историей и традициями, у её демократии особый стиль, наш стиль вырабатывался 200 лет, ваш только начал создаваться. Кто скажет, что лучше? У нас в таком случае, скорее всего, объявили бы импичмент президенту за отход от демократических норм. После 11сентября многие хотели снять Буша за то, что его спецслужбы допустили этот теракт. Но наказывать учителя за то, что ребёнок опоздал в школу, это очень странно и вряд ли эффективно.

Как ты относишься к тому, что когда ты станешь гражданкой России, ты будешь выбирать президента раз в 6 лет?

– Не будет большой разницы, имеет значение не то, кто президент, а то, кто реально управляет страной. Я бы не хотела того же для Америки: если бы Буш остался ещё на несколько лет, это было бы гибельно для страны. Для американцев конституция священна, её нельзя менять, мы с огромным уважением относимся к ней и уверены, что лучших людей, чем те, которые её написали, уже не будет, и поэтому мы недостойны что-то в ней изменять. У вас другой подход. А кто сказал, что мы обязательно должны быть похожи?

Фото: Дом Фотографа, г. Иркутск

Татьяна Плешакова – путешественница. Любимый вид отдыха – пешие переходы с рюкзаками и палатками по берегу Охотского моря. Хотя поездки в дальние города и страны тоже случаются. Нынче вот решила посетить Далянь: никогда не была в Китае. И проездом из Магадана в Далянь остановилась в Иркутске у друзей. Погостить. Вообще-то Татьяна Прановна юрист. Поэтому человек внимательный. Так что вряд ли какая-нибудь мелочь может ускользнуть от её критического взгляда.

В последнее время Магадан – это уже не тот суровый, мрачный город из известных шуток и анекдотов. Штампы, накрепко прилепившиеся к его образу, успешно преодолены, правда кроме местных жителей об этом ещё мало кто знает. Но энтузиазм, с которым Татьяна Прановна рассказывает о своём городе, заразителен. В Магадане полтора времени года: зима и небольшой перерыв до следующей зимы, а хочется яркости, света, жизни! Недавно городские власти, чтобы поднять настроение горожанам, стали красить дома в яркие цвета. Жители восприняли перемены скептически, а потом... полюбили такие игрушечные домики, согревающие своим цветом в морозы. А что, хорошая ведь идея? Может, и у нас возьмут на заметку!?

А ещё Магадан очень светлый город. В смысле, освещённый, даже несмотря на дорогое, по сравнению с нашим, электричество. В этом году за короткое летнее время осветили Танин микрорайон, причём очень красиво. Иллюминация по праздникам и не только, лишь бы магаданцам было хорошо,и они не уезжали. И не уезжают! Татьяна знает многих предпринимателей и юристов с хорошей карьерой, с объёмом средств, достаточным для того, чтобы уехать и жить там, где потеплее. Но люди довольны уровнем сервиса, комфорта и любят свой город, в том числе за то, что он компактный, в нём всё рядом, за то, что не приходится тратить много времени на перемещения, и за то, что нет пробок. Зато они есть у нас! Раньше это слово было знакомо Тане только по Москве, но, как она говорит, сложное движение, большое количество машин – показатель роста благосостояния, а пробки – это просто такой побочный эффект хорошей жизни.

В полной мере гостья оценила виртуозность иркутских маршрутчиков, устраивающих соревнования на улицах города. Теперь она очень беспокоится за наших пешеходов:

– В центре люди как-то странно бегут по улицам. И когда я наблюдаю за этим из окна маршрутки, переживаю: перейдёт – не перейдёт? Непонятно. Сама бы не решилась в вашем городе перейти дорогу. Если есть светофор, то нет «зебры», которая показала бы, в каком месте можно эту дорогу перейти – не размечено. Просто непривычно.

Татьяна Прановна – за деревянное зодчество с человеческим лицом! Чтобы не только туристы им восхищались, но и чтобы самим жителям было хорошо. Поэтому у неё отношение к деревянному зодчеству двоякое:

– Называть это зодчеством – сомнительно, и жители старых деревянных домов вряд ли разделяют умиление по этому поводу. Ведь жить им в таких домах достаточно сложно и, наверное, несколько обидно, когда рядом люди живут в домах с отоплением, с горячей водой, а они не только горячей воды никогда в кране не видели, им и холодную из колодца добывать приходится.

В Магадане успешно справились с этой дихотомией. Там если присваивается статус памятника деревянным домам (есть такие в сёлах), то этот дом служит только туристической достопримечательностью и никто в нём живёт.

Поразил Татьяну уровень сервиса на наших заправках. Тот факт, что нужно выходить из машины и самому идти в кассу, чтобы заплатить за бензин, оказался неожиданным, в Магадане давно уже всё по-другому. Видимо, потому что там гораздо холоднее, из машины просто так не выйдешь, приходится приспосабливаться. И, наверное, навсегда запомнится нашей гостье, как в шиномонтажке пришлось заплатить, чтобы накачать колёса. Самим накачать! Можно мягко сказать, что потенциал для совершенствования уровня сервиса в этом направлении у нас очень большой!

Река посреди города, красивая архитектура, люди. Понравился Татьяне Плешаковой Иркутск. Но, по её словам, нам ещё бы Golden Gate или Бруклинский мост, ну, в смысле, городскую достопримечательность какую-нибудь яркую – и тогда совсем всё будет хорошо!

Встречал проезжающих
Роман Миролюбов

Заметки на обочине

Сейчас я напишу нечто в стиле Буша-джуниора, поэтому заранее прошу не удивляться.

Итак...

Некоторые вещи выглядят тем, чем на самом деле не являются, потому что тот, кто затевает, имеет в виду вовсе не то, что при этом говорит.

Идиотизм, я понимаю. Но возьмем конкретный пример, и все встанет на свои места.

В ноябре городская дума Иркутска провела депутатские слушания по документу с сюрреалистическим названием «Концепция развития городского пассажирского транспорта общего пользования в г. Иркутске». В чем тут сюрреализм, спросите вы? Да в том, что, отчаявшись дождаться милостей от городских властей (тут, подчеркну, мы не разделяем депутатов городской думы и администрацию, головы-то две, а сердце бюджетное едино), иркутяне давно уже решили транспортную проблему.

Не верите? Имеете полное право. Концепцию – за которую, поди-ка, еще и деньги плачены – разрабатывали профессор Иркутского государственного технического университета А. Михайлов и доцент того же вуза С. Колганов, доктор и кандидат технических наук соответственно. А я кто? Ноль с большой дороги.

Но все-таки настаиваю: в основном иркутяне проблему с транспортом решили. А как еще трактовать тот факт, что по количеству автомобилей на тысячу жителей Иркутск еще два-три года назад достиг уровня Москвы? С тех пор население города несколько сократилось, а парк авто, напротив, вырос. Разумеется, всякий рост имеет границы, но уверяю вас, границы эти положены не финансовыми возможностями иркутян (оцените как-нибудь количество обучающихся в автошколах, поймете), а состоянием дорожной сети.

...Помните ли вы, иркутяне и гости нашего города, поездку в Ново-Ленино году этак в 1990-м? С Центрального рынка, зимой, после работы? Уверен, что помните – как помнит ветеран локального конфликта, пораженный пост-травматическим синдромом, первый и последний день своего боевого опыта. Эти оборванные пуговицы, отдавленные ноги, сломанные ноги и ребра, этот леденящий холод в «Икарусе-гармошке»...Разве такое забудешь? И помните ли вы, кто нас от всего этого избавил?

Если б я был мэром, я бы поставил памятник – Первому маршрутчику. Вот и в Концепции сказано: кабы не они, частные предприниматели, система городского пассажирского транспорта рухнула бы совсем. Оцените: возят людей, создают рабочие места, финансирования не требуют, да еще и налоги платят, и спрос на всякие товары-услуги создают. Кра-со-та! По сравнению с муниципальными транспортными предприятиями, у которых все было наоборот, плюс огромный обоз в виде управленцев-бухгалтеров, маршрутчики проигрывали только в одном – они очень плохо управляемы. Не договорились с мэром, плюнули друг другу под ноги и разошлись как в море корабли: предприниматель в соседний город, а мэр в кабинет, читать очередную концепцию, в которой твердо сказано: для решения проблем городского пассажирского транспорта начинать нужно с реформы системы управления.

И это – первый случай, когда разработчики говорят одно, а думают другое. Основные стратегические принципы концепции, пишут, заключаются в том, чтобы любой гражданин имел «возможность реализовать свое конституционное право на передвижение – пешеходное, с использованием личных легковых и служебных автомобилей или городского пассажирского транспорта». И дальше все – только о пассажирском транспорте с маленькой оговорочкой: поощрять предприятия и предпринимателей (разделение собственности и собственника – это, конечно, новация, достойная изучения...), стимулирующих своих работников отказываться от использования личных и служебных автомобилей – путем (вы будете смеяться) покупки для работников месячных проездных билетов или организации ведомственных маршрутов.

Депутаты городской думы накануне тех памятных слушаний поставили эксперимент на себе: добрались до рабочего места, используя только общественный транспорт. Многие видели в теленовостях довольное лицо председателя городской думы Андрея Лабыгина, который приплясывал на остановке с выражением полного восторга на лице – «так вот ты какой, сибирский мороз!».

То ли одного опыта оказалось явно недостаточно, то ли вся дума поголовно поражена страшным недугом лицемерия, но депутаты, предпочитая в личной жизни пользоваться личными автомобилями, всех остальных хотели бы запихнуть в консервные банки автобусов большой вместимости. Разработчики концепции не рассматривали никакие иные возможности решения проблемы – только замена микроавтобусов машинами длиной более 10,5 метров. В качестве небольшой уступки здравому смыслу предложено проложить несколько новых маршрутов через все еще не введенный в эксплуатацию мост, формирование сети экспрессных маршрутов (с бредовым условием соблюдать расписание), создание новых маршрутов на вводимых магистральных улицах.

Много вы видели в Иркутске новых магистральных улиц? Не напрягайте память. Да не было ни одной. Можно сколько угодно гнобить перевозчиков, устанавливая для них обременительные требования иметь собственную производственную базу с

оборудованием для осмотра, технического обслуживания и ремонта (а нельзя иметь одну базу на несколько предприятий, по типу колхозной машинно-тракторной станции? Тогда простоев будет меньше, а издержки перевозчиков сократятся), можно требовать от них установки навигаторов, устройств проверки электронных билетов (которые можно потерять и маяться до восстановления, в то время как деньги в любых купюрах – платежное средство) – можно, говорю я, заниматься фигней до полного исчезновения источника вдохновения типа «палец указательный для обсасывания». Все эти бредни не отменяют всего один факт: улицы Иркутска не приспособлены для транспорта большого размера.

Любой автомобилист знает: если микроавтобус-маршрутка столкнется с любым другим транспортным средством – его можно объехать. Если он сломается посреди дороги – его можно вытолкать на обочину или отбуксировать аналогичным по мощности автомобилем. Если маршрутка неудачно припаркуется – даже вне кармана – это не препятствие. Но если вам перешел дорогу автобус большой вместимости – это локальная катастрофа, которую нужно пережить со смирением первых христиан. Три маршрутки на остановке – это терпимо, три мастодонта – это крах.

Тут ведь как в анекдоте: для работы в космосе американцы за 25 миллионов долларов разработали авторучку, которая пишет под водой, в невесомости, при температуре от плюс до минус ста градусов. Русские в таких случаях используют карандаш...

Иркутск не нуждается в дорогостоящих экспериментах по внедрению единой диспетчерской службы (чем она поможет, случись авария или поломка на другом конце города?) или системы автоматизированного контроля непрерывности движения – до тех пор, пока не будет этой самой непрерывности. Тут не нужно ни специальных навыков, ни дорого оборудования: сядьте за руль, прокатитесь по основным улицам города – и вы поймете, что решить транспортную проблему можно наведением элементарного порядка на улицах.

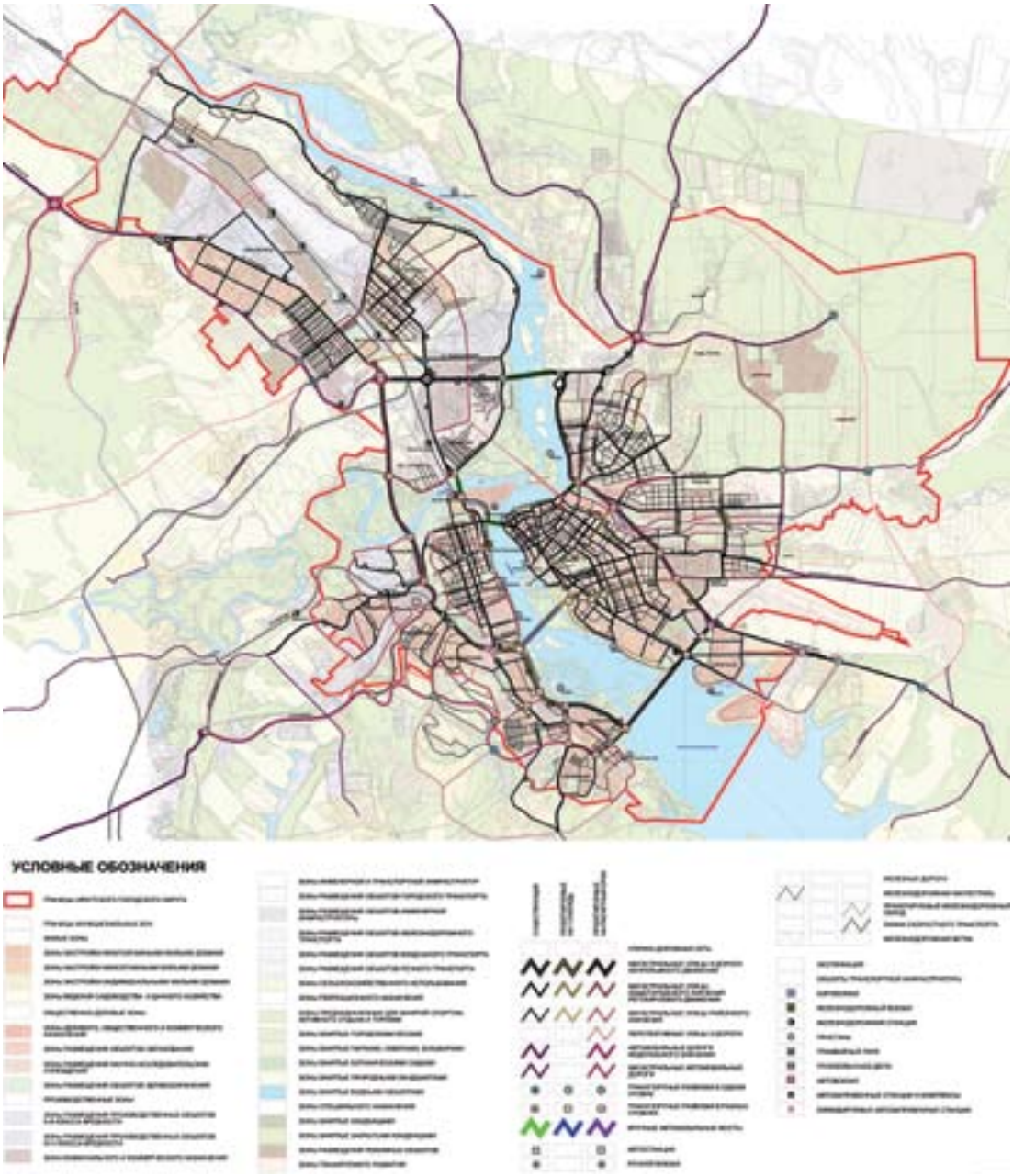
Требований немного, и они вполне по силам уже имеющимся в городе силам ГАИ-ГИБДД: выгнать таксистов с остановок – создав для них специальные стоянки. Убрать несколько лишних светофоров на улицах Депутатской, Декабрьских Событий, Трактовой, Розы Люксембург и Дзержинского; запретить раз и навсегда несколько поворотов налево (перекресток 1-й Советской и Депутатской, Трилиссера и Байкальской); построить еще несколько подземных, а еще лучше – надземных пешеходных переходов; расширить улицы, параллельные основным магистралям – тут список длинный, опустим.

Кстати, у разработчиков есть небольшой фетиш, вокруг которого они танцуют с остервенением вошедшего в транс шамана, – затраты времени на передвижение от места проживания до места работы. В Иркутске, по расчетам, должно быть 38 минут. Такой результат показали только 55 процентов из 3158 человек, опрошенных в 2006 году. С тех пор утекло довольно много воды и процент вполне мог увеличиться, но не суть – важно то, что до остановки иркутяне добираются 5-7 минут и это слишком много.

Тут мне вспоминается прошлогодний случай, когда одна иркутянка порывалась нанести оскорбление действием нашему уважаемому градоначальнику Владимиру Викторовичу Якубовскому: она почему-то решила, что вечно разрытая канава у ее подъезда – это личные происки мэра против ее замечательных туфелек на шпильке. Слава богу, все обошлось и теперь она живет в городе Москве (Юрий Михалыч, вы там осторожнее с внутридворовыми ремонтами...) – суть дела не меняется: не надо ломать систему там, где достаточно навести порядок.

В сущности, есть два варианта развития событий. По первому Иркутск продолжает деградировать прежними темпами, теряя привлекательность, население, вузы, промышленность и торговлю. В этом случае нужно оставить все как есть – всего несколько по-настоящему проезжих улиц, хронические пробки и устаревшая схема движения.

Но сохраняется надежда на второй: город все-таки будет развиваться, привлекать новых жителей, расти вширь. Тогда нужно забыть об опасных играх с новыми правилами для перевозчиков в разгар кризиса (можно ведь доиграться до того, что останемся с одним электротранспортом) и начинать строить дороги. Настоящая проблема Иркутска ведь не в маршрутках и не в дисциплине водителей – проблема в том, что при выборе маршрута поездки у водителя нет альтернативы: чтобы попасть из одного района в другой, ему волей-неволей придется ехать через одни и те же улицы с общественным транспортом и сотнями других таких же несчастных. При разработке Генерального плана города общественности было представлено много красочных схем – в том числе одна с проектом новых объездных дорог: от аэропорта до нижнего моста через Ангару мимо центра и кольца в Рабочем, от Юбилейного до трассы М-55, минуя Лермонтова и микрорайоны Университетский и Первомайский, от Иркутска II до трассы М-53,



минуя Ново-Ленино. Объездная дорога от Вдовино до Чистых Ключей уже начата, но было бы неплохо получить еще и внутригородскую дорогу от Ново-Ленино до Синюшиной Горы с новым мостом через Иркут – чтобы разгрузить уже имеющийся мост и ликвидировать вечную пробку в районе курорта «Ангара». Если представить все это в законченном виде, то городу нужно первое транспортное кольцо, позволяющее попадать из одного района в другой, минуя центр. Мэр, который осуществит этот проект или хотя бы начнет его, войдет в историю.

А теперь о том, с чего начали. Вы думаете, вся эта Концепция с ее завихрениями и разворотами для нашего с вами блага? Чтобы мы быстрее до работы добирались? А вот шиш – для «улучшения имиджа органов местного самоуправления в глазах жителей и гостей города». Читаем, «Концепция развития городского пассажирского транспорта общего пользования в г. Иркутске», страница 39.

Константин **Дынин**

Мифы об Иркутске

На последнем заседании депутатской группы думского комитета по социальной политике начальник управления по делам молодежи и защите прав несовершеннолетних Дмитрий Абрамович с дрожью в голосе поведал результаты опроса, проведенного среди 2 тысяч студентов высших и средних учебных заведений города. Самый молодой начальник управления городской администрации рассказал, что 32% учащихся намерены остаться в Иркутске после получения диплома, а 40% респондентов планирует покинуть город. Главными причинами миграционных настроений среди иркутских студентов стали цены на жилье (29,3%), сложности в трудоустройстве на высокооплачиваемую работу (26,4%) и высокая стоимость жизни в городе (21,9%). Чемоданное настроение ровесников так расстроило молодого чиновника, что он практически не обратил внимания на приписку о том, что большая часть уезжающих не имеют постоянной иркутской прописки, а почти все остающиеся активно работали, пока другие «строили любовь» как в «Доме-2».

В кулуарах депутаты – люди взрослые и прагматичные – еще раз удивились великой силе СМИ, которая закладывает в неокрепшее сознание подростков шаблоны прямого воздействия. Ведь упоминаемые в опросе «провинциальные» проблемы города – благоустройство и наркомания – среди молодежи имели широкий резонанс, но в ином контексте. Повторяя за политиками в телевизоре формулировки о необходимости борьбы с наркоманией и благоустройстве города, пока молодежь не уехала в другие города, молодые зрители снайперски программируются на высокомерное отношение к глухой иркутской провинции, где остаются только неудачники.

Телевизор не сообщает взахлеб о том, что летом впервые за 8 лет эмиграция иркутян остановилась, и начался обратный отсчет. Ни одна газета не написала, что за последние 3 года уровень наркомании среди детей и подростков в Иркутске уменьшился в 16 раз. Молодежи не рассказывают, что на благоустройство города в прошлом году потратили несколько сот миллионов. И, разумеется, огромным открытием для молодых людей стал бы факт, что сами они – лишь статисты в спектакле под названием «большая политика», где главным жанром является мифотворчество.

Миф № 1: «В городе душат малый бизнес в угоду монополистам»

В постиндустриальном Иркутске оборот крупных и средних организаций в 1-м полугодии 2008 года вырос на 172,9 % к аналогичному периоду прошлого года и составил 80,9 млрд рублей. Самым популярным видом бизнеса в Иркутске является торговля и автосервисы – 46%, промышленные виды деятельности занимают 23,2% (включая распределение электроэнергии, газа и воды), еще 13,2% приходится на транспорт и связь и 6% на операции с недвижимым имуществом, аренду и предоставление услуг.

Проекты, которые мэрия развивает целенаправленно с помощью грантов, субсидий и административной поддержки, относятся к так называемому наукоемкому сектору. Иркутск прочно обосновался в российской сети трансфера технологий: в актуальном состоянии находятся около 30 технологический профилей, а ноу-хау, запатентованное как «печь для утилизации биологических отходов и кремации умерших животных», размещена в пятерке самых востребованных проектов. В среднем по России на город приходится не более 10 проектов. Со вступлением в должность начальника управления по стратегическому развитию и инновационной политики Евгения Семенова в Иркутск зачастили высокопоставленные менеджеры корпорации «Роснано», а его инфраструктурные проекты и программы по поддержке малого бизнеса ведомства Марины Еремеевой стали считаться образцово-показательными далеко за пределами Иркутска.

В последнее время администрация серьезно занялась компаниями, разрабатывающими технологии мусороперработки. За последние три года программы городской администрации сформировали целый «мусорный кластер». Самая известная «мусорная» компания «Сибэкотранс» появилась на беспроцентный кредит, выделенный городской администрацией. «Нитек» запустил в Иркутске производство отделочной плитки, в основе которой лежит алтайская технология по использованию вторичного полиэтилена. «Экополимер» работает с московской технологией рециклинга вторичных «загрязненных» полимеров. Причина интереса иркутской мэрии к малому бизнесу банальна до безобразия: городской

Новый компьютерный томограф установлен в Иркутской ГКБ № 10.

бюджет практически не по лучает налогов от зарегистрированных в других регионах производственных монстров, вроде Иркутского авиазавода. Поэтому развитие малого бизнеса – единственный способ увеличить городской бюджет.

Миф №2: «В Иркутске строится только элитное жилье»

Профессионального строителя Владимира Якубовского принято ругать за недоступное жилье в Иркутске. Между тем, устав несколько лет назад договариваться с иркутскими застройщиками, монополизировавшими рынок стройматериалов, мэрия «прокачала» МУП УКС города Иркутска до уровня крупного строительного игрока, способного доставить серьезнее неприятности коммерческим застройщикам. До начала финансового кризиса фактически каждая десятая квартира в Иркутске была построена по подряду муниципальной строительной компании, и Владимиру Якубовскому, в отличие от мэров других городов, не приходилось втридорога выкупать квартиры для выполнения федеральных программ. Недостаточно большое количество участников программы «Жилье молодым семьям» связано отнюдь не со строительным циклом, а скорее с финансовыми возможностями самой программы.

Строительное образование мэра помогло ему «уворачиваться» от «почетных поручений» администрации Александра Тишанина по сдаче вмененного количества квадратных метров (в обмен на много-много земельных участков строителям) и других «приятных» моментов нацпроекта «Доступное жилье». Образование главы города повлияло и на решение другой очень серьезной проблемы. Когда заведующий лабораторией сейсмостойкого строительства Института земной коры Юрий Бержинский начал проверять на стойкость хрущевки 335-й серии, главы муниципальных образований Иркутской области были на грани сердечного приступа. Газозолобетон в панелях уничтожал арматуру под воздействием температуры, воздуха и воды, попадавшие туда через микроскопические трещины. Через 30-40 лет эксплуатации в стенах появляются сетки трещин, которые пронизывают всю толщину стены, на торцах домов отслаивается защитный слой, а через 40 лет дома, находящиеся в 8-балльной зоне, теряют сейсмостойкость.

Самая жуткая картина оказалась в Ангарске, где в таких домах миллион жилых квадратов. В ответ на предложение заняться жилым фондом администрация тогдашнего мэра Евгения Канухина с ужасом замахала на Бержинского руками: «Упаси вас Боже рассказать людям, в каких до-

мах они живут». Хрущевки раскрасили в веселый цвет и таким образом «модернизировали».

Иркутск на реконструкцию стеновых панелей жилых домов первых массовых серий выделил 92,7 миллиона рублей. Панели в домах 335-й и 163-й серий укрепляются до требований сейсмобезопасности, на панели надеваются вентилируемые фасады. И когда после ремонта домов в Ленинском, Октябрьском и Свердловском районах финансовый лимит был исчерпан, на реконструкцию домов в микрорайоне Юбилейном дополнительно потребовалось 11,1 миллиона рублей. И ведь выделили.

Миф №3: «Иркутск – самый некрасивый город на планете»

Для понимания причин, по которым Владимира Якубовского активно обвиняли в градостроительном непрофессионализме, достаточно одного посещения любого градостроительного совета города. На последнем присутствующие наблюдали, как

Споры в городской Общественной палате.

проектировщики «Иркутскгражданпроекта» обвиняли «Промстройпроект» в нарушении регламентов и выносе детского сада за границы проекта, на чужую территорию. Переводя с языка умных людей на язык общечеловеческий, о причинах спора можно сказать следующее: «ПСП» выполнил проект самого желанного Кировского района, нарушив монополию «ИГП» на территории, где находятся самая дорогая земля, самое большое количество памятников архитектуры и самый запутанный клубок юридических противоречий в районе правобережных развязок нового Ангарского моста.

Мэрия, точнее бывший главный архитектор города Евгений Третьяков, пошел на этот шаг осознанно, чтобы устранить разногласия между «ИГП», который не проектировал новый Ангарский мост, и спроектировавшим сооружение «ГипродорНИИ».

Согласование развязок в финальной стадии работы над генпланом вылилось в череду скандалов на областных градостроительных советах, и мэрии не хотелось сиквела во время разработки проектов планировки. Если копнуть совсем глубоко, то за пресловутым пунктом 4.9, отобравшим у города не кадастрированные земельные участки, также стоят лица, не посторонние для института «Иркутскгражданпроект». В общем, архитектура в Иркутске – вопрос политический, а у отдельных представителей «Иркутскгражданпроекта», частично находящегося в областной собственности, масса причин обижаться на городскую администрацию – политических, финансовых и даже личных. Поэтому чаще всегоВладимира Якубовского обвиняют в безграмотности архитектурного и градостроительного плана.

Миф №4: «В мэрии работают сплошь тупицы и дегенераты»

Владимир Якубовский знает толк в женщинах. Чтобы понять эту простую вещь, достаточно посмотреть на кадровую политику городской администрации, в которой ключевые позиции занимают self-made woman: взрослые, красивые, успешные и весьма профессиональные леди, которые за столом переговоров с обаятельной улыбкой непринужденно скручивают в бараний рог пришедших к ним с мечом мужиков. Об иркутский стиль управления – железный кулак в бархатной перчатке – не раз разбивался жесткий патриархат «серого дома», построенного по соседству.

В городском бюджете, сотканном элегантной интеллектуалкой Галиной Зюбр, отчего-то всегда находились «заначки» на внеплановое расселение правобережных развязок. Кадровые решения улыбчивой Елены Войцехович уже не раз выбивали почву из-под ног областных чиновников, превращая их бывших соратников в конкурентов. Любимый архитектор мэра Евгений Третьяков долго был мишенью для юридических и политических обстрелов, пока женская половина городской пресс-службы терпеливо и методично развенчивала мифы о великих архитектурных талантах его конкурентов, под большим секретом сливая журналистам суммы контрактов, не доставшихся оппонентам.

Впрочем, совсем недавно у всех желающих был повод убедиться, что многие нюансы в искусстве управления подчиненные Владимира Якубовского перенимают у своего шефа. Когда до Иркутска доехала французская дипмиссия из представителей 8 французских предприятий, во главе с послом Франции господином Станисласом де Лабуле, мэр Иркутска терпеливо слушал длинный монолог на тему «скорей, скорей любите нас, вам очень повез-

А ничего кашка!
В столовой школы № 17.

ло». После чего широко улыбнулся и рассказал о продуктивном общении с послом Германии Вальтером Юнгом Шмидом и прямом рейсе Иркутск – Мюнхен, который стартует в следующем году.

«У кого контакты более прямые и быстрые, тот и побеждает», – резюмировал Якубовский, любуясь выражением лица французского собеседника.

Сотрудники мэрии вспоминают только один эпизод, когда политический лис Владимир Викторович позволил себе стать львом и прилюдно повысить голос. На следующий день после своего избрания в мэрию приехал один из депутатов, владеющий сетью развлекательных заведений. Как обычно, на огромном «Хаммере» с несколькими телохранителями, перекрывшими холл на первом этаже мэрии. Владимир Якубовский, у которого охраны отродясь не водилось, громко объяснил депутату, что с сегодняшнего дня телохранители будут ждать своего работодателя на улице. И только на улице!

Миф № 5: «Иркутском управляют строительные олигархи»

Трудно сказать, когда на позициях неформальных лидеров в городской элите оказалось «братство врачей». Мэр-строитель наряду с Новым годом, 23 Февраля и 8 Марта предпочитал отмечать первое воскресенье августа. Но однажды чувство глубокого неудовлетворения рядовых депутатов городской думы, общественников и чиновников напористым строительным лобби вошло в резонанс с настроением самого градоначальника, и сейчас многие финансовые решения в городе контролирует костяк «добрых докторов». Подтверждение данному факту все желающие могли наблюдать во время общественных слушаний по бюджету.

Владимир Якубовский негромко, но очень настойчиво во второй раз объяснил одному из строителей-депутатов причины, по которым не хотел бы сейчас перераспределять статьи по благоустройству рекреационных территорий города в пользу освобождения земельных участков в центре города для коммерческих объектов иркутских строителей. Первый раз был накануне вечером, в долгой личной беседе.

Шесть главврачей с депутатскими значками заседают в городской думе, два главврача и директор социально-реабилитационного учреждения представляют интересы города в Законодательном собрании, трое не теряют времени в городской Общественной палате. Под чутким руководством медицинского тандема Валентина Вобликова – Ирина Губанова все они удачно лоббируют ассигнования в сферу здравоохранения, куда ежегодно направляется более 400 миллионов рублей. Не считая строк в программе капитального строительства.

Нужно ли удивляться массированному выделению средств на реконструкцию медучреждений, стимулирующие выплаты для молодых специалистов и новое оборудование? Спору нет, построенные в 60-е годы здания больниц больше, чем кто-либо, нуждались в капитальном ремонте. Но в течение последних трех лет плановый ремонт, начинавшийся с бюджета в

После реконструкции открыли роддом во втором Иркутске.

25-30 миллионов рублей, обрастал дополнительными статьями расходов на 200 миллионов. В течение года субподрядчики УКСа оставляли от неприспособленных к медицинским требованиям зданий только каркасы и заново начиняли перекрытия трубами, проводкой и новым оборудованием.

Пожилые врачи отремонтированной «десятки» в приехавшем с инспекцией Владимире Якубовском видели – ни много, ни мало – сошедшую на землю благодать. Через час восторгов реанимационными палатами, как из американских сериалов, и похожим на звездные врата компьютерным томографом мэр вытащил из закромов последний огурец, публично зарекшись «резать» 100 млн рублей на реконструкцию второй серии «десятки». Управленцы от медицины не смогли сдержать улыбку удовлетворения. Здоровье – прежде всего.

Миф №6:

«Общественные организации мэрию ненавидят»

Отношения властей и общественных организаций – тема особая.

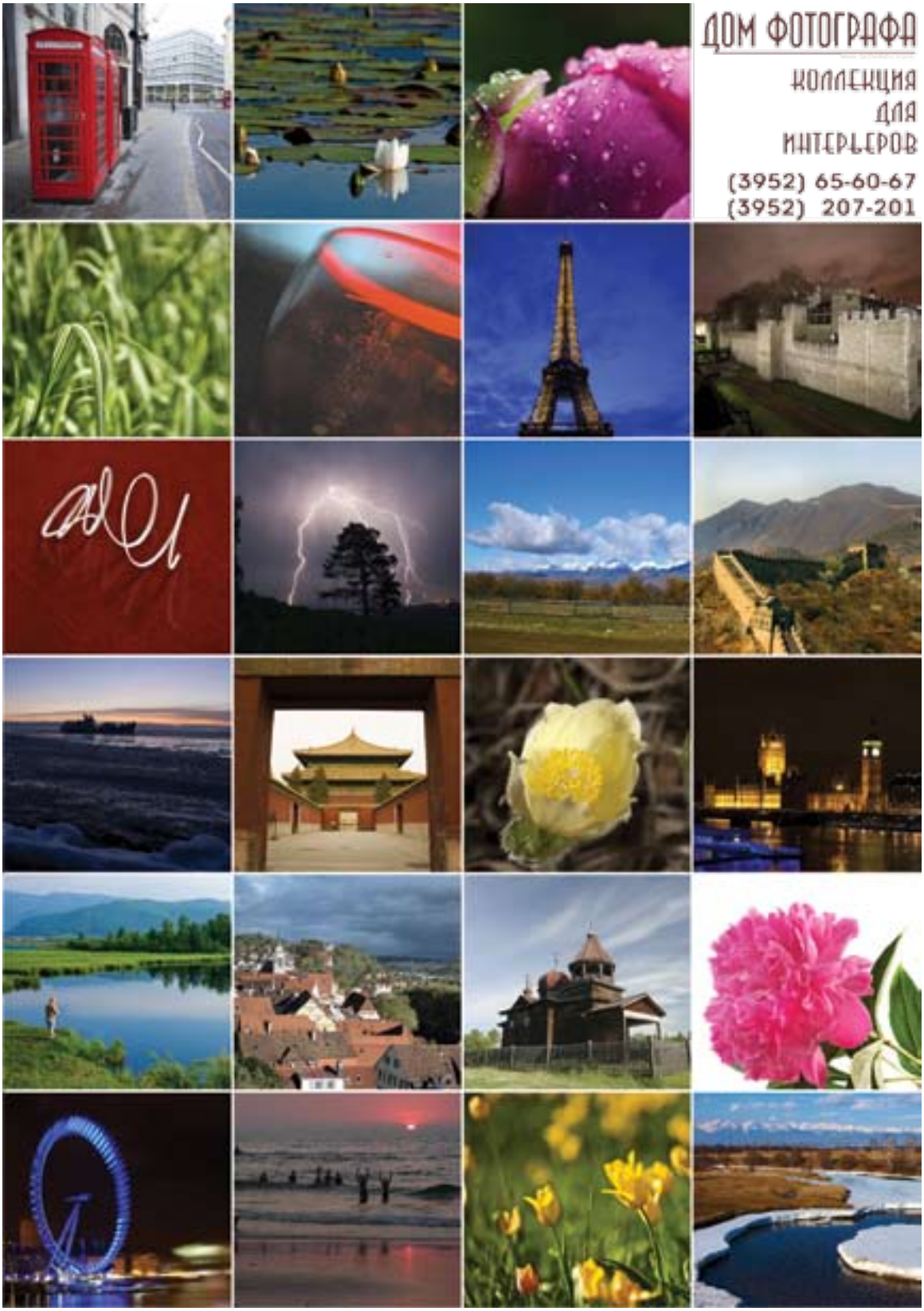
Организация организации рознь. Диалог с традиционными общественными организациями, вроде союзов пенсионеров и советов ветеранов, аккуратно и сердечно выстраивает каждый градоначальник. Отношения с молодежными общественными организациями отражены в городском бюджете. Совсем другое дело, когда группу последователей сколачивает молодой харизматичный лидер, за которым как за знаменем идут люди, и в городе появляется несистемная общественность со своими целями.

Трудные, но интересные задачи по налаживанию отношений мэрия решать как минимум обязана. Самое яркое явление последнего времени – инициативное движение иркутян против точечной застройки, сложившееся на базе ТСЖ, ЖСК и ТОСов. Эволюция от стихийных протестов с целью плюнуть в душу застройщика к отлаженной структуре быстрого реагирования была вопросом времени. При наличии харизматичного лидера. Таковой не замедлил появиться, и специфичные чаепития образовательного формата с инициативными группами в городской администрации стали традиционными. На этих встречах чиновники комитетов по ЖКХ, градостроительной политике и депутаты городской думы налаживают контакты с ячейками гражданского общества в отдельно взятых микрорайонах.

Социальные сети – инструмент тонкий и требующий методичной проработки. Городская администрация, где трудятся не самые глупые люди столицы Приангарья (см. выше), работу с ними строит дотошно, почти ювелирно. Кому-то приятно получить открытку на 9 Мая, кто-то ждет от бюджета символических сумм на покупку глины, бумаги, бересты и муки для кружков традиционных сибирских ремесел, кое-кто с помощью городской администрации учится играть по правилам государства.

Общественные слушания – самый очевидный результат работы администрации с активными гражданами. На мероприятии, посвященном бюджету города, общественность единодушно признала принятый в разгар экономического кризиса бездефицитный бюджет столицы Восточной Сибири «бюджетом умеренного развития». И это заслуга не только Галины Зюбр, но и всей городской системы, аккуратно выстроенной иркутским мэром за 11 лет присутствия у власти. Поэтому знающие люди многозначительно кивают, выслушивая истории о чудесах в день голосования на иркутских избирательных участках. У начинающего волшебника Якубовского в запасе еще много приемчиков. И пока недоброжелатели сочиняют очередной миф, он наверняка продемонстрирует парочку новых.

Леся Понторезова


ДОМ ФОТОГРАФА
КОЛЛЕКЦИЯ
ДЛЯ
ИНТЕРЬЕРОВ
(3952) 65-60-67
(3952) 207-201

С Нового года начинается новый политический цикл, суть которого в определении тех, кто будет верховодить в Иркутске следующие 5 лет. Кульминация этого цикла – выборы главы администрации города. Многим богатым людям пост мэра интересен прежде всего потому, что он ключевой в обеспечении успешности ряда местных бизнесов. Нам же, журналистам и прочим простым людям, это пост кажется интересным уже потому, что он сейчас, в жесткой вертикали власти, стал действительно высшим в публичной политике. Ведь чтобы стать губернатором, публичность не только не нужна, а зачастую противопоказана. Чтобы возглавить областной центр – она нужна ой как...

Кто на мэра?

Старые кони иркутской политики еще подумают, какую борозду пахать.

Владимир Якубовский стал мэром города в далеком 1997 году. И переизбирался уже целых три раза. Так что мы составили целый список тех, кто хотя бы однажды пытался стать иркутским мэром. Участников выборов 1997 года в расчет решили не брать – даже продвинутые писатели политической истории региона не могут на раздва вспомнить многих из таких страждущих.

А вот в избирательных бюллетенях 2001 и 2005 годов мы нашли немало интересных фамилий. За пост главы города, например, спорили депутат городской думы – и тогда, и сейчас – Юрий Коренев, президент клуба молодых ученых «Альянс» Алексей Петров и нынешний глава комитета по бюджету Законодательного собрания Иркутской области Сергей Курилов. Владимир Якубовский победил всех с большим отрывом. Но, допустим, Алексей Петров умудрился занять третье место и обогнать Сергея Курилова!

Ставший сейчас маститым политологом Алексей Петров отмечает, что на улице Петрова в предместье Радищево он и вовсе оказался на втором месте. Правда, тут же оговаривается, что из так называемого второго – 2001 года – списка претендентов сейчас, в 2010 году, на пост главы города никто на следующих выборах выставляться, скорее всего, не будет. Слишком, дескать, изменились времена и нравы.

Хотя в глубокой теории, по версии Петрова, Юрий Диомидович Коренев еще в состоянии попробовать себя в мэрской гонке – если за оставшиеся до выборов полтора года будет занимать более активную позицию в городских делах. Догнать победителя ему вряд ли удастся, но вот, как говорится, разогреться самому или разогреть публику – это вполне...

В третьем списке – на выборах 2005 года – значатся до боли знакомые фамилии Сергея Дубровина, Алексея Козьмина, Олега Гендина и Григория Шестакова. Скажем честно: найти следы бывших депутатов Государственной Думы России Дубровина и Законодательного собрания области Шестакова нам не удалось. Политические следы, конечно. Возможно, эти люди чем-то сейчас и занимаются, но точно не публичной политикой. По некоторым данным, и Дубровин, и Шестаков сейчас интересуются исключительно бизнесом, а вовсе не креслом мэра.

Еще интереснее ситуация у Олега Гендина. Несколько месяцев назад он был задержан по подозрению в изнасиловании. Это известно всем. Но почти никому не известно, что через несколько месяцев следствие квалифицировало его обвинение уже как «побои» и дело было улажено вне суда. Самого Олега Дмитриевича освободили из-под стражи, но близкие его знакомые утверждают, что вся эта история наверняка надолго отбила желание Гендина атаковать какие-либо заметные публикой позиции. Во всяком случае, во власти.

Интерес из этого списка бывших кандидатов представляет для следующих выборов, пожалуй, лишь Алексей Козьмин. Все последнее время он занимался проектом развития агломерации Ангарска, Иркутска и Шелехова, а совсем недавно возглавил областное отделение одобренной Кремлем партии «Правое дело». Из публичного пространства Алексей Павлович не выходил и до сих пор регулярно публикует свои комментарии по различным региональным проектам. На вопрос об участии в выборах он, конечно, отвечает уклончиво, однако близкие знакомые Козьмина едва ли не в один голос утверждают: на выборы пойдет! Аллилуйя!

Если кто-то кое-где у нас порой в мэры очень хочет...

Отдельно стоит выделить группу людей, которые как будто выражали когда-то свое желание попробовать себя в выборах на пост мэра, однако по разным причинам до самих выборов так и не дошли. Может быть, выражали и не сами. Может быть, желание такое им элементарно приписывали, однако какая сейчас разница, не правда ли!?

Сергея Мутовина, Сергея Прокофьева, Ильдуса Галяутдинова и других мы бы – при всей весомости названных фигур – не стали включать в эту группу, во всяком случае в качестве первых номеров. Понятно, что это фигуры, в основном, для «игры ума» специалистов-политологов, изучающих все, даже фантастические перспективы.

К этой группе мы отнесли бы прежде всего Александра Битарова, Татьяну Казакову и Евгения Колмакова. Битаров «размялся» на выборах в Законодательное собрание, где победил довольно уверенно и показал себя вполне харизматичным. Но кризис в строительной отрасли может сделать его куда менее богатым и влиятельным в городе человеком, чем прежде. И куда менее харизматичным. Хотя может, безусловно, и не сделать...

Судьба Татьяны Казаковой целиком в руках нашей правоохранительной системы – ведь осужденные граждане в нашей стране поражены (так это звучит у юристов) в праве избираться, а в оправдательный приговор по делу Казаковой мало кто верит. Но даже если он состоится, то уже нам плохо верится, что Татьяна Васильевна способна будет воспрянуть духом и финансами настолько, чтобы реально претендовать на что-то политически серьезное. Ведь мэрский пост штука чрезвычайно серьезная, разве нет!?

А недавний – на выборах в Законодательное собрание региона – лидер местных «зеленых» Евгений Колмаков вроде бы и выражал желание «попробовать на вкус», так ли уж мерзка эта мэрская должность... Однако падение цены на нефть сильно ухудшило положение его геологоразведочной компании, а без денег – и даже больших, огромных денег – избираться как-то не принято. Нигде. В том числе у нас. Чем мы хуже?

Мы не забудем ваши имена

Отдельной группой потенциальных претендентов на пост главы городской администрации являются действующие или действовавшие когда-либо сотрудники самой администрации. В разное время молва приписывала стремление взойти на вершину городской власти Юрию Волкову, Олегу Шандруку, Галине Зюбр и Николаю Хиценко. Слухи эти возникали обычно после того, как другие слухи начинали сватать Владимира Якубовского то в депутаты Государственной думы, то на нары. Да и собственно пример нынешнего городского головы подталкивал к таким размышлениям – мэром-то Владимир Якубовский стал практически «по наследству», благодаря скоропостижному уходу Бориса Говорина в губернаторы.

Правда, по мнению наблюдателей, в 2010-м похожую комбинацию провернуть навряд ли удастся. Волков и Шандрук давно не являются чиновниками и не светятся в публичном пространстве. У Зюбр и Хиценко, прямо скажем, какой-то шанс может появиться только в том случае, если Владимир Якубовский не просто экстренно покинет свой пост, а еще каким-то образом изменит Устав города и пропишет в нем одно из этих имен – в качестве автоматического наследника. Как думаете, это вероятно?

Они шевелили поляну, они нарубили деляну

Есть в городе некоторое количество политиков, которые уже сейчас прикладывают усилия для формирования своего публичного имиджа. И зачем он им, спрашивается? А-а-а! Не исключено, что как раз для участия в мэрской борьбе. Нетрудно заметить, что самыми «шевелящимися» в этом направлении можно признать председателя городской думы Андрея Лабыгина и председателя комитета по собственности и экономической политике Законодательного собрания области Нину Чекотову. Именно Лабыгин и Чекотова наиболее системно продвигают свои интересы в публичном политическом пространстве, причем явно не ограничиваясь рамками занимаемых должностей.

Нину Чекотову можно вообще признать самым эффективным новичком иркутского политбомонда. Поставив все фишки на ЛДПР, она с первой попытки не только попала в публичную политику, но и на довольно высокий ее уровень – в региональный парламент, где получила к тому же собственную фракцию и пост председателя комитета.

Андрей Лабыгин так же системно работает в политическом поле – за последние несколько месяцев он провел большую работу, причем в некоторых вопросах откровенно вмешиваясь в компетенцию администрации города. А сей-

Нину Чекотову можно вообще признать самым эффективным новичком иркутского политбомонда. Поставив все фишки на ЛДПР, она с первой попытки не только попала в публичную политику, но и на довольно высокий ее уровень – в региональный парламент, где получила к тому же собственную фракцию и пост председателя комитета.

час именно Лабыгин является лидером процесса по изменению Устава города, и в случае чего мало кто сможет ему помешать изменить Устав и ввести, например, выборность мэра из числа депутатов или вообще должность сити-менеджера. Словом, не своеобразный ли преемник появился в Иркутске? Преемник, быть может, стихийный и не вполне утвержденный еще «наверху»... Или утвержденный?

Как бы то ни было, думается, что через полтора года и Лабыгина, и Чекотову мы увидим в избирательных бюллетенях на выборах иркутского мэра.

Сам

Владимир Якубовский хоть и правит городом уже третий срок, имеет все шансы попытать шансы на выборах в четвертый раз. Закон у нас формально не запрещает занимать пост мэра сколь угодно долго. В области есть лишь один пример, когда, отсидев на своем посту два срока, мэр добровольно покинул свой пост. Так поступил Александр Петрунько – мэр Братска в 1997-2005 годах. Шансы Якубовского зависят лишь от его желания избираться, благо с предвыборными ресурсами проблем у него нет. Найдутся и деньги, и административное влияние. Если граждане города одобрят такой выбор мэра – а с учетом надвигающихся проблем в экономике города это совсем не очевидно.

Фантазии на заданную тему

Мы перебрали почти всех людей, теоретически имеющих возможности и желание баллотироваться на пост мэра Иркутска. Именно так: возможности и желание одновременно. Тех, кто мог бы, больше, чем обозначенные здесь персоны. И среди них есть те, кто хорошо бы, на наш взгляд, если смог бы. Вот желают только далеко не все, во всяком случае – в нынешней политической и экономической ситуации в регионе и городе...

Однако будущее вполне способно преподносить сюрпризы там, где их не ждут. Есть несколько вполне вероятных сценариев, по которым могут развиваться события вокруг поста главы города. Например, изменение способа формирования городской думы. Скоро часть депутатов будет избираться по партийным спискам, и это почти наверняка позволит впервые провести в депутаты кандидатов от КПРФ и ЛДПР. Среди них вполне могут оказаться лица, располагающие достаточными для мэрских потуг денежными средствами. И составить конкуренцию даже Чекотовой, допустим, с Лабыгиным!

А еще на политической сцене города вполне может появиться варяг – из того же Красноярска, и кто из местных тогда не забоится составить ему конкуренцию? А, господа местные?

Алексей **Васильев**

Приземление

Ну, наконец-то: Иркутская область обрела губернатора. Игорь Есиповский, несмотря на досужие домыслы, несмотря на все эти, грубо говоря, врио, не улетел в Москву или еще куда, а наоборот – приземлился. В том смысле, что к нашей Иркутской земле теперь он имеет прямое и легитимное отношение. И точкой в этом процессе стала инаугурация, самые интересные моменты которой мы – и только, напомню, мы – показываем так полно и цветно. За исключением, понятно, банкета...

Сейчас мы вам сделаем чисто!

Разговор по душам.

Ждём-с

Игорь Есиповский с Сергеем Чемезовым

Жене – цветы!

На бан-кет! Бан-кет!
Ать-два, ать-два!

Какой фотограф не мечтает стать тем, у кого по-государственному может прозвучать даже простая фраза: «Я вас снимаю!»

Фото Александра Новикова

Поздравляем с назначением!

Виталия Владимировича Барышникова, министра культуры и архивов Иркутской области.

С Вами многое случалось.
Дни и годы превращались
В бег затейливо-спиральный…
Только Вы МОНУМЕНТАЛЬНЫМ
Не бывали никогда,
И густая борода
Не пошла б Вам совершенно…
А на поприще свершений
Юность с Вами – навсегда.

Так случилось-приключилось.
Сердце билось – не разбилось,
Ни на «чуть» не остудилось,
Как далекие костры
Молодёжных педотрядов;
И азарт, и смелость взглядов…
Вы их помните, конечно, –
Строки песен той поры.

…Комитеты, комитеты –
Ваши «университеты»,
И вопросы, и ответы…
Но у галстука в плену
Вам бывать не приходилось –
Юность длилась и клубилась,
И морозы не студили
Вашу вечную весну.

И на сцене театральной
Вы бывали шедевральным,
Это тоже бег спиральный,
Мастерство и озорство.
Весь секрет – в небезразличье
И в размахе – вольном, птичьем.
…Был смешон Ваш Городничий.
Вам – спасибо за него.

…По спирали, по спирали…
Проживали З не играли.
Вы теперь министром стали –
Поздравляем! В добрый путь!
Сил Вам в деле – бесконечных,
Несгораемых и вечных,
Ведь костёр костром зовётся,
Если ветру – не задуть.

Взлетим?

Вообще-то рассказывать о вечеринках – это не наше дело. Мы люди серьёзные. Но если поводом для праздника является презентация диска, сделанного иркутскими музыкантами, в Иркутске и для иркутян – тут уж мы не можем молчать. Это в полном смысле наше дело!

Тем более что на презентации этого диска хозяева и гости не надували щеки, как на обычных мероприятиях подобного рода, не оттопыривали губу и не пылили. Они зажигали. Реально!

Редкий писатель замечен в том, что умеет слушать других. А этот даже радоваться за других умеет! Владимир Максимов с женой Натальей.

Они спелись! Олег Малышев и Эраст Бутаков.

Он не только хвалит и ругает, он ещё и распевает! Музыкальный критик Василий Кучеренко.

Надо же, все слова знают! Валерий Почекунин и Наталья Кичигина.

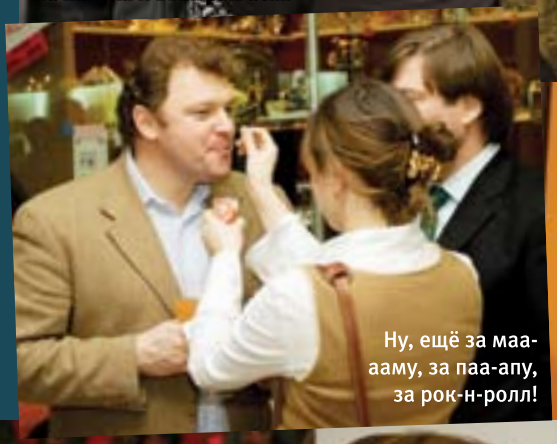
Формата удобней, чем «на троих», ещё не придумано.

Ща всем покажу, как выглядит порядочный рок! Товарищ Джо Сатриани Владимир Литвинов.

Когда же выйдут НАШИ альбомы?

Оксана Богданова: мы начинаем и выигрываем!

Сёстры Максименко с песней «Байкалушка». Сами сочинили, сами поют!



Ну, ещё за маа-ааму, за паа-апу, за рок-н-ролл!

Я могу все!

Роберт Кшиштофорски и Эдуард Коложвари: Long live rock`n`roll!

Я – поэт, зовусь Серёжа! Басня – от меня вам тоже! Сергей Милорадов.

Шоу-балет «Экслибрис»: к взлету готовы!

Аффтар жжот! Аццки... Сергей Шмидт в своем репертуаре.

Взлетим!

Фото фото Александра Новикова и Олега Малышева

Сколько у нас «измов»

Иркутск по заслугам считается городом на редкость толерантным. Десятки национальностей и вероисповеданий отлично существуют рядом и удивительным образом умудряются не ссориться.

Само собой, разного рода непонятки периодически возникают, особенно на почве мелкого и среднего бизнеса. Таков уж философский менталитет русского, что любые неприятности (как, впрочем, и любые положительные впечатления), связанные с отдельным человеком, он тут же обобщает и переносит на нацию в целом. Так появляются устойчивые легенды – все мы знаем, что большинство воров в законе являются грузинами, но с другой стороны при этом грузины – люди щедрые и добрые. Мифологию о евреях даже повторять не стоит – достаточно открыть любой сборник анекдотов. А уж как русские думают о самих себе – это вообще невероятно. Достаточно вспомнить о том, что в мире существует только одна нация, которая искренне гордится способностью выпивать парутройку смертельных доз алкоголя в одно лицо.

Деление людей по национальному, этническому и религиозному признаку есть – это отрицать глупо, невзирая на то, что пресловутый пятый пункт исчез из российских паспортов. Более того – такое деление является определяющим во взаимоотношениях большинства жителей города. Если с русским или бурятом любой из нас с удовольствием посидит за рюмкой чая, то в компании с чеченцем это вызовет серьезное опасение, а приглашение на вечеринку «Свидетелей Иеговы» будет, скорее всего, с негодованием отвергнуто. НО! Пока не выяснится, что собеседник именно «свидетель» или именно чеченец, при определенных благоприятных условиях легко могут успеть завязаться едва ли не братские отношения. Все эти взаимоотношения укладываются в сложное переплетение различных «измов» – начиная от банального патриотизма и заканчивая не менее банальным сионизмом.

Так сколько же в Иркутске таких «измов?

Самый шумный, хотя совсем не самый всеобъемлющий иркутский «изм» – это национал-патриотизм. Он существовал всегда, однако вспыхнул как факел после распада СССР в 1991 году, заняв ключевые позиции после путча 1993 года. Идейным лидером нацпартиотов стал известный писатель Валентин Распутин, что определило некоторую их популярность в первые годы существования.

Как известно, в древние времена русские не знали о существовании евреев, поэтому во всех своих бедах обвиняли силы природы. Потом виноваты стали «татарове», потом – «немчура», и уж только потом – «жиды»

(к каковым кого только не относили плохо разбирающиеся в национальных особенностях разных народов «хрестьяне»). Базовый принцип «это не мы виноваты, это вражьи происки» во все времена был самым удобным способом не заморачиваться анализом ситуации, а тем паче – поисками выхода из неприятностей. Зачем, когда вот же он, виновный, уже тем, что он не такой, как мы; а мы-то уж точно не можем быть ни в чем виноваты. Эта нехитрая «истина» стала основой для идеологии иркутских нацпатриотов – естественно, и в распаде СССР, и в других неприятностях оказались виноваты многочисленные враги русского народа. Который, бедный и обиженный, все никак не может встать с колен и побороть своих врагов.

Иркутские нацпатриоты не изобрели велосипед – они просто подняли упавшее после революции знамя черносотенцев с полустершейся надписью «Православие, самодержавие, народность». Лучшими друзьями нацпатриотов стали казаки и так называемые «русские» литераторы – и те и другие пребывали хронически без работы и денег и потому имели массу времени на разные благоглупости.

Семена нацпатриотизма упали на благодатную почву – обездоленный и нищающий народ не видел выхода из тяжелой ситуации и с размаху ринулся искать врагов. Нацпатриотам даже удавалось некоторое время выпускать собственную газету «Русский Восток», пережившую за свою короткую жизнь десятки судебных процессов. Однако с ростом благосостояния населения накал страстей спал, и нацпатриоты постепенно расползлись в разные стороны – к тому же скромное финансирование, поступающее из

кругов, близких к властям и заинтересованных в социальной нестабильности, почему-то прекратилось из-за своей неэффективности.

Общее число нацпатриотов в Иркутске определить сложно – сами они утверждают, что на их стороне находится как минимум весь православный люд, однако на митинги, организуемые за Русь Святую, приходит от силы полторы сотни человек – включая журналистов и милиционеров.

Весьма близки к нацпатриотам иркутские монархисты. Некоторые акции наподобие «Русского марша» или митинга против Бориса Моисеева они даже проводят вместе – однако этот «изм» еще малочисленнее, чем «чистый» патриотизм, и не так агрессивен. В то же время именно с монархистами связан ряд скандалов – руководителя монархистов Романа Д. милиция систематически и с удовольствием обвиняет то в разгроме еврейского кладбища, то в отколотом носе В.И. Ленина. Кстати, злые языки говорят, что вся иркутская монархическая организация вообще состоит из одного (уже упомянутого выше) человека.

Антагонисты национал-патриотическим силам – иркутские сионисты. По понятным причинам они традиционно не «светятся», не имеют своих газет и не выступают с митингом. Да и цель их гораздо скромнее – обеспечить максимально удобное существование иркутских евреев «здесь» и способствовать выезду желающих «туда». В Иркутске очень скромно, но крайне эффективно работает ряд израильских организаций, а Иркутская синагога – одно из популярных мест встреч. Само собой, не для всех.

Нельзя не заметить, что деятельность сионистов дает определенные плоды. Все, кто хотел выехать в Израиль – сделали это, причем зачастую не имея ни капли еврейской крови. Остальные предпочли холодную Сибирь, однако и здесь не бедствуют – как говорится, чтоб я так жил. Число приверженцев сионизма не поддается определению – по мнению нацпатриотов, в Иркутске чуть ли не каждый второй сионист, а

по мнению одного известного в Иркутске лица – их вообще нет. Ну, это, дескать, разве ж настоящие сионисты? Ой, я вас умоляю…

Не менее незаметны, чем сионисты, иркутские анархисты. Вообще, Иркутск – один из центров российского анархизма конца XX – начала XXI века, хотя обывателю этот факт, в большинстве случаев, неизвестен. Именно в Иркутске жил и работал один из апологетов современного анархизма Игорь Подшивалов. Сейчас в ряды иркутских анархистов стройными рядами идет молодежь, которая привлечена даже не столько концепциями князя Кропоткина, о котором имеет весьма смутное представление, сколько вполне современными вещами, казалось бы, ничем не связанными с заявленной идеологией – экологией, вегетарианством, футболом и т. д.

Видя молодых людей на различных уличных акциях, большинство жителей Иркутска не подозревают, что за ними стоит достаточно мощная анархическая организация, способная посылать своих членов в другие города, проводить большие экологические лагеря и организовывать масштабные митинги. К счастью, вся деятельность анархистов направлена на улучшение общества, а не наоборот, иначе все было бы гораздо хуже.

По оценке одного из лидеров движения анархистов Игоря О., число анархистов в Иркутске не превышает ста человек, однако, как утверждают многочисленные эксперты, это одна из самых привлекательных для молодежи «подпольных» структур России.

Еще одна серьезная молодежная структура – это ролевики. Взрослые люди редко воспринимают их всерьез, считая заигравшимися детьми, несмотря на то, что в основе движения – бородатые дяденьки, сами имеющие детей, а то и внуков. Движение ролевиков имеет свои корни в «толкиенутых» семидесятых годов – людей, увлеченных эльфами, троллями и прочими гремлинами и азартно в них играющих.

Нынешние ролевики – далеко не просто малолетние фанаты европейских фантастических сказок. Это сложная разветвленная система, имеющая связи в самых различных структурах, а самое главное – до зубов вооруженная. Причем это вооружение – отнюдь не те деревянные мечи, которые ролевики согласны показывать по телевизору. Это настоящие, вполне боевые луки, мечи, топоры – по счастью, огнестрельное оружие в сказочный ассортимент не входит, иначе, скорее всего, было бы и оно.

И еще, по счастью, вся эта вооруженная шайка глубоко увлечена сама собой и старается не контактировать с другими «измами». Ролевиков в Иркутске несколько сотен человек, и к такому количеству волей-неволей будешь относиться настороженно. Так и относятся. Нацпатриоты, правда, пытались с ними заигрывать, обнаружив некоторое сходство между хоббитами и русскими богатырями, но, в конце концов, решили, что эльфы – это неправославно, и открестились от всякой мифологии. С анархистами ролевики, наоборот, контактируют очень близко – правда, виной тому, как говорят, отнюдь не общность политической платформы, а попросту наличие у ролевиков романтически настроенных красивых девушек, а у анархистов, соответственно – конкретно ориентированных молодых людей.

Говоря о духовной сфере, нельзя не помянуть иркутских протестантов. Малые протестантские церкви очень мало известны обывателю в России в целом и в Иркутске в частности – однако их влияние в последние годы значительно выросло. Особенно заметна их активность среди молодежи, ориентированной на западные ценности и успех в жизни – то есть практически на всех студентов и старших школьников.

В отличие от традиционных церквей, малые протестантские церкви используют весь ассортимент

современной цивилизации для привлечения сторонников – от Интернета и рок-музыки до походов, турпоездок и стажировок за границей. Главное, чем берут эти группы, – ориентация на деловой успех и всемерная помощь в этом своим приверженцам. В результате значительная часть молодых людей, быстро продвигающихся по служебной лестнице, принадлежат как раз к протестантам, хотя их работодатели об этом, как правило, не подозревают и лишь удивляются поразительной работоспособности, усидчивости и трезвости своих сотрудников.

Уникальным иркутским явлением можно назвать движение «Искусство жизни». Сами приверженцы этого движения, получившего широчайшее распространение в Иркутске и регионе, отрицают его религиозную направленность, хотя религиоведы склоняются к обратному. Число сторонников ИЖ в Иркутске, по некоторым данным, превышает 5 тысяч человек. Кроме самосовершенствования, как физического, так и духовного, ИЖ занимается различной общественно-полезной деятельностью – реабилитацией наркоманов, работой с беспризорниками, пропагандой здорового образа жизни. В арсенале ИЖ – ряд предприятий, действующих в интеллектуальной сфере.

Очень крупный иркутский «изм» – это сепаратизм. Правда, проявляется он у каждого человека в разной степени, зато почти у всех поголовно. Самые радикальные иркутяне готовы уже завтра поставить пограничные столбы по Енисею (а то и по Уралу) и лично охранять их с дедовскими берданками. Более толерантные согласны на объединение с Бурятией и статус республики в составе России. Ну, а самые либеральные предпочитают обсуждать на кухне плюсы и минусы эмиграции в Москву, пока жена не слышит, не забывая под каждую рюмку помянуть недобрым словом тех же самых москвичей. Тем не менее, вирусом сепаратизма отмечен едва ли не каждый коренной сибиряк, поэтому можно считать, что в Иркутске их где-то 650 тысяч. Не считая «понаехавших» и «чучмеков».

Теперь о том, чего в Иркутске точно нет.

В любимом нашем городе нет сатанистов. Многочисленные попытки обнаружить приверженцев этого популярного на западе течения привели к печальному, а может, и наоборот, к радостному результату: единственный найденный человек, отрекомендовавшийся сатанистом, провел целую ночь в беседе с корреспондентом, однако никаких признаков принадлежности к поклонникам классического киношно-жуткого сатанизма, практикующего, как широко известно со слов деятелей официальной церкви, жертвоприношения животных и девственниц во время оргий, так и не проявил.

В Иркутске не замечены мормоны. А право, и жаль! Как известно, мормоны проповедуют многоженство, и их массовое распространение могло бы помочь решению демографической ситуации в стране.

Нет в Иркутске и ку-клукс-клана. Нет, несмотря на определенное количество чернокожего населения. По последним данным, в Иркутске целых пять чернокожих молодых людей, однако никаких действий против них, кроме агрессии сексуального характера со стороны некоторых девушек, не замечено. Более того: в нашем чудесном, без иронии, городе нет никаких структур, действующих против китайцев, индусов и прочих пуэрториканцев – и слава Богу.

А какой, вы спросите, можно сделать из всего этого вывод? А только один: надо бы нам побольше «измов», но – обязательно хороших и разных. «Измов» без фанатизма. И не так будет скучно жить. Как минимум.

Дмитрий **Таевский**
Фото Александра **Новикова**

Отвечаю!

Вот все говорят вокруг: «Облизбирком, облизбирком! Того назначили, того не назначили! Ой, боюсь, ой, не боюсь!» А что такое облизбирком, никто из простых иркутян, судя по всему, так и не понимает. Мы решили устранить этот недостаток. И спросили известного юриста Вячеслава Плахотнюка, который последние 5 лет был членом облизбиркома и который… уже не является им. Спросили, как спросил бы известный персонаж. Надо же соблюдать законы жанра!

Вот так встреча!
Дмитрий Анатольевич и
Виктор Васильевич

Что за комиссия, создатель?

Вячеслав Александрович, почему Вас нет в составе областной избирательной комиссии? Не берут, как говорится, или Вам это уже не нужно?

– Я не планировал работать в комиссии больше одного срока. Заинтересованные лица об этом знают. Мне сейчас приходится часто и надолго выезжать за пределы региона, так что – увы! Но это основное мое занятие, обеспечивающее нормальный заработок.

А сколько Вы получали как член облизбиркома?

– На постоянной основе – нисколько. Были премии иногда и за дежурство во время выборов. До 20 тысяч рублей в сумме. Немного, не правда ли!?

Скажите, а кто вообще попадает в облизбирком? Бывают ли странные, как говорится, назначения? Когда приходил понятно, что… непонятный человек?

– Если иметь в виду прежде всего профессиональную состоятельность и личностный вес людей, которые в идеале должны работать в облизбиркоме, то странные назначения были, конечно. И, судя по всему, будут. Нынче, например, депутаты утвердили в качестве членов облизбиркома несколько человек, чья профессиональная состоятельность лично у меня вызывает сомнение. Может, они хорошие, прекрасные люди, но...

Тогда зачем таких людей туда назначают? И зачем им самим все это надо, ведь бюллетени они не считают, по домам не ходят…

– Если выборы федеральные или областные – избирком и подписи проверяет, и протокол составляет, и итоги подводит. Но главным является обучение, помощь и контроль за деятельностью комиссий на местах. Каких людей назначишь, как их обучишь и проконтролируешь, так они потом и сработают.

И ошибки-недочеты в этом деле, конечно, не редкость. А еще Избирательная комиссия Иркутской области готовит проекты законов, пишет инструкции и методические рекомендации, издает свой вестник, газету, книги по вопросам избирательного права.

По закону облизбирком состоит из 14 членов и формируется Законодательным собранием и губернатором области. Партии, имеющие парламентские фракции, выдвигают обязательных для назначения кандидатов. Правом рекомендовать кандидата для выдвижения обладает Центральная избирательная комиссия. Оставшиеся места распределяются между кандидатами, предложенными общественными объединениями, органами местного самоуправления.

А Вашу кандидатуру кто в свое время предложил?

– Была такая партия «Отечество – Вся Россия», которая и назвала мою фамилию губернатору. Тот счел ее подходящей. Кандидатуру, не фамилию. А может, и фамилию тоже.

А губернатором был Борис-свет-Александрович?

– Да, Говорин.

Ну, он же стоял у истоков создания этой партии! Что, как мне кажется, и аукнулось ему потом.

– Не думаю.

Но Вы-то никогда не числились проговоринцем, помнится?

– А я ничьим «про» не числился и не был. Как и большинство членов облизбиркома.

На семинаре для СМИ

А я помню, что членом облизбиркома был Юрий Иванович Ковалев, которого считали серым кардиналом говоринской администрации.

– А в позиции Юрия Ивановича на заседаниях облизбиркома не прослеживалось, что ему закон по фигу, а интересы губернатора превыше всего! Не было этого, не бы-ло. Это правда. Люди, как мне кажется, понимали свою ответственность и серьезность дела, которым занимались. Приходил, правда, Юрий Иванович редко: очень занятой человек.

Что – и не ругались между собой, что ли?

– По процедурным вопросам не помню такого. А вот по правовым вопросам случались столкновения позиций. Практически любое потенциально острое постановление обсуждалось в несколько этапов. В самой комиссии, в ее аппарате, да в области в целом достаточно высококлассных юристов по избирательному праву. Потому и споры носили серьезный характер. Все оставалось за закрытыми дверями, и на публику выносился документ, юридическую силу которого практически невозможно опровергнуть ни в ЦИК России, ни в суде.

Слушайте, но ведь Законодательное собрание и администрация области переживали моменты острого противостояния. Неужели «люди губернатора» и «люди спикера» в облизбиркоме не тянули одеяло на себя?

– Нет. Никогда. Во всяком случае, я таких «потягушек» не замечал.

И никто вас не приглашал «в кабинеты-рестораны» и не предлагал-настаивал на чем-то? Признаюсь, не верится. При таком-то количестве и качестве персон, желающих влиять? Одну Татьяну Ивановну Рютину вспомнить…

– Количество и качество таких персон действительно велико. И это одно из разочарований, связанных с моей деятельностью в качестве члена облизбиркома. Наша исполнительная власть зачастую как будто игнорирует объективную реальность, перемены, происходящие в стране. Какой-нибудь деятель просто приезжает в район и начинает диктовать местным избиркомовцам: «Эти должны набрать не меньше 60%. А если вон те, наоборот, наберут больше 5%, вам каюк!» Феодализм какой-то!

А вот ситуация 2001 года, в которой Сергей Левченко вроде бы выигрывал, выигрывал – буквально до последних часов подсчета голосов – губернаторские выборы, но… проиграл. Облизбирком мог тогда как-то посодействовать Борису Говорину во внезапной победе?

– Я тогда членом областной комиссии не был, но историю эту хорошо помню, так как был в суде представителем. Хотите знать мое личное мнение, Андрей? Сэкономили коммунисты на наблюдателях и юристах. Слабаки. Не смогли качественно доказательства нарушений на участках собрать: одни эмоции, дескать, обманули нас. У суда нет возможности эмоциями руководствоваться. Что касается областной комиссии, то она все жалобы рассматривает, как то законом предписано. Вот только не жалуется народ. Административному ресурсу только гласность и юридическую грамотность противопоставить можно. Подготовке наблюдения и иных контрольных мероприятия в день голосования надо внимание уделять наипервейшее.

А насколько реально в принципе где-то что-то «подкрутить» при подсчете голосов? Если честно?

– При подсчете? Если только все члены комиссии, наблюдатели и представители СМИ договорятся. Протоколы об итогах голосования начинаются с участков, потом суммируются в территориях, потом в округах и так далее. Так что «подкручивать» на участках надо, где протоколы формируются. Там и «подкручивают». Недавняя история в Черемховском районе тому пример. Надо, чтобы наблюдатели от кандидатов и от партий качественно работали. Бывает, что ловят за руку махинаторов, бывает, что нет. Опыт условной «посадки» председателей участковых комиссий в области имеется.

Но ведь не станете же Вы отрицать, что облизбирком обладает какими-то реальными рычагами воздействия на процесс? Допустим, может снять кого-нибудь с выборов за что-то такое, за что теоретически можно и не снимать? Тех же «Зеленых», говорят, на последних выборах в Заксобр снять вообще-то можно было, но Виктор Игнатенко не снял – в пику «Единой России»…

– Не думаю, что «Зеленые» могли составить «Единой России» как партии серьезную конкурен-

цию. Это блажь отдельных тружеников избирательных штабов. Областная избирательная комиссия всегда исходила из того, что для привлечения к ответственности (в том числе для отказа в регистрации) нужны доказательства существенных нарушений. Иначе наказание не будет соразмерным и справедливым. Заинтересованные же лица могли попробовать снять «Зеленых» в суде самостоятельно.

На Вашем веку и памяти сколько представителей избирательных комиссий ловили, что называется, за руку, когда они участвовали в чем-то… нехорошем, скажем так?

А получите грамоту!

– Ловили. За нарушения закона лишились своих должностей несколько председателей территориальных избирательных комиссий, Иркутского и Черемховского района, например. Однако я считаю, что можно было больше поймать.

На недавних выборах в Черемхово, в 15-м округе, где фаворит неожиданно проиграл, да еще со скандалом, там Вам, например, понятно, что произошло? И откуда взялись «мертвые души» да еще с лишними бюллетенями?

– Я не вхожу во временную избирательную комиссию, поэтому могу судить о противостоянии только на стадии судебного разбирательства. Мне кажется, что при всей пафосности заявлений представителей Г.С.Франтенко и шероховатости оспоренных решений окружной избирательной комиссии № 15 ничего этот суд не изменит: слабая у заявителей правовая позиция.

Оговорюсь здесь, что все еще может измениться: по делу предстоит кассационное разбирательство в Верховном суде. Но это будет совсем другая история.

О черном пиаре хочу замолвить слово… Его в принципе можно победить? И вы, члены облизбиркома, пробовали победить?

– Во-первых, законодательство ужесточилось: могут в экстремисты записать со всеми вытекающими уголовно-правовыми последствиями. Во-вторых, выборы по партийным спискам частично решают эту проблему. Партию ведь нельзя сфотографировать голой в бане: нет конкретного тела. В-третьих, избиратели уже не реагируют: надоело. А вообще, черный пиар должны победить в себе политики. Они все это дерьмо оплачивают.

Да ну! Правда? А фамилии?

– Не скажу. Вдруг кого-то забуду. Обидятся.

Если не секрет, Иркутский облизбирком как выглядит по сравнению с другими регионами?

– Я много езжу по стране, общаюсь с коллегами по профессии, с политиками. Убежден в том, что избирательная комиссия Иркутской области самая грамотная в правовом отношении. Везде пользуются нашими методическими рекомендациями, берут за основу нашу правоприменительную практику, опыт судебных процессов. Личность председателя комиссии, как лидера иркутской школы юристов по избирательному праву, здесь трудно переоценить.

Личность председателя облизбиркома – это момент скорее технический или политический?

– В период перемен и потрясений эта работа требовала мужества и неординарного мышления. Времена меняются. Законодательство и практика правоприменения стабилизируется. На должности председателя облизиркома должен быть человек, не зависимый от расклада политических сил в области, твердый и хорошо знающий закон. Государственным деятелем сегодня ему быть не обязательно. Я считаю, что Виктор Васильевич Игнатенко отлично выполнил роль создателя избирательной системы Иркутской области.

Вы говорили о разочаровании, связанном с работой в качестве члена облизбиркома. А о том, что понравилось Вам больше всего, можете сказать?

– Да! Я рад, что судьба свела меня с этими людьми, коллегами. Это прекрасные и ответственные люди. Я многому научился с профессиональной точки зрения. Словом, это были прекрасные годы...

Спрашивал Андрей **Старовер**

Дерево камень

ГАЛЕРЕЯ ПОГИБШИХ ПАМЯТНИКОВ

Иркутск безнадежно устарел – это печальная правда. Был когда-то крупным административным центром, серединой земли, превратился в заштатный, средненький городок. Что же нам делать со своей историей? Забыть? Выжечь из памяти? Или сберечь? Передать потомкам? Деревянные памятники спустя полтора-два века с момента постройки превратились в камень. Камень преткновения в вопросе отношения иркутян к собственной истории. По большому счету можно было бы переформулировать проблему, вместо «Сносить или не сносить?», скажем, так: «Интересны мы сами себе или не интересны?». «Что это меняет?» – спросите вы, и я отвечу: «Наше отношение». Я уже около двух лет собираю фотоархив старинных иркутских усадеб и домов. Иногда мои снимки оказываются их последними прижизненными изображениями. Представляю вашему вниманию эту своеобразную галерею.

Жилой дом Богдановой (ул. Богдана Хмельницкого, 9а)

Этот дом можно было смело отнести к тем постройкам, что формировали неповторимый облик Иркутска. Когда-то здесь располагалась знаменитая гостиница «Париж» (позже переименованная в «Европу»). В ней не брезговали останавливаться крупные купцы и госчиновники из Москвы, гостиница считалась достаточно фешенебельной для своего времени. Во времена Гражданской войны здесь располагалось министерство труда правительства Александра Колчака. После окончательной победы революции из гостиницы сделали столовую, а затем коммунальные квартиры.

Недавно дом снесли, сейчас на его месте идет строительство.

Дом Шубиных (ул. Лапина, 23)

Единственный за Уралом пример деревянной городской усадьбы XVIII века. Дом сложен из бревен по технологии «в обло» и по сути повто-

ряет собой крестьянскую избу. Именно так основательно, надежно и без всяких «украшательств» строили в Иркутске на рубеже XVIII-IX веков. Дом, уцелевший во время пожара 1879 года, в новейшей истории горел несколько раз, а в этом году сгорел, похоже, окончательно.

Усадьба XIX века (ул. Володарского, 2)

Этот дом украшали наличники в барочном стиле – слава иркутской деревянной архитектуры. Что поразительно: изящные наличники находились в удивительной сохранности. В европейской части России что-то подобное лепили из глины, а в Иркутске резали из цельного куска дерева. Барочный наличник состоял из цветочного букета (в центре) и завитков (т.н. валюток) по краям. Специалисты утверждают, что в Иркутске нет домов с одинаковыми барочными наличниками.

Переговоры о переносе усадьбы в музей деревянного зодчества «Тальцы» решался несколько лет, а когда историки, наконец, преодолели все бюрократические преграды, дом сгорел. Произошло это днем у всех на глазах. Три наличника удалось спасти, остальные пропали в огне.

Деревянный особняк 1890-х годов, спроектированный, предположительно, архитектором В.А. Рассушиным. (ул. Володарского, 3)

Архитектор Владимир Рассушин, спроектировавший здание Первого общественного собрания (сейчас филиал ТЮЗа, напротив дворца спорта «Труд»), владел двумя иркутскими усадьбами. Одна из них, та, что стоит на улице Бабушкина, так же как и дом на Володарского, выполнена в стиле модерн. И внешне они друг на друга похожи. По некоторым данным, в усадьбе жил брат архитектора. Дом № 3 по улице Володарского был выведен из разряда памятников и снесен. Сейчас на его месте ведется строительство.

Этот дом остался только на фотографии

Усадьба Середкина: особняк и доходный дом (ул. Сурикова, 9)

Трудно поверить в то, что когда-то это был шикарнейший дом с полным набором объемно-композиционных приемов, характерных для иркутской усадьбы второй половины XIX века. Это и крыльцо с навесом на выкружках, и двухъярусный прируб стен, и те же барочные наличники. С 1992 года памятник находится в заброшенном состоянии. Он давно лишился барочных наличников, а местные жители сделали специальный пропил под оконным проемом, чтобы удобнее было выбрасывать мусор.

По неофициальным данным, за последний год в Иркутске утрачено 60 памятников деревянной архитектуры. Очень многие люди считают, что это деревяшки, это гниль, это рухлядь, это псевдопамятники. И на Центр сохранения наследия давят в том смысле, что большинство этих памятников надо снять с учета, чтобы их можно было снести. А на освободившемся месте построить развлекательные центры, офисные здания, жилые дома, т.е. дать городу возможность развиваться. По генплану предусмотрено создание Декабристского квартала, который вот уже сорок лет как развивается и никак развиться не может. Это сейчас заповедные у нас улицы Грязнова, Киевская. Но на той же Киевской мы видим ситуацию, когда ее исторический облик изменен практически до неузнаваемости, старинные дома либо снесены, либо попросту теряются на фоне современных зданий. И при этом ее объявляют заповедной. Учитывая отношение к памятникам деревянного зодчества властей, строителей, да и самих иркутян, считаю, что в Иркутске имеет место геноцид деревянной архитектуры.

Александр **Исаев**, историк, археолог

Откуда берутся «псевдопамятники»?

Следующие дома кто-то когда-то счел возможным внести в различные реестры. И сегодня они являются либо памятниками федерального значения, либо местного, либо так называемыми «выявленными», т.е. теми, чья художественная или историческая ценность официально не подтверждена, но и не опровергнута. Ни те ни другие по закону нельзя снести или перенести на другое место. Некоторые специалисты полагают, что сохранять эти памятники по большому счету бессмысленно, т. к. они не формируют архитектурную среду, а их собственных художественных и исторических особенностей недостаточно для определения как памятников. Судите сами.

Свердлова, 19

Дом, в котором в начале XX века располагалась подпольная типография РСДРП. Известно, что эта типография активно «кочевала» по городу. И подобных памятников в Иркутске можно «наскрести» примерно с десяток. В советское время значение их не подвергалось сомнению. Пришли новые времена, и эти памятники стали никому не нужны. Понизилась ли от этого их ценность?

Горького, 11

Этот дом попал в список «выявленных», видимо, из-за своих архитектурных особенностей. Кому-то они показались любопытными, не все с этим соглашаются. Но на вкус и цвет, как говорится...

Дзержинского, 58

Говорят, этот дом записали в памятники по ошибке. Якобы там собиралось польское национальное общество «Огниво». Поздние исследования показали, что члены польского общества на самом деле собирались в соседнем доме, которого давно уже нет.

Терешковой, 18

Этот барак образца конца XIX – начала XX веков, как и соседний (ул. Терешковой, 16), записали в «выявленные» как часть типичной застройки Кругобайкальского тракта. Возможно, это важная часть истории, свидетельство того, как жили люди когда-то. Но нужны ли нам памятники-бараки?

Конечно, грань между памятником и непамятником достаточно тонка. Но даже трудностями выбора сложно объяснить ту логику, согласно которой несомненно значимые памятники в Иркутске уничтожаются, а дома, художественная и историческая ценность которых под большим вопросом, стоят.

Пытался разобраться **Глеб Суржиков**

Нет ничего лучше персональной ответственности! И мы решили взвалить эту ответственность на того, кто… захотел, чтобы мы ее взвалили. На профессора Иркутского госуниверситета и одного из старейшин нашего журналистского цеха Виталия Зоркина, который вызвался вести рубрику исторических очерков. Виталий Иннокентьевич давно известен как зоркий исследователь истории региона и страны, как зоркий и удачливый охотник за всем интересным, что происходило в культурной, социальной и экономической жизни. И, конечно же, во власти. Первый его очерк как раз о человеке, достигшем властных вершин.

Из каторжников – в премьеры

Фото: Дом Фотографа, г. Иркутск

«На звездное небо и человеческие лица нельзя наглядеться. Смотришь – все уже видано-перевидано, а незнакомо, известно, а ново. Лицо – это цветок на стебле, который зовется человеком. С тех пор, как я помню себя, человеческие лица для меня – самая яркая и притягательная часть окружающего мира ...»

Трудно сказать, почему вдруг эта фраза югославского писателя, лауреата Нобелевской премии Иво Андрича вдруг всплыла в моей памяти именно тогда, когда я пришел в московскую квартиру на улицу Чайковского, чтобы познакомиться с Петром Михайловичем Никифоровым, легендарным человеком – бывшим каторжником Александровского централа, а затем премьер-министром. Правда, премьер-министром так называемой ДВР – буферного государства Дальневосточная Республика, созданного по инициативе Ленина в 1920 г.

Перед приходом к Петру Михайловичу я был в гостях у старой большевички Марии Михайловны Сахъяновой, и она с гордостью рассказала мне, что была первой буряткой, увидевшей Ленина. С Сахьяновой мы беседовали долго. Она мне рассказывала о тревожных днях Иркутска в декабре 1917 года, о том, как на четвертый день осады Белого дома юнкерами они вместе с Ольгой Иогансон под видом сестер Красного Креста сумели пробраться сквозь кольцо осады и доставить осажденным патроны, продукты и медикаменты.

Я тогда собирал материал об уроженце Забайкалья, соратнике Блюхера и Постышева, одном из участников разработки плана Волочаевской операции, а впоследствии Генеральном консуле СССР Борисе Николаевиче Мельникове. Сахьянова отправила меня к Никифорову, сказав, что он хорошо знал Мельникова по событиям в Приморье. Более того, она сообщила, что Никифоров сидел вместе с ним во Владивостокской тюрьме, где они сумели издать два рукописных номера журнала под названием «Из плена». Я и пошел к Никифорову – в надежде увидать эти журналы.

1903 год. Матрос яхты «Полярная звезда»

И когда высокий пожилой человек открыл мне дверь и протянул обе руки (Сахьянова ему уже позвонила), первое, что я увидел: из-под густых седоватых бровей смотрели на меня удивительно пронзительные молодые глаза. Потом мы заговорили о Мельникове. Я рассказал, что написал документальную повесть о нем, которую опубликовал в районной газете на родине Бориса Николаевича, разыскал его жену и боевых соратников по Гражданской войне Щапова и Кликунова. Участник двух революций оживился, вспоминая былые годы, и о себе стал рассказывать тоже.

– Я родился в селе Оек. А первые мои воспоминания связаны с Якутским трактом, по которому постоянно проходили партии ссыльных. Мы, ребятишки, узнав, что к селу приближаются арестанты, стайкой выбегали им навстречу, неся в узелках угощения, туески с молоком или квасом. Семья была большая и жила в нужде…

Петра Никифорова отец вскоре отвез в город Иркутск, где тот работал по 12 часов в день на лесозаводе. Однажды, утомленный, заснул на рабочем месте, а тут, как назло, авария и пожар. Пришлось искать новое место, стал ночным сторожем и истопником. А в год, когда вся прогрессивная Россия отмечала столетие со дня рождения Пушкина, Петя Никифоров вместо изучения в школе стихов и сказок поэта мерил бесконечные сибирские версты – участвовал в экспедиции по прокладке второго телеграфного провода от Киренска до Витима.

Я видел у Никифорова фотографию тех лет – из тайги он вернулся окрепший, возмужавший. И опять работа, работа. А скоро товарищи пригласили его на занятия политкружка.

> *«Мы, ребятишки, узнав, что к селу приближаются арестанты, стайкой выбегали им навстречу, неся в узелках гощения, туески с молоком или квасом. Хотя и у нас семья была большая и жила в нужде…»*

> *«Следует по-мужски принимать на себя груз, который взваливает на нас Сегодня, и терпеливо переносить любые его капризы и жестокости».*

В книге «Муравьи революции» Петр Михайлович вспоминает: «Это было в 1901 году. Недели через две мы опять собрались. Руководитель кружка говорил о Союзе борьбы за освобождение рабочего класса, о его отличии от группы «Освобождение труда». Здесь я впервые услышал о Ленине, Плеханове, о социал-демократической газете «Искра».

– **Я помню,** – рассказывал Петр Михайлович, – **на одном из занятий мы читали письмо Союза борьбы за освобождение рабочего класса, адресованное путиловским рабочим. Веришь – не веришь, прошло семьдесят лет с той поры, а я как сейчас помню!**

Вытащив из письменного стола толстую тетрадь, он подержал ее в руках некоторое время, как будто взвешивая, и неожиданно спросил:

– **Небось, не догадываешься, что это такое? Это мои тюремные университеты.**

На титульном листе я прочел: «1912-1917 гг. Тетрадь учебных занятий по философии и математике в Александровском каторжном централе». Мелкий, почти бисерный, но четкий почерк. Знакомые фамилии: Жан-Жак Руссо, Беркли, Декарт, Спиноза, Фейербах. Записи по политэкономии, истории рабочего движения, вопросы о расслоении крестьянства, о судьбах капитализма в России...

Словно угадав мои мысли, Петр Михайлович заметил лукаво:

– **Знаю-знаю. Думаешь, зачем в тюрьме эта премудрость? А зачем приговоренный к смертной казни Котовский гимнастикой занимался? Я об этом от Маяковского узнал уже после Октября и подивился, но сам-то недалек от него был, мне ведь тоже смертная казнь полагалась... Так вот, мил друг, овладевая классической философией, я как бы поднимался на высокую гору. Не скажу, что сразу во всем разобрался. Это все равно что на Эверест карабкаться! Вот скажи-ка мне, сколько Маркс использовал работ при написании «Капитала»? То-то же. Не каждый ученый это знает. А мы в тюрьме высчитали, что лишь в первом томе Маркс ссылается на 800 источников: книг, брошюр, журнальных и газетных статей, официальных и других публикаций.**

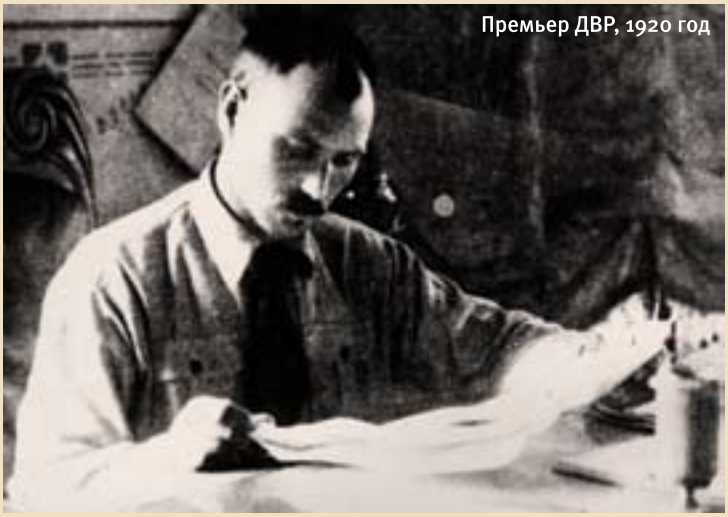
Но в тюрьме не только учились. Политзаключенные, оторванные от практической работы, стремились как-то выразить свои переживания и настроения, и многие из них брались за перо. Вот что писал Петр Михайлович Никифоров, член коммунистической партии с 1904 года:

«Был у нас в 14-й камере свой летописец Третьяков Сергей... Изо дня в день вписывал он в свои объемистые тетради все события, происходившие как в нашей камере, так и в жизни всего Александровского централа».

Как жалею теперь, что во время нашей встречи с Никифоровым в 1971 году я не расспросил его подробнее о судьбе товарищей по камере! А ведь где-то в семейных или иных архивах пылятся поденные записи Сергея Третьякова, летописца Александровского централа. Сколько интересного, познавательного может быть в этих записях!

Зато Петр Михайлович рассказал мне о своем политическом образовании и о первой стачке, которую он организовал вместе с кочегаром М.Бруем на водочном заводе, находившемся в Знаменском предместье, и которая закончилась победой бастующих, о многом другом... Город жил, и жизнь его не замирала ни на минуту! С одной стороны, на углах улиц вереницей выстраивались извозчики на черных лакированных пролетках, фонарщики вечером заправляли уличные фонари, а

С женой Клавдией и дочерью


Премьер ДВР, 1920 год

разодетые граждане отправлялись в зал общественного собрания или в театр, где модницы спорили о последних парижских моделях. С другой стороны, шло активное революционное противоборство: нелегальные собрания и встречи, слежка и аресты.

Краеведы уже установили местонахождение подпольной типографии, которая тайно работала на революцию. Нашли усадьбу в Маратовском предместье, на бывшей Большой Пономаревской улице, где хранился склад орудий Иркутской боевой дружины РСДРП. И может быть, именно здесь хранилось оружие, которое добывал Никифоров, будучи боевиком Иркутской военной организации.

Но в 1904-м Никифорова призвали в армию, и не куда-нибудь, а в Петербург, где довелось ему служить на императорской яхте «Полярная звезда»! И сейчас я ругаю себя за то, что не поинтересовался его впечатлениями от работы рядом с царской семьей – тогда мне не это казалось главным, хотя такая информация могла добавить красок к портрету нашего героя. Дальше все развивалось стремительно. В годы столыпинской реакции он уже вел революционную работу в Крымском подполье, в Керчи – под разными псевдонимами и фамилиями, в августе 1910 года был арестован, посажен в камеру-одиночку Иркутского тюремного замка. Скоро ему вручили обвинительный акт, в котором указывалось, что он предается военному суду по статье № 279, влекущей за собой смертную казнь.

– **Было состояние не то растерянности, не то какой-то пустоты, но страха не было,** – говорил он мне. – **Наверное, я бы так и на смерть пошел – без страха. Хотелось походить на какого-то литературного героя. Кажется, на Овода!**

Немало мнительных и тревожных часов провел в раздумье Петр Никифоров, пока не узнал, что смертная казнь заменена длительным сроком каторги. А после Февральской революции он вышел на свободу и очень быстро стал заместителем председателя Владивостокского совета, членом Дальневосточного краевого бюро РСДРП (б). А потом – два года – сидит в белогвардейских тюрьмах.

«Следует по-мужски принимать на себя груз, который взваливает на нас Сегодня, и терпеливо переносить любые его капризы и жестокости, однако мысленно мы должны быть обращены к пространствам, где нас ожидает Завтра. От него следует ожидать всего, на него возлагать надежды и твердо верить, что оно будет лучше...» Петр Михайлович и не пытался объяснить себе, почему именно эта фраза, вычитанная бог весть где и когда, вдруг вспомнилась в этот памятный день 3 марта 1917 года. Может быть, потому, что сегодня он еще был в тюрьме, а завтра его ожидала свобода. Да, от завтра он ожидал всего... И вот оно наступило, это завтра: «Я мчался в поезде на восток по берегу Байкала. Глядел в окно на его крутые волны и думал: смотришь, старый, куда это я так бешено мчусь: далеко, старик, далеко, на борьбу за власть советов!» Так заканчивалась книга «Муравьи революции», и так начиналась новая страница биографии Петра Михайловича, о которой мне хочется немного рассказать. Но вначале несколько слов об обстановке на Дальнем Востоке. «Я приехал из

> ***В исторических архивах сохранился любопытный документ – географическая карта с надписью: «предполагаемые границы России». На ней были нанесены границы, разделявшие страну на большие области, каждая из которых была бы экономически обособленной, но не была бы достаточно сильной для образования самостоятельного государства.***

Иркутска в последних числах апреля (старого стиля) и поступил электромонтером во Временные мастерские и одновременно выполнял обязанности одного из редакторов и сотрудников газеты «Красное знамя». Таким образом, на мою долю выпало редактирование первой на Дальнем Востоке большевистской газеты.

Первого мая 1917 года вышел первый номер...» Первомай надолго запомнился Никифорову.

...В первомайской демонстрации во Владивостоке вместе с П. Никифоровым, А.Нейбутом, К. Сухановым приняло участие более 40 тысяч человек. Эта была первая легальная демонстрация в жизни Петра Никифорова. Был солнечный, ясный день. Народ ликовал. Демонстранты пели революционные песни, играл духовой оркестр, развевались красные знамена с пролетарскими лозунгами. В театре «Золотой рог» с докладом о задачах революции перед собравшимися выступил Володарский. Он владел исключительным даром речи. Доклад закончился бурной овацией. А 29 августа 1917 года во Владивостоке состоялось заседание исполкома городского Совета, которое постановило взять на себя всю полноту власти. Вместо эсера Михайлова председателем исполкома избран большевик А.П. Алютин, а его заместителями К.А. Суханов и П.М. Никифоров. Никифоров возглавил областной Совет рабочего контроля, а его вчерашний соузник по четырнадцатой камере Леонид Иванович Проминский был назначен председателем комиссии по борьбе с бандитизмом. 26 апреля 1918 г. был учрежден революционный штаб, которым руководил П. Никифоров. Историк А.Д. Самойлов считает Петра Михайловича видным организатором Красной гвардии и Красной армии на Дальнем Востоке.

> ***Ленин сказал: «Главное – не допустить войны с Японией. Имейте в виду: мы не можем дать вам солдат, денег тоже для вас нет, хлеба нет, поэтому обходитесь своими средствами. Вам придется действовать не столько оружием, сколько головою».***

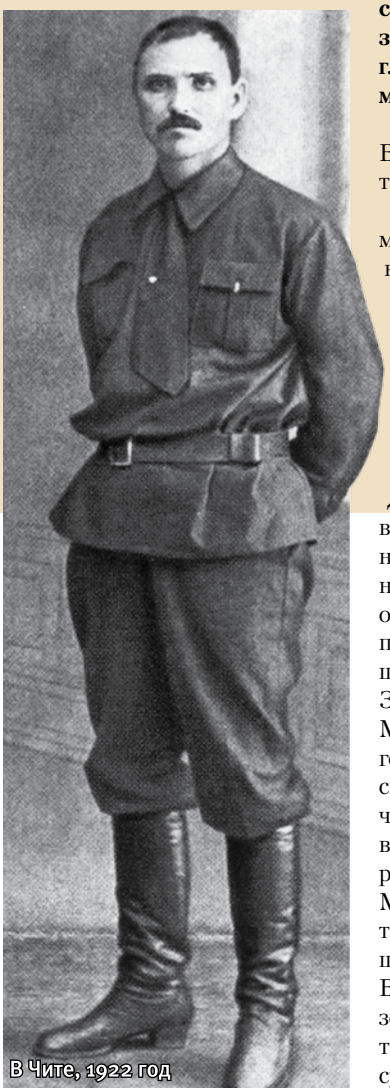
Но это был только один аспект его деятельности. Был и другой. Внутренняя и иностранная контрреволюция пыталась голодом задушить Приморье. Иностранные пароходы перестали заходить во Владивостокский порт. Сельскохозяйственные продукты из Маньчжурии стали вывозить через Порт-Артур. Лишь японские суда заходили в наши порты. Эта своеобразная блокада вызвала простой и безработицу почти шести тысяч грузчиков порта. Сократились работы в мастерских порта. Резко поднялись цены на хлеб. В мае 1918 г. в Мурманский порт на севере России вошел американский крейсер «Олимпия», а в августе во Владивостоке высадился американский военный десант. Интервенция была объявлена «актом доброй воли». Ее организаторы заявили, что они пришли в Россию, чтобы, «наведя там порядок, спасти страну от анархии и разрушения». В действительности цели были совсем не миротворческие. Экспедиционные силы США и других западных держав должны были превратить обширную территорию России в заповедное поле для обогащения. В исторических архивах сохранился любопытный документ – географическая карта. Надпись на ней была такова: «предполагаемые границы России». На ней были нанесены границы, разделявшие страну на большие области, каждая из которых была бы экономически обособленной, но не была бы достаточно сильной для образования самостоятельного государства. Сохранились документы, свидетельствующие о том, как интервенты наводили «спокойствие и порядок» в оккупирован-

ных районах. Американец Ральф Альбертсон в книге «Военные действия без войны» писал: «Мы применяли против большевиков химические снаряды. Уходя из деревень, мы устанавливали там все подрывные ловушки, которые только могли придумать. Один раз мы расстреляли более 30 пленных...»

А вот свидетельство генерала Уильяма Грэвса, возглавлявшего в 1918-20 гг. американские экспедиционные силы в Сибири: «Жестокости были такого рода, что они, несомненно, будут вспоминаться и пересказываться среди русского народа через 50 лет после их свершения, – признавался Грэвс впоследствии. – Уничтожались крестьянские хозяйства и посевы. Были разграблены Владивостокский торговый порт и Дальневосточное морское пароходство. Национальные богатства страны – уголь, золото, свинец, пушнину – вывозили в трюмах американских транспортов». Но ведь, кроме американцев, были еще японцы. В разгар интервенции по советскому Приморью было разбросано 72 тысячи японских солдат – в три с лишним раза больше, чем оккупантов из США, Англии, Франции и других стран, вместе взятых. В такой обстановке пришлось работать П.М. Никифорову в Приморье.

В такой обстановке 18 февраля 1920 года ЦК РКП(б) и Советское правительство приняли решение временно воздержаться от советизации Дальнего Востока и на территории от Байкала до Тихого океана образовать буферную Дальневосточную Республику, ДВР. Одновременно было дано указание о прекращении наступления Красной армии за Байкалом.

Дальбюро, руководимое П.М. Никифоровым, проявило невероятную гибкость – а нельзя было по-другому. И 4 января 1921 года Никифоров встретился с В.И. Лениным. На пленуме ЦК стоял вопрос о Дальневосточной Республике. К этому времени Никифоров стал председателем Совета Министров этой республики. Он был одним из тех, кто отвечал за всю ту политику, которая проводилась в последние годы на Дальнем Востоке. Создавая «буфер», ему приходилось вести борьбу как с антибуферщиками, так и с теми, кто пытался превратить «буфер» в самостоятельное буржуазно-демократическое государство. Пётр Никифоров шел на пленум ЦК как на самый ответственный экзамен в своей жизни.


В Чите, 1922 год

– Я собирался сделать большой доклад, – вспоминал Никифоров, – хотел обо всем сказать Ильичу. И приготовил тезисы доклада. Судя по ним, мне не меньше полчаса надо было. А Ленин мне всего десять минут дал. Я даже несколько растерялся. Думаю, что же я за десять минут скажу? Собрался с мыслями и сказал, почему в нынешней обстановке надо обязательно сохранить «буфер». Это в интересах Советской России. После этого Ленин стал мне задавать вопросы и все самое главное из меня этими вопросами выспросил.

Перед отъездом на Дальний Восток Никифоров снова встретился с Лениным.

«Главное, – сказал Владимир Ильич, – не допустить войны с Японией. Имейте в виду: мы не можем дать вам солдат, денег тоже для вас нет, хлеба нет, поэтому обходитесь своими средствами. Вам придется действовать не столько оружием, сколько головою».

Так Никифоров и поступил. Два года пробыл Пётр Михайлович председателем Совета Министров ДВР. После присоединения Дальнего Востока к РСФСР он был отозван в Москву. Ему поручили заведовать хранилищем государственных ценностей. Затем он был нашим полпредом в Монголии, работал в органах торговли, был заместителем наркома снабжения РСФСР. В годы Отечественной войны служил в разведке. О жизни П.М. Никифорова рассказывают экспозиции музеев Москвы, Ленинграда, Кронштадта, Севастополя, Владивостока и школьный музей села Хомутово. В экспозиции Хомутовского музея более 300 экспонатов, повествующих об интересной и яркой судьбе нашего земляка.

Мужчина и женщина - вечный союз и вечное противостояние. Времена и нравы вносят только незначительные коррективы в эти константы. Мать и отец для ребёнка – это целое. Но иногда приходится выбирать…

Одинокие отцы – лохи или орлы?

История вопроса

Шуточная фраза из кинофильма «Приключения Шурика» о том, что один из героев «готовится стать отцом» и поэтому не уступает беременной женщине место в троллейбусе, в свете последнего времени выглядит не так уж смешно. Мужчины-отцы все громче и все яростней заявляют о своих, отцовских, правах, практически на равных конкурируя в этом вопросе с женщинами. Впрочем, о том, чтобы самостоятельно вынашивать детей, речь пока не идет... ну, а во всем остальном, как говорится, «извините, подвиньтесь, дорогие женщины!».

Движение за права отцов родственно американскому движению за «освобождение мужчин». От кого? – спросит, возможно, иная въедливая читательница. – Да ни от кого, а от чего. А именно от бытующих в обществе стереотипов о том, что должен делать и как себя вести «настоящий мужчина». В преодолении оных видели свою социальную миссию, например, такие американские писатели, как Уоррен Фаррелл, Марк Фейген Фасто, Роберт Брэннон и другие. Главный источник всех мужских проблем и трудностей они видели в ограниченности мужской половой роли и соответствующей ей психологии, доказывая, что от сексистских (по-русски половых, не путать с таксистскими и сионистскими) стереотипов страдают не только женщины, но и сами мужчины. Как пишет известный сексолог Игорь Кон, по своему характеру типичные члены освободительного движения – это **«…"мягкие" мужчины, чей телесный и психический облик порой не отвечает стереотипному образу "настоящего мужчины" – сильного и агрессивного мачо. Их интерес к мужским проблемам часто стимулируется личными трудностями (отсутствие отца, непопулярность среди мальчиков в классе, неудачный брак, трудности отцовства и т.п.) Для многих из этих мужчин общественно-политическая деятельность психологически компенсаторна»**. Борясь за возможность «свободно плакать» и проявлять другие слабости, участники движения за мужские свободы были далеки от конфронтации с женщинами, более того – они дружили с феминистками и не имели ничего против геев.

Антисексистская идиллия была нарушена с появлением «Движения за права мужчин». Разница в названии, казалось бы, незначительная. Ну, а по сути «свободные» мужчины, совсем не то что «уравноправленные». Более того, последние могли и по мордам надавать тем, кто потакал феминизму. Дело в том, что идеологи «Движения за права мужчин» сильно не любили феминизм и в растущем влиянии женщин видели серьезную угрозу обществу. В общем, участники движения за мужское равноправие первыми и догадались публично упрекнуть государство в том, что после развода в большинстве случаев дети остаются с матерями. «Движение за права мужчин» достаточно консервативно и находит свои идеалы в

патриархатном прошлом (ну, т.е. в благословенном в царстве, созданном мужиками, и для мужиков). Можно было бы назвать их воплощением прежнего идеала «сильного мужчины», если бы не одно НО. Жертва не может быть сильной, она по определению слаба, тем более жертва феминизма. Возникает нетривиальный вопрос: наши, местные одинокие отцы – слабаки или все-таки супермужики (по аналогии с «суперженщинами», которые и на работу ходят, и детей воспитывают), лохи или орлы?

Ответ феминисток

Как мы уже сказали, западные феминистки когда-то неплохо уживались с участниками движения за «освобождение мужчин». Антисексистская идиллия позволяла женщинам быть лояльными по отношению к мужчинам-отцам. Некоторые из них откровенно восторгались мужчинами, которые посещали акушерские курсы и оставались дома с детьми. Как, например, Летти Коттин Погребин, редактор и основатель журнала «Мисс». Но с появлением мужчин, обвинявших феминисток во всех смертных грехах («Движение за права мужчин»), в том числе в моральном разложении общества, феминизм перешел, по словам феминистки Кэтти Янг, от концепции «обновленного папы» к «плохому папе» – доминирующему патриарху, чудовищу, которое бьет и насилует своих детей. Произошло это в 90-х годах прошлого столетия.

Именно тогда Нэнси Поликофф, бывший консультант Фонда легальной защиты женщин и профессор права одного из американских университетов, заявила: «Не является трагедией ни в национальном масштабе, ни в масштабе отдельной семьи, когда дети воспитываются без отцов», а некто Сьюзан Фалуди констатировала с восторгом, что общественное одобрение материнства вне брака ведет к тому, что «биологический отец все более оказывается ни при чем» в вопросах воспитания детей. Ох уж эти американские женщины, сексизм их побери!

Иркутянка Альбина Широбокова, президент Байкальского регионального союза женщин «Ангара», уже более десяти лет учит представительниц слабого пола (да простят меня феминистки!) бороться за свои права. Одна из центральных тем в работе ее организации – насилие в семье. Однако пока что Альбина Анатольевна не спешит равнять всех мужчин под одну гребенку:

– Я лично не сторонник того, что ребенка однозначно всегда нужно отдавать матери. Бывают ситуации, когда лучше отдавать отцу. Нередко отец может быть более ответственным, чем мать, если есть различного рода проблемы. Когда речь идёт о разумном решении в пользу ребенка, пол родителя не играет решающей роли.

Альбина Широбокова подчеркивает, что она всегда стояла на позициях равенства мужчин и женщин во всех жизненных сферах. Однако в области борьбы за равноправие иркутским женщинам все еще нет равных в мужской среде. В иркутской Ассоциации одиноких отцов всего-то около двадцати семей, при этом союз «Ангара» объединяет более двадцати женских инициативных групп в Байкальском регионе и сотрудничает со многими организациями российского и международного женского движения. Может быть, именно поэтому местные феминистки так лояльно относятся к мужчинам, борющимся за свои права. Мол, боритесь-боритесь, а если что, мы все равно вас числом задавим. И ведь могут задавить. Впрочем, это всего лишь наши домыслы.

Если в Америке «заигрывание с отцовством» прекратилось в силу политических причин, просто феминисткам на определенном этапе нужно было сохранить движение в его радикальном виде, то в России, и тем более в Иркутской области, такого политического фактора пока еще нет. И вряд ли будет. А значит, вопросы в отношениях между мужчинами и женщинами решаются с позиции быта, семьи. Что, в общем-то, вполне логично.

Людмила Свистунова часто сталкивается с семейными проблемами. Так уж выходит... И дело даже

не в феминистских взглядах. Просто она – психолог. Как многие русские женщины, Людмила Петровна считает, что современные мужчины нуждаются жалости. А чем ещё женщина может помочь?

– В последнее время я очень жалею современных русских мужчин. Особенно сибиряков. Потому что средняя продолжительность жизни у них очень сильно уменьшилась. Их трагедия в том, что они, подчиняясь объективным и субъективным законам и предпосылкам, выбрали стратегией своей жизни уход. Уход из семьи, из отношений, из профессии, из жизни. Так им, наверное, проще.

По мнению Людмилы Свистуновой, мужчины гораздо сильнее переживают неполадки в семье, разводы. Стало быть, одинокий отец, ставший таковым в результате развода (статистика утверждает, что из 300 000 неполных «отцовских» семей в России 40% разведенных), практически переживает двойной удар судьбы. Тут уж, как говорится, пан или пропал, либо орел, либо лох!

О мужских слабостях и тяготах мужского существования Людмила Петровна знает немало. Но и она не может однозначно сказать, на каких позициях будет строиться русское мужское «освободительное» движение в ближайшем будущем:

– Сейчас идет очень мощный слом парадигмы. И Россию испытывают сильнее, чем кого-либо. Америка, Европа уже пришли к определенным берегам отношений. А у России сила мужчин поменялась на слабость в некотором плане. А слабость женская стала силой. Идет борьба.

Пока идет борьба, можно ожидать чего угодно. В том числе и выступлений в духе «жертв феминизма», иначе говоря, выкриков не вполне самодостаточных мужчин. Но тьфу-тьфу-тьфу, постучим по дереву.

Самоидентификация

Константин Моляров, председатель ангарского Совета отцов, едва ли назовет своим идеалом человека, который борется за право быть слабым. Скорее, его идеал – это бесстрашный, решительный, ответственный за свою страну и за свою семью мужчина. С кем только Константин не боролся: и с чеченскими бандитами, и с нечистыми на руку чиновниками, а вот с феминистками как-то не сложилось. Более того, по его словам, он их не разу не видел так, чтоб живьем. Однако если б увидел, наверняка, не растерялся бы и нашел нужные слова:

– Уверен на сто процентов, если в жизни такой женщины – «феминистки» – появится достойный мужчина, сильный, умный, заботливый, красивый, так называемый феминизм смоет очень быстро.

Смоет-то смоет, только вот мужчин в России и так мало, а уж сильных, умных, заботливых и того меньше. А если и найдется на голову иной феминистки такой «подарок», то ведь она его и зажалеть до смерти может. Наши, русские, феминистки, они ведь особые. Так что подобное разрешение мужеженского вопроса в России лично мне кажется утопией. Зато мне нравится, как Константин Моляров говорит об одиноких отцах:

– Одинокий отец для меня – однозначно герой. Это человек, принимающий всю ответственность за детей, понимающий, что другая женщина – не мать и никогда не сможет любить и воспитывать его детей как своих, какой бы замечательной она ни была. Если бы, не дай Бог, что-то случилось с моей женой, я никогда бы не доверил чужой женщине воспитывать своих детей. Другой мамы у них не было бы. Для прогулок и элементарного присмотра можно нанять няню, для обучения – репетитора. Но мать не заменит никто. И здесь просто перед мужчиной встает дилемма: кого он больше любит. Если себя – тогда он ищет новую жену. Если детей – будет их воспитывать сам. Хотя бы до 18 лет, когда они встанут на ноги. А потом уже займется устройством собственной жизни.

И все-таки хочется верить в то, что в деле воспитания новых поколений большее внимание будет уделяться все-таки детям, а не амбициям родителей. А понятие о геройстве пусть будет у каждого свое.

Докапывался до истины
Артём **Световостоков**

ДОМ ФОТОГРАФА
РЕКЛАМНАЯ ФОТОГРАФИЯ
(3952) 65-60-67
(3952) 207-201

иркутский интернет-портал
babr.ru

БАБР
настроение твоего города!

Человек рождён для счастья как птица для полёта, сказал классик, и мы ему поверили. Гоняемся теперь за этим счастьем, ищем его, а оно ускользает. Вот вроде только что было – и нет уже, испарилось. А у кого-то и не было даже. И тогда зачем всё это: вставать каждое утро, идти на работу или не идти; растить детей, винить их в неблагодарности, или не растить и не винить, но всё равно жить – и не быть счастливыми? Бессмыслица какая-то! Лучшие умы человечества бьются над этой бессмыслицей не одно тысячелетие. А между тем ведь практика – лучший критерий истины, как говаривал дедушка Ленин. Живут среди нас и счастливые люди, а значит, счастье всё-таки есть!

Счастье – быть вечным

фото Александра Новикова

Вот, например, Василий Тушкин. Лингвист, переводчик, магистр философии, востоковед-теолог и... счастливый человек. Василий прилетел в Иркутск из Владивостока, чтобы прочитать желающим курс лекций по ведической культуре, и согласился ответить на наши вопросы.

Как Вы считаете, почему люди всегда бегали и бегают за счастьем, а поймать, обрести его, почувствовать большинство из нас не может?

– Мой личный опыт таков, что среди моря информации нужно найти островок мудрости. Информации сейчас очень много, и это увеличивает душевный хаос, а мудрости очень мало. А как раз мудрость делает человека стабильно счастливым. Это счастье немного другого толка. Обычно мы ставим знак равенства между счастьем и удовлетворением своих внешних чувств. Допустим, вы живёте в хорошем доме, с достатком, и это наслаждение чувств – вот у меня свой дом, красивая жена, вкусная пища, хорошие дети – создаёт ощущение счастья.

Сытого счастья?

– Да, счастья, связанного с восприятием чувств, а чувства сами по себе поверхностны, они привязывают нас к телу, а тело, как известно, не вечно. То счастье, о котором я говорю – другого свойства, нежели обычные представления людей. «Дайте мне материальное благополучие, и я стану счастливым!» – это иллюзия. Многие люди достигли материального благополучия, а счастья как не было, так и нет. Пару лет назад дочь директора крупнейшей корпорации «Самсунг» в депрессии повесилась в особняке на Манхеттене. Ей, двадцатипятилетней девчонке, нечего было делать.

За неё всё уже сделал папа-миллионер. Или литературный пример Остапа Бендера, который гонялся за миллионом, обрёл его, но потом не знал, куда его пристроить.

Ему, наверное, нравилось ощущать процесс?

– Возможно, ведь когда он получил заветный миллион, растерялся, ну купил новый костюм, ещё что-то купил, другое, третье. А удовлетворения нет, чего–то всё время не хватает. Потому что счастье – категория внутренняя. Это свойство глубинного сознания, в простонародье – свойство души. Потребности физического тела нам трудно не замечать, так как нам регулярно нужно есть, пить, спать. Тело мы ощущаем сильно, ярко. А потребности души мы так долго игнорировали, так долго её не кормили, что она фактически атрофировалась, как долго не тренируемая мышца. Мы живём в такой цивилизации, где духовное развитие является факультативным, хочешь – выбирай, не хочешь – не выбирай. И большинство людей не считает духовное развитие таким уж важным. Тем более, если учесть, что душа вечная, ну и ладно, значит, не помрёт, можно её не кормить. И она действительно не умирает, но впадает в глубокий сон – анабиоз, и человек становится сомнамбулой, которая не живёт, а доживает по инерции. Если сравнить душу с владельцем машины, а тело с машиной, то получается, что машина-тело забирает всю энергию, и водитель живёт для машины, становится её придатком.

Значит, всё зависит от того, что мы ставим на первое место, тело или душу?

– Да, и часто получаем подмену ценностей. Водитель купил себе машину не для того, чтобы кататься на ней, а чтобы стать её частью. Странно, да? Конечно, ведь машина должна служить человеку, а не наоборот. Человек должен её просто поддерживать, делать профилактику, но это не самоцель. Точно так же физическое тело. Это биологическая машина, которая должна служить потребностям души. Древние духовные источники «Веды», на которые я опираюсь, говорят, что физическое тело – это энергетическая установка, как некий трамплин, правильно используя который человек может достичь возвышения души, а уже этим более возвышенным состоянием души он и переживает счастье. Люди, лишённые духовного знания, принимают машину-тело за своё истинное «я». И пытаются его поддерживать, как машину, но с годами оно всё равно разваливается. И получается, что машину мы поддерживали-поддерживали, она развалилась, а тот, ради кого она нужна, ничего не получил. Время потратил, энергию потратил, зубы выпали, зрения нет, и он сидит и ворчит, что нет в жизни счастья. Дал ли человек себе труд, чтобы узнать, что такое счастье? Или он подумал, что счастье – это произвольная формула?

Да, но мы же свободны, что хотим, то и делаем!

– На самом деле, разве можно разбогатеть, глупо разбрасывая финансы? Человек может разбогатеть, если он грамотный в бизнесе, понимает законы рынка, понимает, куда нужно ин-

вестировать средства. Точно так же и счастье – плод нашей правильной деятельности, продукт нашего правильного вложения энергии. Энергии своего времени, своего разума, даже своих денег. Если мы вкладываем весь свой потенциал в правильном направлении, тогда мы можем получить это счастье.

А куда вкладывать свои ресурсы? Как сориентироваться человеку?

– Ещё Иисус Христос говорил, что собирать богатство нужно не на Земле, а на Небесах, там ржа не точит и моль не ест. Или его же слова: «Не оскудеет рука дающего». Просто нужно расширить сферу своего понимания реальности, изменить мировоззрение.

Фотохудожник Виталий Семёнов

Оторваться от того, к чему ты привык?

– И отрываться необязательно. Надо именно расширить своё видение. Обычно рассуждают так: раз мир – хаотичное столкновение химических частиц и мы чисто случайные существа, возникшие на каком-то этапе эволюции, значит, нет никакой объективной цели. Всё, что есть – это моё тело, мои чувства, которые регулярно требуют какой-то пищи. И раз я живу один раз, то должен просто удовлетворять их по полной программе. Счастье – это не свойство тела, не свойство психики, а свойство души, которая начинает пробуждаться в духовной реальности. Это состояние мало зависит от каких-то внешних обстоятельств.

Ну, допустим, Вас обокрали. А Вы что? Так и продолжаете оставаться счастливым?

– Недавно меня обманули на 7 тысяч рублей. Безусловно, это неприятно для чувств и ума, потому что меняет привычную материальную ситуацию и заставляет подстраиваться под новые условия. Но, как я уже говорил, счастье – это состояние души, которая находится вне времени и материи. На фоне вечности души эти материальные изменения воспринимаются как временное облачко, закрывшее солнце на короткое время. Но, естественно, всё зависит от уровня осознания себя душой.

То есть Вы совсем не расстроились?

– Ну, была, конечно, некоторая досада, но потом я сказал себе: каждый пожинает то, что когда-то сам посеял. Жизнь на этом не заканчивается. Всё, что моё, будет со мной, а то, что не моё, я не смогу удержать. Одним словом, Бог дал, Бог взял.

А как Вы пришли к такому пониманию жизни? Или Вы уже родились необычным человеком?

– Честно говоря, раньше я был мрачноватым пессимистом, мне нравилась минорная музыка и такая же печальная философия. С материальной точки зрения я был обеспечен: нормальное образование, нормальная работа, нормальные возможности наслаждаться, как все люди. Но меня всё время угнетало ощущение безысходности. Я чувствовал, что во всём должен быть какой-то смысл, соответствие какой-то цели, общее

видение. А в обыденной жизни этого я не встречал, просто пытался в чувственных отношениях уйти от чего-то главного, скоротать время до того момента, когда наступит неизвестно что. Я не мог понять, неужели людей устраивает череда из учёбы, работы, семьи, пенсии, старости и, в конце концов, смерти! Это меня угнетало. Не хватало особого вкуса, перспективы видения, понимания, полноты. Зато откуда-то была врождённая уверенность, что где-то обязательно должна быть истина, и я обязательно должен её найти. Мне не хотелось мириться с тем, что когда-то я просто исчезну навсегда, и было предчувствие того, что я должен быть вечным.

И как предчувствие, оправдалось?

– Можно сказать, да. Согласно «Ведам», само живое существо – душа – обладает вечной природой. И, как правило, процесс духовного самосовершенствования занимает больше, чем одну жизнь. Физическое тело живет несколько десятков лет, а душа вечна. Если я когда-то имел какой-то опыт, но не довёл его до конца, то на каком-то этапе новой жизни мой прежний опыт начинает проявляться во мне опять с того уровня, на котором я когда-то остановился. И если я что-то имел, то сейчас начинаю искать то, что когда-то потерял, у меня появляется желание это найти. Когда начинаю искать, то, по космическому закону, мы знаем, кто ищет – тот всегда найдёт.

Вы говорите о реинкарнации, перевоплощении души? А многие, в том числе православные христиане, не верят в реинкарнацию, как быть им?

– Это вовсе не вопрос веры. Вот я сейчас тоже скажу, что не верю в закон сохранения энергии. Или в смену дня и ночи. Реинкарнация – это не то, во что нужно верить. Конечно, она не так осязаема, как закон гравитации, но при определённом уровне знания и понимания очевидна. Учёные тоже обладают такой информацией, которая большинством людей просто принимается на веру. Реинкарнация является законом сохранения энергии в перспективе. Когда христиане говорят, что кармы и реинкарнации нет, я их спрашиваю: «А причинно-следственная связь есть?» Отвечают: «Есть». Я говорю: «В Библии же сказано, что око за око, зуб за зуб, или, что посеешь – то и пожнёшь, – вот вам и карма». Просто реинкарнация – это более растянутый во времени и пространстве процесс. В него можно верить, можно не верить, но отменить его невозможно.

Перед тем как говорить о внешней реинкарнации из тела в тело, я объясняю, что это является естественным продолжением реинкарнации внутренней. Медики утверждают, что за каждые семь лет все клетки организма полностью меняются благодаря процессу обмена веществ: если мне 14 лет, я уже сменил тело два раза, если 21, то три и так далее. Тело – это поток микроизменений, такая медленно текущая река. Я остаюсь тем же самым как личность, но ткани при этом меняются, это и есть внутренняя реинкарнация. Или вот пример метаморфозы, когда гусеница становится бабочкой, это

Фотохудожник Виталий Семёнов

что? В «Ведах» говорится, что, подобно тому, как человек в течение жизни меняет свои старые одежды на новые, точно так же в момент смерти он меняет старое тело на новое. А вот каким будет новое тело, вечное духовное, как у Христа, или снова человеческое, или тело животного, зависит от того, как мы проживаем жизнь сегодняшнюю.

А Вы как проживаете сегодняшнюю жизнь?

– Когда я встал на путь духовного знания и очищения, то вкусы мои полностью изменились, и общее настроение – тоже. Сейчас я наполнен не просто какой-то верой, а уверенностью. Я счастлив, хотя это чисто субъективное чувство. И я не могу доказать его какой-то формулой, счастье невозможно объективно измерить, ведь оно основано на опыте и на знании каждого отдельного человека. Здесь можно только вдохновить людей на подобные действия, но пережить это они могут только сами. Моё счастье основано на духовном понимании жизни, которое я черпаю из «Вед». Оттуда я узнал, что «я» – это не просто физическое тело, вот с такими внешними чертами, а «я» – внутреннее, настоящее «я» – это вечная частица духовной энергии, носитель сознания. И это сознающее «я» проявляет себя через эго, разум, ум, нервную систему, психику, тело. Сегодня люди забыли свою духовную природу, так как общество не поддерживает эту тему, и довольствуются не внутренним глубинным счастьем, а поверхностным суррогатом. А ведь не секрет, что чувства со временем угасают. Мы начинаем хуже видеть, слышать, стареем, дряхлеем. Если человек уравнивает счастье с наслаждением чувств, то этим он сам себя обрекает на кратковременность своего счастья. Потому что чувственная деятельность со временем замедляется, и человек превращается в старого брюзгу, которому всё на так, который ругает молодёжь, завидуя молодости и энергии. Он не открыл в себе резерв внутреннего счастья.

И что, у каждого существуют такие резервы?

– Конечно, но, если я не знаю, что у меня под домом клад, я не буду копать. А если я нашёл старую карту, где написано, что у меня под домом клад, я всё брошу и буду там искать сокровища. Благодаря духовному знанию я узнал, что в сердце моём клад, там находится моё настоящее вечное духовное «я». Только нужно откопать его, стряхнуть пыль, наносную иллюзию. И тогда сознание начнёт проявлять своё естественное свойство – осознание своей вечной духовной природы. Это не просто утилитарная информация о том, как выжить в этом мире. Это глобальное, целостное знание о своём предназначении и о своих взаимоотношениях с Богом. Счастье, которое выводит меня на качественно другой внутренний уровень бытия.

А семья у вас есть?

– Да, у меня есть жена и сын. Мы все единомышленники. И это – тоже счастье.

Интересовалась Инна **Максименко**

Иногда поводом для войны становится сущий пустяк, а последствия настолько трагичны, что даже забывается сам факт, послуживший основой для возникновения конфликта. В то же время истории некоторых столкновений на бытовой почве невозможно изложить без доли изрядного юмора, легкой иронии или едкой сатиры. Наше повествование – как раз из этого разряда.

Зверский случай

Зверушки

Еще с пещерных времен человек полюбил домашних животных: собачек, кошечек, птичек и иную живность. Одних полюбил за то, что служат ему верой и правдой, других за то, что развлекают, третьих как объект гастрономического вожделения. Иногда человек так привязывается к своему питомцу, что с его утратой не видит смысла продолжения своей жизни.

В городе Иркутске, в микрорайоне Первомайском, в панельной пятиэтажке жили по соседству две обыкновенные, абсолютно нормальные российские семьи. Обе пары имели детей, часто ходили в гости друг другу, были практически одного возраста и имели много общих жизненных взглядов, интересов и увлечений. Мужчины были заядлыми автомобилистами; часто вместе ездили на рыбалку-охоту, а их жены когда-то работали на одном производстве – радиозаводе. И квартиры получили они чуть ли не в один день, да еще на одной площадке, на последнем, пятом, этаже. С тех пор прошло добрых два десятка лет, и, казалось бы, ничто не предвещало беды.

Ивановы и Петровы, назовем их так для простоты, всегда держали домашних питомцев: собачек и кошечек. И взрослые, и дети страстно любили этих животных; часто баловали своих любимцев самыми последними достижениями в области собачьего и кошачьего питания; холили и лелеяли их до изнеможения.

Четвероногий парашютист

Этой весной кот Ивановых по кличке Проша вышел на балкон и залез на перила: котику «схотелось» погреться на солнышке. Четвероногому представителю отряда кошачьих было четыре года, и он часто производил моцион такого порядка. В это время кошка Петровых – Соня – совершала променаж на улице. Как известно, эти животные гуляют сами по себе, когда хотят и где им вздумается.

Что уж там пришло на ум коту, но он упал с балкона пятого этажа. Очевидно, «котейке дюже пондравилася кися с верхнего ракурсу», и надо же такому случиться – свалился он прямо на нее. Прошке хоть бы что, а вот кошка Соня погибла на месте. Случилось это на глазах младшей дочери Петровых, 8-летней Ольги, которая выгуливала свою любимицу возле подъезда.

У ребенка началась истерика. На ее истошные крики выбежала мать, которую в подъезде едва не сбил с ног насмерть перепуганный кот Ивановых, рысью мчавшийся к себе домой наверх.

Мордочка черно-белого кота была в крови. Проша был напуган и плохо ориентировался в своем подъезде, но всё же он, подойдя к своей двери, начал звать своих хозяев, отчаянно мяукая и царапая входную дверь...

Кота свезли к ветеринару. Оказалось, что у того сломана нижняя челюсть в четырех местах! Бедное загипсованное животное привезли домой, и потом еще несколько недель младшая дочь Ивановых выхаживала своего питомца, кормя зверя с рук: бульонами через трубочку.

Фактология

С тех пор между соседями, образно говоря, действительно «пробежала кошка». Сначала испортились

отношения между женами. Петрова не понимала, как кот Ивановых, упав с пятого этажа, остался жив, а ее любимая Соня, такая умная и ласковая кошка, сейчас зарыта на даче? Соседи долго выясняли отношения: как это могло случиться? Никого из хозяев кота в тот момент не было дома. Ивановы лишь подтвердили то, что их кот любил погреться на перилах, что дверь на балкон была в тот день приоткрыта и что балконная рама – тоже. Пояснили, что кот Прошка сто раз делал так – грелся на перилах балкона – и ничего же не случалось?

Психическая травма, полученная ребенком Петровых при виде погибшей любимицы, давала еще долго о себе знать. Через пару недель Ивановы в качестве компенсации приобрели симпатичного котенка для Петровых, но последние не приняли их живой подарок. Отношения продолжали усугубляться и через месяц испортились окончательно. Соседи перестали ходить друг другу в гости, а их дети – общаться. Потом члены семейств перестали здороваться при встрече на лестничной площадке и затаили злобу.

Платежка валерианкой

Больше всего семью Петровых раздражал кот Проша, который по-прежнему, как ни в чем не бывало, продолжал неторопливо совершать свои ежедневные прогулки на улицу. Утром он, как и положено кошачьим, не спеша, часто останавливаясь, грациозно и педантично перебирая лапками, неторопливо спускался по лестничным маршам со своего пятого этажа на улицу. Летать ему уже не хотелось. Вечером, нагулявшийся, пресытившийся свободой и голодный котик легко преодолевал ступеньки, ведущие его в ласковые руки хозяев.

Однажды раздражение вылилось в жестокую расправу над бедным животным. Через месяц после своего полета с пятого этажа ему суждено было встретить свою смерть в петле. Ивановы нашли его подвешенным за оградительные перила на площадке своего этажа. От кота сильно пахло настойкой валерианы. Подозрение Ивановых пало на сына Петровых, 14-летнего Максима. Отец семейства Ивановых пришел к старшему Петрову и потребовал разъяснений. Мужчины разгорячились и сильно поругались в тот день. На следующее утро теперь уже Ивановым пришлось ехать на дачу – хоронить своего любимца. Отпрыски рассорившихся семейств начинают приходить домой с синяками и выдранными волосами.

Стеклянная война

Казалось бы, наладить отношения между соседями не представляло особого труда. Просто взять и помириться. Но события начинают нарастать как снежный ком, с необычайной быстротой. Кто-то разбил злополучное стекло балкона Ивановых. Затем хрустнуло лобовое стекло стареньких «Жигулей» Петровых. Те заподозрили в содеянном акте 16-летнего подростка Игоря, сына Ивановых, всё своё свободное время проводившего за компьютером. На следующий день кто-то разбил электросчетчик Ивановых и повредил электропроводку. Через неделю затрещали стекла теплицы на даче Петровых, а еще через две – у Ивановых. Потом одно за другим засияли дырами и окна обеих дач.

Война булыжников и стекла продолжалась больше месяца. Потом сгорела дача Петровых. Недолго простояла и у Ивановых. Затем кто-то облил бензином входную дверь квартиры Петровых. Огонь с трудом удалось потушить соседям с нижнего этажа. Еще через неделю мужчины взялись за свои охотничьи ружья.

Зарыты в ямины и рвы

– Ничего плохого не могу о них сказать, – говорит Анастасия Митрофановна, соседка по площадке обоих семейств. – Не понимаю, так хорошо, дружно мы, соседи, жили раньше. А тут из-за какой-то кошки такая кутерьма возникла...

Развязка не заставила долго себя ждать. Через три дня поздно ночью на сгоревшей даче Петровых раздались выстрелы. Перестрелка продолжалась примерно 5 минут. Испуганные садоводы позвонили в милицию, вызвали скорую помощь. Конфликтующие мужчины получили легкие огнестрельные ранения. Десяток дробин застрял в мягком месте одного соседа, другому оторвало пол-уха. Рядом лежали их ружья с пустыми гильзами в стволах. Никто из потерпевших сторон не стал писать заявлений в соответствующие органы. На днях, после выписки из хирургического отделения своей поликлиники, конфликтующие стороны, наконец-то, пришли к перемирию.

Эдуард **Мельников**

Об этих отношениях мало кто догадывается. Они скрыты не только от посторонних, но и подчас от родных глаз. Оголённый нерв, тихая война, которая длится годами. В ней не бывает и победителей, и побеждённых. Либо обе стороны проигрывают. А если повезёт, обе побеждают. Такое случается.

Сказка про сестёр

Однажды девочку спросили: «Хочешь младшую сестренку?» Девочка ответила: «Конечно!» Это рассказ об отношениях старших и младших сестер.

Так вот, когда родилась Младшая Сестра, Старшая поняла, что ей стали уделять меньше внимания. Она к тому, что родители постоянно возились с Младшей, отнеслась серьёзно (на тот момент ей было 7 лет) и, как любой ребенок, которому прежде доставалась всё родительское внимание, стала выделывать разные фокусы, не всегда приятные. Если ее ругали за проделки, она была рада: хоть так, но внимание обращали. Если хвалили маленькую, Старшая пакостила, только портила родителям настроение.

Когда Старшая подросла, она поняла: если в центре внимания эта лялька, значит, надо быть рядом с ней, а вдруг достанется кусочек родительского тепла? И начала действовать: читала «малявке» книжки как умела, играла с ней, танцевала и развлекала. В это время мама двух сестричек занималась собой и домом. Старшая оказалась востребована, только теперь не как единственное чудо в семье, а как помощница. Девочке это очень нравилось, но заботы о малышке быстро надоедали. У нее появлялись новые интересы, планы, задачи. Старшей 10 лет, Младшей – 3, она очень привязана к сестре, и, что бы та ни делала, обязательно повторяет. Старшая красит ногти, Младшая – мебель, Старшая делает уроки, Младшая рисует у неё в тетради. Старшая ругает Младшую, но та себя в обиду не даёт – научилась драться. После таких шумных разборок у Старшей нет половины волос на голове, а у Младшей на попе красный след от шлепка.

Время идёт, сёстры растут. Старшей исполнилось 15, а Младшей– 8 лет. В то время как Старшая гуляет с мальчиками, Младшая и её дворовая банда играют в «шпионов» – следят за сестрой и докладывают о своих наблюдениях родителям. Те, в свою очередь, принимаются за воспитание. Когда Старшая узнаёт о шпионстве и предательстве Младшей, отбирает у неё фотоаппарат и бинокль. «Будешь знать!» – говорит Старшая и неделю с Младшей не общается. Младшая, конечно, расстроена, извиняется перед сестрой, но при этом делает новые вредности и снова получает.

Но вот они стали взрослыми и теперь лучшие подружки; дружат семьями, вместе отдыхают, вспоминают о детских проделках с улыбкой.

В общем, хорошо, если есть тот, кому можешь рассказать о своих секретах, тайнах или просто поговорить по душам. И этот «тот» – твоя сестра.

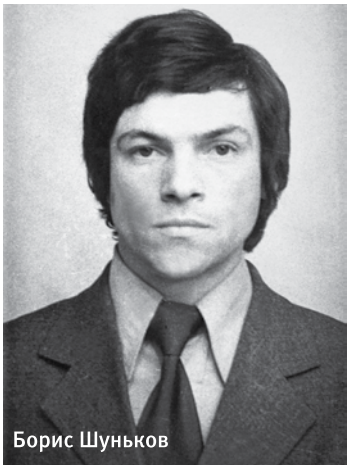
Делилась наболевшим
Даша **Цыплухина**

Про «Эйфорию», свинарок, о болтах в томате и настоящем кино

Владимир Иванович Самойличенко – режиссёр-документалист, председатель Восточно-Сибирского отделения Союза кинематографистов России, заслуженный работник культуры, действующий член Российской академии кинематографических искусств «Ника», доцент Иркутского технического университета, несколько дней назад вновь избранный член Правления Союза кинематографистов России. И, невзирая на такую серьёзную отягощённость регалиями, простой человек, любимец студентов и невероятно интересный рассказчик. Наверное, дело в чувстве юмора, которым щедро одарён наш собеседник и в любви к своей режиссёрской доле.

Зритель моего поколения привык к мифу. Кинематографисты создавали на экране миф о той стране, о которой мы мечтали. «Кубанские казаки» – самый гениальный фильм, создавший миф о той жизни, которая должна быть. Все фильмы Ивана Пырьева – это сплошные мифы. Какой миф мы сегодня создаём? Какой миф мы должны создать? Сегодня не хватает литературы драматургической. В жизни драматургии предостаточно, а в сценариях – нет. Хороший сценарий испортить можно, а по плохому сценарию хороший фильм снять нельзя. «Что сегодня будет смотреть зритель?» – вот главный вопрос, который решает сценарист, садясь за сценарий. Мы приучили зрителя к плохому западному кино, а теперь он только это и смотрит, он вырос, а вкусы его остались прежними. Ему нужны блокбастеры, динамика, «Ночные дозоры», «Дневные дозоры». Ему нужно, чтобы всё развивалось или рушилось. Он клипово мыслит. Причём эти фильмы невозможно пересказать – их можно только посмотреть. И они, по-моему, все-таки, не для России. Нам-то ведь обязательно нужно поговорить!

Сегодня в игровом кино есть имена. Есть Кирилл Серебренников, московский театральный и кинорежиссёр. Он делает совершенно удивительные картины. Но вот последний его фильм, «Юрьев день», снятый по сценарию Юрия Арабова, где покажут, кто посмотрит? Какие он даст сборы? Да никаких!


Борис Шуньков

«Эйфория» Вырыпаева прошла в Иркутске только потому, что Иван Вырыпаев – иркутянин. Никакой отдачи от этого фильма не было – посмотрело его какое-то количество зрителе й, многие восприняли как эксперимент, критика вообще ничего не поняла – и всё. Или Звягинцев – ну кто сегодня из той публики, что приходит в кинотеатр, скажет, кто такой Андрей Звягинцев? Можно даже провести эксперимент – никто не скажет абсолютно. А он уже сделал две картины, одна из которых – «Возвращение» – победила на Венецианском международном кинофестивале. И здесь дело не только и не столько в несовершенстве проката. Возник огромный дефицит простоты и естественности на экране. Я убеждён: сменим мы телевизионный стиль разговора со зрителем, сменим экранные произведения на простые, не мелодраматические, а простые земные истории, пройдёт пара лет – и зрителей за уши от этого не оттащишь.

Сегодня в Иркутске снимают больше, чем тогда, когда была Восточно-Сибирская студия кинохроники. Снимают все, у кого есть камера и возможность монтировать. Камеру приобрести – большого напряжения не надо. И только человек эту камеру приобретает и начинает через видоискатель что-то видеть – он

А вот сейчас начнутся съёмки. Сейчас, сейчас!

уже снимает кино. Вроде бы. Сегодня НТВ новую программу запустило, «Безумный день» – это сюжеты, снятые на сотовые телефоны. А что снимают на сотовые телефоны? Кто-то дал кому-то в морду, где-то перевернулась машина, где-то что-то загорелось. Человек падает с чёртова колеса, ему не бегут помогать, а снимают это на сотовый телефон! У меня есть друг Валера Соломин, великий кинематографист, иркутянин, а у него есть фильм «Цыганский берег». Там такой эпизод: лошадь случайно попадает в болото, и режиссёр с оператором бросаются лошадь вытаскивать! Это к вопросу и о том, чем отличается настоящий художник от тех, кто снимает на сотовый телефон и о характере и режиссёра, и человека.

Есть у Валеры картина, которая называется «Рыбак и танцовщица». На Ольхоне, на метеостанции Узур, живёт семья: муж, он местный, девушка, его жена, которую он привёз из Иркутска, и 2 детей. Картина большая, она идёт минут пятьдесят. Смотришь её и думаешь: Господи, хоть бы она не кончалась, так хочется жить, так хочется и на Узуре жить, и в Иркутске жить, и где угодно – жить! А в фильме ничего не происходит. Они живут своей обычной жизнью, но это жизнь, прожитая вместе со съёмочной группой – рядом с оператором, режиссёром, – они как члены семьи там. На экране обыкновенный быт этой семьи весной, летом, зимой и осенью. Смотришь, как женщина танцует под музыку одна, и понимаешь, что она мечтала быть танцовщицей в театре, любит музыку. А он – рыбак и охотник, и всю жизнь рыбачит и охотится. И ссорятся они, и деньги добывают, и трудно им. У них есть только главное: они любят друг друга. А вот это передать – попробуй передать это! И показываются вроде обычные вещи, крупные планы детей и... утки. Огарь – утка, которая летает одиноко-одиноко. А ребятишки в окно за ней наблюдают. А потом – раз! – и две утки уже летят. Ничего, ни одного слова, а как много сказано! Вот на этом, на деталях, построена картина. И Валера говорит, что сейчас принципиально отказался от монтажа. Точнее, он монтирует так, что этого не заметишь. Американский режиссер Роберт Флаэрти – он ведь наблюдал жизнь, а советский кинорежиссер Дзига Вертов ее создавал на экране. И тот великий, и этот великий.

> **“ *И только человек приобретает камеру и начинает через видоискатель что-то видеть – он уже снимает кино. Вроде бы.***

Есть школа Восточно-Сибирского кино – великая школа документалистики. Студия наша всегда называлась «Восточно-Сибирская студия кинохроники». Из всех искусств это самое важное, говорил о кинохронике В.И. Ленин, так как с ее помощью создавался миф о стране. Вот на этой хронике выросли великие режиссёры, операторы, сделавшие много в современном кинематографе. Мы просто сейчас этого не видим. Вот АИСТ немного показывает, и то хорошо.

Крайний слева – тот самый Герц Франк

В своё время, когда студия закрывалась, киноархивы были сохранены, а вот всё остальное свалили в кучу и сдали в макулатуру. Я спросил временно управляющего директора: и что тебе дала эта макулатура? Восемьсот рублей. А это огромный пласт работы киностудии. Я две ночи просидел там, в пыли, и выковырял сценарии режиссёрские и авторские. Мы сейчас всё это разбираем, хотим сделать из этих сценариев сборник – учебное пособие. Мало кто знает, что в документальном кино и в документальном телевидении, кроме, конечно, новостей, первооснова – это именно сценарий. В основе лежит авторская, журналистская мысль. Я обнаружил замечательные сценарии. Там Марк Сергеев, Ростислав Филиппов, Сергей Иоффе, Кривомазов, Капилюшный, Жемчужников, Юдина, Харитонов, Гуревич, Герц Франк – звезда мировой величины. Он делал здесь «Семь Симео-

нов», «Чужую боль». Это фильмы периода застоя 80-х, начала 90-х годов. Я смотрю «Чужую боль», всё время показываю студентам, и у меня до сих пор комок в горле появляется при этом – настолько талантливо сделано! Просто документальное кино, ничего там нет такого, люди говорят, не очень хорошо говорят, читают письма, но так драматургически всё выстроено, что берёт за душу. То же и «Семь Симеонов». Франк нашёл эту семью Овечкиных. С ним работал тогда ещё молодой кинорежиссер Володя Эйснер. Ещё эта картина дорога мне тем, что главную героиню, у которой была астма, тонировала Валя Юдина. Валя Юдина вообще была журналисткой от Бога. А по профессии ветеринарный врач. Но как она писала! А как говорила! Вот чего сейчас не хватает телевидению – не хватает души. Если Валентина Ивановна снимала или писала о человеке, складывалось впечатление, что он – её друг или близкий родственник. А какие были у неё передачи по сельскому хозяйству! Она очень хорошо разговаривала с людьми. Это ушло совсем, и на сегодняшнем телевидении она, наверное, не смогла бы работать.

Тогда много фильмов снимали про село. Все известные председатели колхозов – Петя Царёв, Перевалов – были Валиными друзьями. В каждом селе у неё кто-то жил знакомый, и мы приезжали на съёмку как домой. Приехали мы как-то к Перевалову, а он рассказчик был потрясающий. Рассказывал, звонит ему как-то секретарь обкома и сообщает, что привезёт делегацию из Америки. «Я, – говорит, – валенки на ноги и побежал порядок наводить, а по дороге вспомнил, что не спросил, как стол накрывать, чем угощать-то их, американцев. Перезваниваю секретарю, а тот говорит: накрывай так, как ты накрываешь

Евгений Корзуна

для гостей. И вот американская делегация приехала, я их вожу по хозяйству, всё показываю, они записывают, фотографируют. «А где вы всему учились?» – пристально всматриваясь, спрашивает один представительный мужчина. А у меня четыре класса приходской школы, и я ему отвечаю: «Вот академию закончил». Обкомовцы наши заинтересовались, да и американцы тоже. А я продолжил: «Академию этой нашей Земли». Все облегчённо выдохнули». В каждом своём герое Валя находила что-то особенное.

Как-то мы в Тулунском районе снимали фильм «Мать и сын», о председателе колхоза Петре Царёве и его маме, которой на тот момент было 90 лет. Она много молчала и всё время работала. А тогда был комплексный метод уборки – ипатьевский, когда всю технику собирают в кучу и обрабатывают по очереди поля. И сын её, председатель, из-за этого ипатьевского метода приходил домой за полночь. Она сидела на крыльце, монументальная, красивая. Ночью мы приборы ставили, чтобы им в глаза не светить. А снимал великий наш оператор Боря Шуньков, камеру в кусты прятал. Пётр заходил в калитку, говоря «Ну, слава Богу!», снимал куртку, бросал её прямо во дворе и к ногам мамы прижимался. А она ему подзатыльник: «Ты почему так с бригадиром обошёлся?» Колхозники ей жаловались. «Мама, ну люди же смотрят». «Ладно, иди поешь да ложись спать». Жена выходила, смотрела, но если уже идёт процесс воспитания, не вмешивалась.

Утром председатель повёз нас по хозяйству, а у главного агронома родился сын. Пётр звонит ему и говорит: «Поздравляю тебя с сыном, рекомендую Ипатом назвать». Всё из-за этого ипатьевского метода. А там такая красивая лощина и две берёзы стоят, мать и сын – символ фильма, мы им начинали и заканчивали фильм. Едем, с одной стороны лощину огибаем, председатель говорит: «Это бригада № 3 работает ипатьевским методом». Чтобы далеко не ездить, объезжаем с другой стороны ту же бригаду, но уже с видом на речку. «Это бригада № 2, тоже ипатьевский метод. Всё, закончили, поехали на подснежники!» – командует Пётр. И мы едем отдыхать на бугорок с берёзками, где никто не косит, и поэтому весной там много подснежников. Как-то снимали передачу,

> ***«А где вы всему учились?» – пристально всматриваясь, спрашивает американец. А у меня четыре класса приходской школы, и я ему отвечаю: «Вот академию закончил». Обкомовцы наши заинтересовались, да и американцы тоже. А я продолжил: «Академию этой нашей Земли».***

“А вы видели фильм Белинского «За соболем»? Реалити-шоу там рядом нечего делать.

уже памяти Валентины Ивановны, и пригласили Петра, такой колоритный мужик, живёт сейчас в Иркутске. А дочь его работает в соцзащите, занимается помощью реабилитированным репрессированным и их семьям.

Так вот с этой мамочкой, с бабушкой, я её так называл, она просила, чтобы не называли её по имени-отчеству, так вот, как-то сидим, шелушим горох на веранде, снимаем.синхронный кусок. А Боря Шуньков умел это делать классически, мог быть и одновременно не быть, не снимал, а жил, интересовался. Она как начала вспоминать и частушки петь. Я думаю, сейчас умру, настолько это было хорошо, вовремя, слышу, что камера ещё работает, а уже достаточно, ведь плёнки-то был лимит. У нас с оператором был условный сигнал: я кладу ручку, и камера останавливается. Ручку я положил, а камера не выключается. Короче говоря, 300 метров кассеты полностью потратили на бабушку. Послушали фонограмму, и уже на этом можно было что-то сделать. Приехали на студию, отправили плёнку на проявку – плёнка оказалась с браком. Вот это ужас! Несколько съёмочных дней и такой колоритный кусок фильма – всё насмарку! В моей жизни всего два раза такое было.

Поехали переснимать, уже зимой, без гороха. Но хотелось сделать всё, как было тогда. Работы в деревне никакой нет, зима, с чего начинать эпизод, непонятно.

– Давайте квас пить, – предложила мама Петра. Я задаю ей вопрос, она отвечает.

– А помните, вы в прошлый раз частушки пели?

– А у меня сейчас настроения нет.

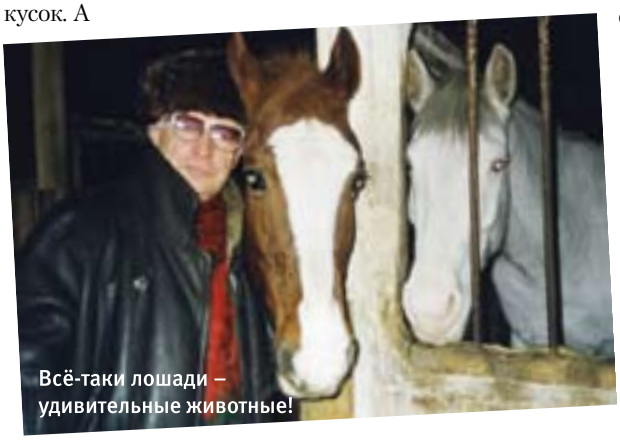
– Ну, нет так нет, всякое бывает, – ещё что-то спросил.

– У тебя, что с головой, Володя? Ты же меня об этом спрашивал в прошлый раз.

– Да брак у нас получился.

– Знаю, у нас тут в колхозе столько всякого брака бывает.

– Да вся плёнка испорчена оказалась.



Всё-таки лошади – удивительные животные!

– Что же ты мне сразу об этом не сказал. Я б тебе всё слово в слово повторила.

И это в девяносто лет!

Или в Уковском совхозе под Нижнеудинском две свинарки – героини труда, совершенно очаровательные тётки. Снимал Олег Лаптев. Мы посмотрели объекты, он побежал в магазин, накупил дезодорантов. Камеру поставил и свиней дезодорирует, чтобы мухи не роились – съёмку не портили. Работу завершаем, свинарки говорят:

– Хорошо поработали. Хорошо. Грыжеватенького, может быть?

– А кто такой грыжеватенький? – спрашиваю я.

– Это маленький поросёнок, чтобы его купить по дешёвке, нужно списать по грыже.

А муж одной из них крепко поддавал, хотя мужик был хороший. Она варила самогон и, чтобы не смущать благоверного, закатывала в трёхлитровые банки, выкапывала на огороде ямки и прятала в них самогон.

– Смотрю, – говорит, – муж пристрастился к работе, копает и копает огород. Вот ведь как к работе тянется!

С большим удовольствием сняли этот фильм, отведали «грыжеватенького». Едем со съёмок, фильм заказной, такой называют «Болты в томате». Болты-то болты, а вот в томате – это значит художественный, уже вкусно. И вот возвращаемся, а я говорю, что название «Нижнеудинский район» какое-то не подходящее для такого славного фильма. А Валя любила, чтобы все участвовали в назывании фильма – и режиссёр, то есть я, и оператор, и водитель – чтобы каждый предложил название. Вытаскивает блокнот и говорит:

– Пишем!

– У тебя же есть уже в сценарии весёлое название: «Свинарки с Ука», – подсказал я ей. И мы ещё раз все посмеялись. Позже назвали фильм так, как предложил оператор Олег Лаптев, «Судьбы простое полотно».

Мы отмечали девяностолетие Петра Артемьевича Петрова – великого хроникёра страны, он прожил 92 года. И везде был первым: на БАМе, на Иркутской, Братской ГЭС. Он снимал и для себя, и для московских новостей. Все камеры носил на себе, да ещё штатив, ассистенту доверял толь-

ко свою шляпу и запасной аккумулятор. Привели его в студию, посадили в кресло на почётном месте, шёл ритуал, показывали его фильмы. И мы решили сделать сюрприз, зарядили его камеру и попросили его снять рукой хроникёра гостей. Он встал, взял камеру и снял этот план с рук, в девяносто лет. Вот это был хроникёр! Я восемь фильмов снял на Усть-Илиме, приезжаешь, если Петров здесь, значит, событие будет, если Петрова нет, значит, можно уезжать отсюда. Петров и фотокорр ТАСС Эдгар Брюханенко, у них было чутьё на события, по ним все ориентировались. Петров был потрясающим хроникёром. Документальные фильмы он как-то и не делал. А все хроникальные фильмы его точно останутся в истории навечно.

> **Александр Сокуров как-то на пресс-конференции в Иркутске сказал: «Если у вас появится человек очень странный, но который очень хочет и умеет что-то делать, молитесь на него».**

А вы видели фильм Белинского «За соболем»? Реалити-шоу там нечего делать. Меня этот фильм просто потряс! Про Белинского ходили легенды. Он тот, кто всё это начинал, закладывал основы операторского мастерства. И неслучайно в Иркутске есть его мемориальная доска, хотя он никакой не заслуженный был. У нас вообще операторская школа Восточно-Сибирской студии кинохроники серьёзная, возьмите любую фамилию, любого оператора. Это художники–мастера, и Опанасенко, и Непомнящих, и Корзун, можно долго перечислять. Сидлер – потрясающий оператор, великолепный оператор из Тувы Сэдэноол, операторы от Бога. Боря Шуньков – это оператор– художник, сценарист и режиссёр.

Наша студия была одной из лучших в стране. Мы всегда находились в тройке лидеров. Первой была Ленинградская студия, а мы вторые. Третьи – иногда Екатеринбург, иногда Москва или Новосибирск. Самое большое количество наград Восточно-Сибирская студия кинохроники получила в 80-е годы, при директорстве Голованова. В это же время были приглашены мастера Франк, Гуревич. А позже хроника стране и власти стала не нужна. Телевидение, почувствовав нишу, вцепилось в это. Сначала школа операторов ещё как-то держалась, за счёт наших операторов-хроникёров, но постепенно сходила на нет. То, что снимает сегодня телевидение, не снимали даже ассистенты. Это не съёмка, это фиксация. Там нет ничего от операторского искусства и мастерства, ни попытки найти образ, создать настроение. Там есть умная камера, в которой правильно нажми кнопку, не снимай на контровом крупный план, и она сделает всё сама. Рубашка в клеточку будет в клеточку. От них никто не требует большего. Но я думаю, что с новыми техническими возможностями будут появляться художники, способные спорить с объективностью этой камеры и объективностью этой плёнки, которые умеют только фиксировать. Художники будут делать то, что хотят, а не только то, что может техника. Тогда и на телевидении появится искусство, собственный взгляд.

Иркутским кинематографистам здесь было уютно

Александр Сокуров как-то на пресс-конференции в Иркутске сказал: «Если у вас появится человек очень странный, но который очень хочет и умеет что-то делать, молитесь на него». Сегодня нужна атмосфера, нужен фон, на котором вырастет художник. В Иркутске сейчас нет такого фона, Иркутск почему-то стал отторгать творческих людей. Возьмите, например, Кокорина, того же Вырыпаева, Шевченко.

Когда кинохроника была в костёле, это был центр творческой энергии, мысли, идей. Неслучайно здесь проводились региональные кинофестивали. Я, кстати, лауреат такого фестиваля. Тогда я сделал свой первый фильм, привёз его с Дальнего Востока и получил диплом за лучший кинодебют. А сегодня что-то сломилось, что-то изменилось. Появилась какая-то пробка, которую пробить невозможно, протокольность, чинушничество. Вот Венгер – личность замечательная, большой актёр, и «Маски» у него есть, и лауреат государственной премии, и почётный гражданин города Иркутска. В своё время он оканчивал Щукинское училище вместе с Ульяновым, это одного поколения актёры. Заболел человек, да и возраст уже. Группа энтузиастов, Корзун, Харитонов, Захарян, загорелись снять фильм о нем. Но

никто их не поддерживает. Ни город, в котором Венгер почётный гражданин, ни театральное общество, членом которого он является. Что-то надо доказывать, говорить, а большинство этого просто не понимают. Всё, что снимается сегодня, снимается в основном по заказу. Это всё не кино, то, что требует заказчик, за свои деньги. К кино это не имеет никакого отношения. К такому настоящему кино, которое, например, участвует в нашем Байкальском международном кинофестивале «Человек и природа». Этот фестиваль возник в Иркутске. В 1990 году я, Татьяна Зырянова и Михаил Поплавский сняли фильм «Удушье». Это знаменитая история, связанная с Ангарским заводом белково-витаминных концентратов. Мы делали фильм со страхом и болью. Темой сохранения Байкала тогда болели все. И стала бродить идея фестиваля. Экологического, подчеркиваю. Сначала он был российским. И помогала нам только администрация области, а потом подключился Союз кинематографистов и Министерство культуры России. И он стал международным. Энергетика борьбы за Байкал многих документалистов сюда привела. Подобные экологические фестивали проводят в Санкт-Петербурге, Ханты-Мансийске, но такой – документальный, научно-популярный и учебный – только здесь. В этом году мы провели свой фестиваль в 7-й раз. К нам съехались из 23 стран. Привезли очень интересные фильмы. Мне не хотелось бы об этом говорить походя, это отдельная большая и серьезная тема. Фестиваль рожден на нашей земле, он требует к себе внимания, надо этот росток бережно взращивать.

Александр Сокуров и Владимир Самойличенко на пресс-конференции в Иркутске

Я думаю, что новое поколение телевизионного кинематографического талантливого люда случайно не возникнет. Если будет здоровье у нации, то будет здоровье и на телевидении. Но никогда нация не будет здоровой, пока не будет здоровым телевидение. Я вот вернулся со съезда кинематографистов России, этого, скандального, на котором Никиту Михалкова, как председателя Союза кинематографистов России, заменили на Марлена Хуциева. Скандал, конечно, больше рисовался прессой, чем существовал на самом деле – мы же все творческие люди и понимаем, что единодушия в творческих вопросах быть не может. Другое дело – вопросы развития в стране кинематографа. Мы собрались новым Правлением, и на первом заседании решили, что, учитывая все просчёты, нужно попытаться сделать так, чтобы содружество кинематографистов было полезно не только в организационном плане работы Союза, а, прежде всего, чтоб были хорошие фильмы, чтобы можно было поддерживать дебютантов. Ведь людей снимающих сегодня колоссальное количество. В Иркутске мы планируем проводить обучающие программы в лицеях – дети тянутся к этому, нужно помочь им. Будем организовывать смотры любительских фильмов и какие-то моменты продумывать специально для любителей. А в программу нашего фестиваля «Человек и природа» хотим включить номинацию «Дебют». И, вот, в связи со съездом, хочется сказать, что завершился один этап и начинается другой. Следующий этап развития кинематографа и совершенствования работы Союза кинематографистов. Надеюсь, теперь меньше будет разговоров о творчестве и больше будет самого творчества.

“Новое поколение телевизионного кинематографического талантливого люда случайно не возникнет. Если будет здоровье у нации, то будет здоровье и на телевидении. Но никогда нация не будет здоровой, пока не будет здоровым телевидение.

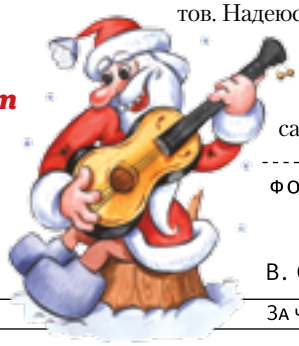


фото Александра **Новикова**, из архива В. Самойличенко

Из стола

Владимира Лопарева иркутяне знают давно — с тех пор, как он начал вести программу «Курьер» на областном телевидении. Но ни тогда, ни позже, когда Владимир стал политтехнологом, а потом чиновником и после этого бизнесменом, иркутяне не знали его стихов. А он, между тем, их писал. Писал с 7 лет, а первая их публикация состоялась, когда Лопареву было 9 лет. Сейчас пишет, что называется, в стол. Всё собирался, как сам выражается, «соорудить сборник, но как присядешь за стол...мысли о том, где денег достать, когда вернуть долг, сколько стоит то и это — кошмар, словом, а не жизнь. Вот разбогатею когда...». Мы с такой постановкой проблемы не согласны, так как не видали богачей, пишущих хорошие стихи — так, сплошные графоманы! Впрочем, и Владимир относится к своим произведениям весьма иронично, снисходительно. Того и нам советует...

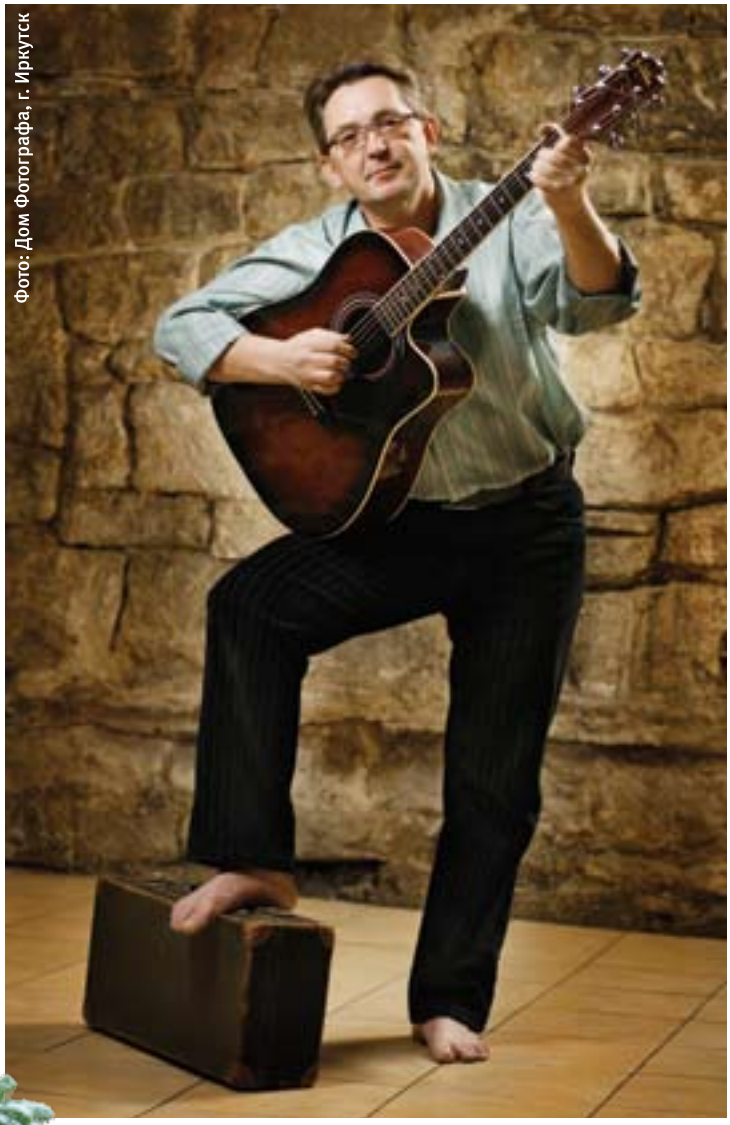


Фото: Дом Фотографа, г. Иркутск

Мой мир

А мир мой, чем он хуже?
Не пошлый, не скупой,
В нём радости наружу,
А горести в запой.

Не белый и не чёрный,
Раскосый и цветной.
Мой мир – он беспардонный,
Глубокий и родной.

Враги, друзья все вместе
Вокруг, вдали, со мной
Поют псалмы и песни
И в снег, и в дождь, и в зной.

И на великий праздник,
И в скорбные дела
Мой мир – большой проказник
И тихий, как молва.

На подвиг самый смелый
Он мог – бы, но не смог,
На первый снег, на белый
Он не упал, он лёг.

Прошлость

Да, где-то далеко осталось
То, что потеряно сейчас,
Того, что не хватает малость
И вызывает только жалость
Ненапечатанный рассказ.

И что ещё, какие песни
Тебя так вывернут навзрыд?
Расчешут гриву юной лестью
И растопыренною честью
Пренебрегая горький стыд.

Да, сколько страсти неумелой
В окопах солнечной долины
Убито нервной, сладкой, смелой,
Задушено подушкой белой
И вылеплено красной глиной.

А в углях чёрная картошка,
Подлунный тост на берегу,
И на губах мешалась крошка,
Когда я пел, смешно немножко,
«Служи, а честь я сберегу!»

1991

В расчёт не брался возраст,
Никто не хотел понимать,
Что не обстрелян, холост,
Что где-то болеет мать.

Так скучно и бесконечно
Летели над полем пули,
В сердечке так бессердечно
Жужжали, свивая улей.

Пока не застыли веки,
Под ними шумело море,
В простреленном человеке
Мир замирал на поле.

Горькая песня звучала
В сером туманном море,
Мать не выла – рычала,
Остервенев от горя.

А на пустынном пляже
Смех глуповатых чаек
Не поминал, и даже
Не проклинал ночами.

Жил одессит на свете
Светленький, синеглазый.
Умер солдат на рассвете,
Не убив ни разу.

День рождения

Осторожно, понемногу
Солнце жёлтое вставало,
Сосны строги, нога в ногу,
И тепло под одеялом.

Лёгкий шорох старых тапок,
Скрип дырявой половицы,
Старый ворох детских тряпок,
А на стенах лица, лица...

Вот бабуля, дед, сестричка,
Вот отец и брат с мамашей.
Прогремела электричка,
Я один на даче нашей.

Втихомолку съел удачу
Перебрал, забыл, замучил,
Кое-как попал на дачу,
Город в городе наскучил.

Переулки, перезвоны.
Годы, люди, остановки.
Слёзы, хохот, крики, стоны
И успешны и неловки.

Водка утром с помидорной.
Лязгнув, зубы задрожали.
В зимний день, такой задорный,
Здесь меня зимой рожали.

Сколько выпью я сегодня,
Скольких вспомню и забуду.
Всё одно – один Володя!
Всё одно – один не буду!

Сибирская любовь.

Письмо рассерженной невесты
Не долетело, не легло
На пьяный стол, и неизвестно
Зачем? За что? И для кого?

Девчонка-почтальон проснулась,
Когда раскидистая ива
В лицо ей солнышком уткнулась,
Пощекотав курносик милый.

А вещмешок с чужою правдой -
Он стал огнём в просторном доме.
Сгорев, согрев он стал наградой
Для веселящихся, и кроме

Толпы людей, замёрзших в стуже,
Никто не ощутил прохлады
Весенней русской чёрной лужи
У Ангары, в деревне Гады.

Где бывшая невеста плачет
О том, что он, её жених,
Теперь лишь пьёт или судачит,
Сжигая в топке белый стих.

Проснулась дева-почтальон,
Смахнула с живота ручонки.
Глаза – похмелья медальон,
Скосила, засмеялась громко.

На громкий смех и он проснулся,
Ещё не муж и не жених,
Махнул стакан – не промахнулся,
Перевернулся и затих.

Весна в Сибири – тяжкий труд.
Любовь сродни весне в Сибири.
Там в топках письма жгут и жгут
И в едком дыме пьют доныне.

Заметки на полях

На полях заметки.
Неправ, опять неправ.
Стальные нервы в клетке.
Любил как костоправ.

Не торговался, просто
Закапывал в душе
Всё что хотелось остро,
Всё проиграл... туше!

И атомное небо
Лежит на самом дне.
Там нет воды и хлеба,
Там нет тебя, там не...

Единство противоположности

Как будто нечего сказать,
И всё как будто как должно.
Я перекрикиваю мать,
Я грешен, слаб, заносчив, но

Когда моя мужская воля
Не уступает никому,
Мне снится маковое поле,
Баркас, присевший на корму.

Летаю над планетой круглой
И приземляюсь, где хочу,
Любовью маюсь юной, смуглой
И над любовью хохочу!

Раскрыта книга – не читаю,
Объятья настежь – не люблю,
Меня не любят – я мечтаю,
Предпочитаю и скорблю.

И всё, что происходит в сердце,
Так не похоже на меня.
Мёд на селёдке, сахар с перцем,
Ночь на рассвете жаждет дня.

– Сколько вам лет?
– Сейчас посчитаю… Сорок два, однако. Вообще-то мой возраст зависит от моего настроения.

Виталий Семенов – фотохудожник. Работает видеооператором и фотографом. Его картины завораживают и настораживают одновременно. Чтобы создать картину, он загоняет себя в депрессию, потому что именно в таком состоянии у него получаются настоящие фотохудожественные шедевры. А еще, прежде чем стать художником, он 16 лет проработал простым строителем.

Виталий Семёнов, человек настроения

– Жилые дома строил, промышленные объекты. Вроде стабильная работа, стабильный заработок, но в творческом отношении там выразиться сложно. Вот и решил, что не мое. А уволился своеобразно. Мы когда начинали делать пятую серию на ИркАЗе, монтировали колонны метров 12 высотой. Залез я на эту колонну, вокруг посмотрел, а лето было, красота, – все такое сочное и красивое, и все это проходит мимо. В общем, слез я с колонны, пошел и написал заявление об увольнении. Почти год просто ходил по лесу с фотоаппаратом. Потом устроился в фото– и телестудию. Так и работаю здесь уже 2 года. Операторство для меня не стало проблемой. Нажимать кнопки можно научиться и за месяц, главное – это видение кадра. У меня, наверное, это врожденное, поэтому я быстро все освоил. А снимать мне больше нравится не новостные сюжеты, которые надо снимать на автомате, когда даже нет времени подумать, а проекты, на неделю растянутые. Там время задуматься есть, что-то порешать, а думать я люблю.

Любовь к фотографии в жизни Виталия возникла не спонтанно, он чуть ли не с пеленок стал снимать. Фотографировал все, что в объектив попадало. И в какой-то момент решил пойти в художественную школу, которую, к своему сожалению, так и не окончил.

– Что-то классическая живопись и прочий классический рисунок меня не вдохновили. Хотелось побегать, поиграть, ребенком же был. Тогда понятия не было в голове, что учеба в художественной школе может еще и пригодиться. Ну, и меня сильно никто не напрягал. Родители говорили: хочешь – учись, не хочешь – не учись, это не основная школа, это для своего развития. Но раз пошел в художественную школу, значит, тянуло меня к себе искусство, ну вот – вытянуло.

Педикюр-маникюр.

Микродинозавр.

Вилки? Вентилятор?

Memento more.

Сначала я делал разные картины: и натюрморты, и пейзажи. Портретов у меня мало. С людьми, видать, работать – не мое. Портреты, можно сказать, делать не умею. В основном натюрморты. Предметы я вижу лучше, чем людей. У предметов тоже есть своя сущность, поэтому как я его вижу, этот предмет, так я его пытаюсь одухотворить. Я, в принципе, с них и начинал. У меня в основном картины в темном ключе, светлых очень мало. Бывает, какую-нибудь фотографию сделаю, вроде понравилось, она полежит, откроешь ее на компьютере через месяц – уже не нравится, берешь ее и по новой, чего-нибудь дорисовываешь, доделываешь или полностью переделываешь. Получается так, что конечного результата ни на одной картине и нету. Это же мои произведения, значит, я имею право дорабатывать их и дорабатывать.

У большинства моих картин есть названия, они приходят, когда их рисуешь, а потом настроение меняется, хочется название поменять, и поэтому у меня как работы меняются, так и названия меняются. Ну, вот последние картины у меня называются «Горячее», «Нога попала в колесо», «Икар».

Свои работы, по признанию Виталия, он не создает специ-

На стройке.

ально для выставок. Весь смысл в том, чтобы просто творить. Для себя, для своего творческого удовлетворения. Тем не менее, несколько раз со своими работами он все-таки засветился.

– Первую свою персональную выставку я делал в родном городе. Но Шелехов у нас своеобразный городок, поэтому картины, которые нравятся мне, натюрморты мои патологичные, для Шелехова маленько «не в формате». Поэтому решил выставить свои пейзажи, они, конечно, такие светленькие, красивенькие, но меня они не привлекают, просто попросили – ну, почему не сделать нормальную красивую выставку? А такие вот, неформатные, свои натюрморты выставлял в Иркутске, на ежегодной выставке иркутских фотохудожников. Лет пять подряд участвовал в этих выставках в основном с натюрмортами, потому что пейзажей в Иркутске и так хватает.

Люди разные – разные точки зрения. Ну, некоторых смущает мрачноватость некая в моих работах, некоторые не смотрят на сюжет, а смотрят на технику. Напрямую, конечно, никто не ругал, но и хвалебных откликов тоже много не было. Но я не переживаю. Самое главное, то, чем я занимаюсь, нравится мне. Мое внутреннее состояние – в этих картинах.

Несмотря на всю свою художественную деятельность, настоящим художником Виталий себя не считает. Образования нет специального, да и вообще, говорит он, настоящие художники – это классики живописи, а он просто человек, чье увлечение называется фотохудожеством. Вот и все.

– Единственное специальное законченное образование, на которое у меня есть корочки, – это диплом Иркутского авиационного техникума по специальности техник-технолог, эксплуатация станков с программным управлением. Если где-то чему-то я и учился, и учусь, то это самообразование. Ну, так, методом научного тыка. Для фотохудожника главное, это видеть кадр, видеть свою будущую картину, создавать ее. Это постоянное стремление вперед: раз взялся, значит, надо развиваться. Нужно ли быть усидчивым для этого? Не знаю. Можно и за час накидать картину, а можно сидеть часами, получится – не получится. Я по натуре человек усидчивый. Могу часами сидеть и смотреть в одну точку, меня как-то это не напрягает. С другой стороны, смотреть – это ведь не мешает в то же время о чем-нибудь думать. Может, поэтому что-то у меня и получается. Я вообще считаю себя человеком спокойным, флегматичным, таким вялотекущим процессом.

На будущее у Виталия планы хоть и не грандиозные, в президенты он, честно сказал, не пойдет, зато творческие. Развиваться в художественном плане собирается, ну и работать больше. Тем более что зимой, признался Виталий, он хоть каждый день по картине выдавать может. Зимой у него наступает творческий подъем.

Поддавалась настроению
Ксения **Людвиг**

Фотохудожник Виталий Семёнов

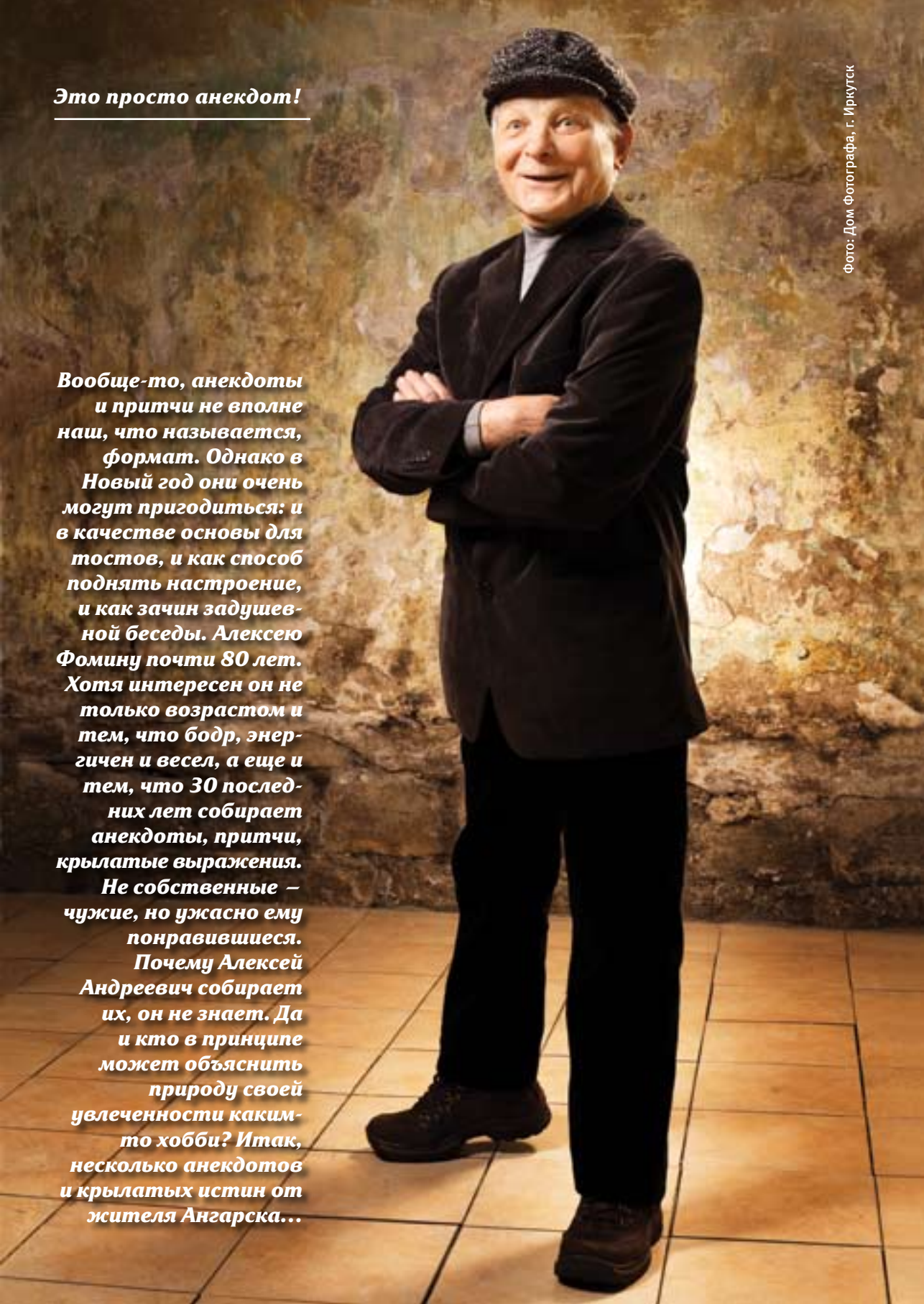


Фото: Дом Фотографа, г. Иркутск

Вообще-то, анекдоты и притчи не вполне наш, что называется, формат. Однако в Новый год они очень могут пригодиться: и в качестве основы для тостов, и как способ поднять настроение, и как зачин задушевной беседы. Алексею Фомину почти 80 лет. Хотя интересен он не только возрастом и тем, что бодр, энергичен и весел, а еще и тем, что 30 последних лет собирает анекдоты, притчи, крылатые выражения. Не собственные – чужие, но ужасно ему понравившиеся. Почему Алексей Андреевич собирает их, он не знает. Да и кто в принципе может объяснить природу своей увлеченности каким-то хобби? Итак, несколько анекдотов и крылатых истин от жителя Ангарска…

Два приятеля гуляют по городу. Один видит закат и говорит другому:

– Смотри, какое красное небо!

– Да-а-а! – отвечает второй, не поднимая головы.

– Это ОНИ умеют!

+++

Священник, желая обратить в свою веру молодого человека, говорит ему:

– Господь творит чудеса!

– Чудес не бывает? – отвечает тот.

– А если человек с десятого этажа упадет и жив останется, это что?

– Случайность!— снова отвечает юный атеист.

– А еще раз? — ехидно спрашивает священник.

– Тоже случайность.

– Ну а если в третий раз?

– Ну, батюшка, это уже привычка!

+++

Выпросил старик у Золотой Рыбки бессмертие, пошел в лес и ехидным таким голосом спрашивает:

– Кукушка-кукушка, сколько же мне лет осталось жить-то? А?!!

+++

Из женских наблюдений.

Жизнь полна невзгод и страданий, горя и ненависти, разочарований и предательства...

А потом, наконец, ты находишь именно того парикмахера, который был нужен!

+++

Разговаривают два соседа-еврея:

– Мойша, когда тебя нет дома, соседи про тебя такое говорят!

– Ой, когда меня нет дома, пусть они меня даже бьют!

+++

Беседа атеиста и священника:

– Если бы вместо Адама в раю оказался я, сегодня мир был бы совсем другим! — утверждает атеист.

– Это почему же? — спрашивает священник.

– Потому что я не люблю яблоки!

+++

Умирает старый преферансист. Подзывает сына и говорит:

– Сынок, никакого наследства тебе я оставить не могу, но зато я скажу тебе адрес, где живет самый лучший преферансист в мире. Иди к нему, и он тебя всему научит!

Сообщил адрес и умер. Похоронил его сын и отправился по указанному отцом адресу. Приезжает и видит развалившийся дом, а возле дома бродит какой-то грязный оборванец.

– Уж не Вы ли лучший в мире преферансист? – спрашивает того.

– Да, я! – с гордостью отвечает хозяин.

– Но почему же Вы тогда живете в такой бедности?

– Открою тебе секрет... Да просто карта не прет, сынок!

+++

На соревнованиях по метанию молота один из спортсменов говорит приятелю:

– Сегодня мне надо постараться. На трибуне во-о-он там сидит моя жена.

– Не! Далековато. Все равно не докинешь.

+++

– Слушай, недавно вычитал, что какую-то болезнь можно лечить исключительно коньяком...

– О, черт! А где ж ее можно подцепить?!

+++

Взломщик открыл сейф и вдруг слышит за спиной:

– Руки вверх!

Он испуганно поднимает руки.

– Вот так! И ни шагу с места, пока я не достану из сейфа обойму.

+++

Древняя мудрость гласит: чего хочет женщина — того хочет Бог. Но неужели Бог так хочет французских духов, цветов, шампанского и романтических отношений?

+++

Муравей просыпается под танком:

– Блин! Чего только спьяну домой не притащишь!?

Из житейских наблюдений:

Улыбаясь, вы делаете свои зубы беззащитными.

Когда бьют мордой об стол, постигаешь суть предмета.

Все не могут сеять разумное, доброе, вечное... Кому-то надо и пахать!

Интеллигент – это человек, думающий о людях лучше, чем они о нем.

Пророкам ставят памятники из тех же камней, которыми их забросали.

В стране дураков самые уважаемые люди – круглые дураки!

Каждый норовит делать погоду. Вот почему ее некому точно предсказать.

Если каждый начнет набивать себе цену, начнется инфляция.

Чтобы носить очки, мало быть умным... Надо еще и плохо видеть!

Библия учит любить ближнего своего, а глянцевые журналы объясняют, как именно.

Школу жизни еще никто не окончил с красным дипломом.

По-чукотски «вегетарианец» означает «криворукий охотник»!

Художник Вячеслав Шляхов

МЫ УВЕРЕНЫ, ЧТО НАШИ КЛИЕНТЫ ТОЖЕ ОПТИМИСТЫ

ВОСТСИБСТРОЙ

С Новым годом!

ИРКУТСКИЕ КУЛУАРЫ

ЖУРНАЛ СЕКРЕТОВ И ТАЙН... РАСКРЫТЫХ!

Для тех, кто любит читать журналы с последних страниц, представляем некоторых авторов этого номера «Иркутских кулуаров»:

Светлана Переломова. Всерьез озаботилась изучением главной женской проблемы столетия: меняется ли жизнь... после смены фамилии. Вся жизнь, без остатка. Включая эффективность мэйкапа вечером.

Роман Миролюбов. Настолько общительный молодой человек, что знает в родном Иркутске почти всех. Поэтому сразу замечает любое новое лицо. И скорее знакомится с обладателем этого лица. Такая вот привычка!

Инна Максименко. To be or not to be? Именно об этом переживали предки, пусть и британские. Наш автор пошел дальше. По ее мнению: если be счастливым, то be вечным. Или что-то вроде этого. Она еще подшаманит формулу.

Андрей Исаев. Археолог, историк, педагог. Понятно же, что такой человек не мог не откопать, что некоторые памятники деревянного зодчества в областном центре того – делись куда-то. А это плохой пример для потомков.

Дмитрий Таевский. Больше измов – всяких и разных. В этом убежден наш автор. Но предупреждает: обязательно хороших измов. Расизма и джингоизма, например, это не касается. Априори, де-юре и де-факто. Мать их за ногу!

Надежда Зайцева. Она и кризис – вещи несовместные. Ну, не понимает она, какое отношение к ней имеют трудности американских и российских финансовых махинаторов. И почему она должна быть вместе с ними в кризисе?

Александр Новиков. Фотографирует все, что шевелится. А что не шевелится, то расшевеливает и непременно фотографирует. Заборы, вывески и ответственные лица уже устали от его настойчивости... А люди радуются!

Артем Световостоков. По-прежнему безудержно несет свет. На этот раз – в массы воинствующих, но безответственных матерей. А заодно и в массы тихих, но гордых отцов. Хотя ни те, ни другие его об этом не просили...